Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Настоящія воспоминанія заключаютъ въ себѣ личныя впечатлѣнія, вынесенныя авторомъ изъ участія его въ экспедиціи 1845 года графа Воронцова въ Андію и Ичкерію, экспедиціи—особо и исключительно интересной, одинъ изъ отдѣльныхъ кровавыхъ эпизодовъ которой носилъ названіе „Сухарной оказіи“ или „Сухарницы“.

Съ увольненіемъ изъ Кавказа А. П. Ермолова, съ 1826 года покореніе Кавказа пошло по ложному пути вплоть до конца пятидесятыхъ годовъ, когда, наконецъ, мы взялись за умъ и при извѣстномъ напряженіи силъ и цѣлесообразныхъ мѣропріятіяхъ кончили эту продолжительную и дорого стоющую государству войну.

Особо напряженный и роковой для насъ характеръ приняла борьба въ періодъ съ 1839 по 1846 годы. Наши неудачи съ 1840 по 42 годы кончились катастрофой 1843 года въ Дагестанѣ. Въ 1844 году войска на Кавказѣ были значительно усилены, но это мало помогло дѣлу, ибо планъ дѣйствій—„кончить съ Шамилемъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ, въ условіяхъ нанесенія его въ центрѣ могущества Шамиля, гдѣ и утвердиться, т. е. въ *Дарго*“,—совершенно не отвѣчалъ обстоятельствамъ, и честный Нейдгардъ отказался отъ исполненія этого плана, составленнаго въ Петербургѣ и предложеннаго къ непремѣнному исполненію. Нейдгартъ былъ смѣненъ, а исполненіе плана было отложено на 1845 годъ и возложено на графа Воронцова. Опытный когда-то военачальникъ и тонкій дипломатъ, графъ Воронцовъ къ этому времени представлялъ просвѣщеннаго вельможу, скорѣе политика и администратора, но

уже нѣсколько отставшаго отъ военнаго дѣла и совершенно незнакомаго съ особенными условіями веденія войны на Кавказѣ.

Еще съ 1844 года войска на Кавказѣ были усилены 5-мъ пѣх. корпусомъ, но командиръ его генералъ *Лидерсъ*, равно какъ и его штабъ и сами войска корпуса не были знакомы съ особенностями веденія здѣсь войны, а опытные и знающіе кавказскіе генералы не только не были спрошены, но бо́льшей частью устранены отъ участія въ главной экспедиціи (кн. Аргутинскій, Фрейтагъ и др).

Изъ опытныхъ кавказцевъ назначены въ экспедицію *кн. Бебутовъ*, *Клюки фонъ-Клюгенау*, *Пассекъ* и *Лабынцевъ*, но первому въ началѣ похода было поручено управленіе тыломъ и снабженіе отряда, а малораспорядительный, хотя и храбрый, какъ шпага, *Клюгенау* и блестящій *Пассекъ*,—молодой талантливый, честолюбивый и пылкій, а равно какъ и опытный и мастеръ своего дѣла *Лабынцевъ*—не могли возмѣстить недостатка въ знающихъ свое дѣло частныхъ начальникахъ, тѣмъ болѣе, что ихъ держали во второстепенныхъ роляхъ.

Графъ Воронцовъ, сохранивъ штабъ и свиту Нейдгарта, привезъ еще свой штабъ и исключительно многочисленную свиту, что, въ соединеніи со штабомъ Лидерса и группой именитой военной молодежи, направленной за лаврами изъ Петербурга, составило весьма значительную, небывалую для Кавказа по размѣрамъ группу лицъ свиты и штабовъ, что непомѣрно увеличивало вьючный обозъ, въ ущербъ подвижности и боеспособности отряда. Вообще на отрядъ силой около дивизіи было слишкомъ много начальства, свиты и штабовъ.

Въ составъ войскъ „Главнаго“ отряда вошли по два и по три баталіона отъ Кавказскихъ войскъ и отъ 5-го корпуса и части различныхъ казачьихъ частей и разнаго вида милицій, что сообщило отряду столь вредную разнородность состава, а многочисленность свиты, штабовъ и обозовъ придала отряду невиданный на Кавказѣ характеръ, осужденный опытными и старыми кавказцами.

Опытные кавказскіе военачальники предсказывали полную неудачу (Фрейтагъ, кн. Аргутинскій, Лабынцевъ и др.), и самъ Воронцовъ началъ терять вѣру въ успѣхъ похода, изготовленнаго цѣликомъ въ Петербургѣ, безъ всякаго соображенія мѣстныхъ условій, но выполненіе похода было условіемъ его назначенія, и тонкій дипломатъ Воронцовъ пишетъ графу Чернышову наканунѣ выступленія: *„Если бы даже полученное мною приказаніе дѣйствовать въ этомъ году наступательно*, прежде, чѣмъ вновь приняться за устройство передовой Чеченской линіи, *было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ всѣ здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но я откровенно говорю здѣсь всѣмъ,*

что это также и мое мнѣніе (т. е. я согласенъ съ „пославшими мя"), *что неблагоразумно избѣгать встрѣчи съ Шамилемъ* и возможности нанести ему вредъ, что *устроитъ наши дѣла лучше всего. Если Богу неугодно будетъ благословить насъ успѣхомъ, мы все-таки сдѣлаемъ нашъ долгъ, не будемъ виноваты* (умываемъ руки!) и обратимся къ методической системѣ" [1]).

Послѣ этого дипломатическаго обращенія къ военному министру, въ которомъ графъ Воронцовъ, видимо не вѣря въ успѣхъ, все-таки ведетъ отрядъ въ экспедицію и заранѣе умываетъ себѣ руки, прикрываясь исполнительностью, онъ дней пять спустя вновь обращается къ графу Чернышеву: „Повергните меня къ стопамъ Его Величества, *я не смѣю и надѣяться на большой успѣхъ нашего предпріятія, но сдѣлаю*, разумѣется, *все, что будетъ отъ меня зависѣть, чтобы выполнить Его желаніе и оправдать Его довѣренность*" [2]).

Въ походѣ приняли участіе значительное число извѣстныхъ тогда и впослѣдствіи лицъ, изъ коихъ многіе остались здѣсь на мѣстѣ или были ранены даже нѣсколько разъ, нѣкоторые сложили свои головы на Кавказѣ позднѣе, нѣкоторые прославились потомъ на Кавказѣ или въ Имперіи, а потому, полагаемъ, есть извѣстный интересъ перечислить ихъ, указавъ убитыхъ и раненыхъ въ этомъ походѣ. При графѣ Воронцовѣ, въ свитѣ состояли: принцъ *Александръ Гессенскій* (братъ Цесаревны Маріи Александровны), при немъ полковникъ *Самсоновъ*, князь *Θ. И. Паскевичъ* (сынъ фельдмаршала), при немъ капитанъ *Беклемишевъ* (здѣсь раненъ); сынъ графа Воронцова *Семенъ*, графъ *Александръ Сергѣевичъ Строгановъ*, князь *Александръ Голицынъ*, князь Эмилій *Витгенштейнъ*, князь *Ираклій Грузинскій*, баронъ *Александръ Павловичъ Николаи* (впослѣдствіи завѣдывающій гражд. частью управл. намѣстника и министръ народнаго просвѣщенія), *князь Ал. Ив. Гагаринъ* (убитъ въ Кутаисѣ, будучи воен. губернаторомъ), генералы—*Викторовъ* и *Фокъ* (оба здѣсь убиты), *Минквицъ*, *Мих. Павл. Щербининъ*, поручикъ *Іедлинскій* (тогда еще австрійской службы, здѣсь раненъ, извѣстный впослѣдствіи на Кавказѣ острякъ и каламбуристъ), флигель-адъютантъ *Сколковъ*; адъютанты графа Воронцова и офицеры для порученій: поручики—*Лонгиновъ* (здѣсь убитъ), *Глѣбовъ* (раненъ, а въ 1847 г. убитъ подъ Салтами), князь Сергѣй Илларіоновичъ *Василь-*

---

[1]) Письмо Воронцова графу Чернышеву, отъ 25 мая 1845 г., изъ Внезапной (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 281).

[2]) Письмо графа Воронцова графу Чернышеву, отъ 30 мая, изъ Внезапной. (Тамъ же, стр. 288).

чиковъ (раненъ), князь *М. А. Дундуковъ-Корсаковъ* (раненъ), баронъ *Шеппингъ* (раненъ, а потомъ убитъ), *Альбрантъ* (раненъ), *Дружининъ*, юнкеръ *графъ Чапскій*, юнкеръ князь *Яшвиль* (впослѣдствіи командиръ л.-гв. Гусарскаго полка), баронъ *Врангель*, *князь Михаилъ Лобановъ-Ростовскій*, князь *Трубецкой*, *Веревкинъ*, князь *Ревасъ Андроникова*, подполк. *Качени* (ран.), ротм. *Лазебниковъ* (ран.), шт.-кап. *Фонъ-Кауфманъ* (ран.).

Изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, помимо Начальника Штаба отряда Владиміра Іосифовича *Гурко* (отецъ фельдмаршала), отмѣтимъ: полковника *Мильковскаго*, *барона Ипполита Вревскаго*, (убитъ въ 1858 г.), *Ковалевскаго* (убитъ при штурмѣ Карса въ 1854 г.), подп. *Левиссона* (убитъ здѣсь), *Корсакова* (убитъ здѣсь), *Козлянинова* (раненъ), *барона Дельвига* (раненъ), *графа Гейдена* (раненъ), впослѣдствіи нач. Глав. Штаба, *Леонтьева* (раненъ), *Артура Адамовича Непокойчицкаго* (впослѣдствіи Нач. Шт. дѣйствующей въ 1877 г. на Дунаѣ арміи), *Мих. Иван. Дараганъ* и капитана *Прушановскаго* (тяжело здѣсь раненаго).

Изъ строевыхъ офицеровъ, помимо генераловъ-героевъ этого похода—*Пассека* (здѣсь убитаго) и *Лабынцева*, отмѣтимъ генераловъ *Козлянинова* (нач. артиллеріи), *Безобразова* и *Бѣлявскаго* (раненаго) и блестящихъ штабъ-офицеровъ: *Познанскаго*, *Ранжевскаго*, *Заваліевскаго* и командира Навагинцевъ *Бибикова* (всѣ четверо здѣсь убиты), капитана Николая Петровича *Колюбакина* (раненаго, впослѣдствіи кутаисскаго губернатора), князя *Александра Ивановича Барятинскаго* (раненаго, будущій фельдмаршалъ), юнкера Кабардинскаго полка, здѣсь произведеннаго въ прапорщики, князя *Димитрія Святополкъ-Мирскаго*, командира Кабардинскаго полка, извѣстнаго героя Викентія Михайловича *Козловскаго* (раненаго), полковника *Сервирога* (убитаго здѣсь), *графа Стейнбока* (тяжело раненъ и умеръ въ концѣ похода, старый доблестный кавказецъ), *Корнилова* (двоюродный братъ Севастопольскаго героя, тяжело раненъ и тутъ же умеръ), Люб. полка подп. *Кривошеева* (убитъ), маіора *Ритца* (убитъ), подполк. *Авджева* (ран.), полк. Витовскаго (ран.), подп. *Левашева* (ран.), подп. *Синюхаева* (ран.). полк. *Меллера-Закомельскаго* (ран.), маіора *Семенова* и полк. *Степанова* (оба ранены), поручика Лаппы (ран.) я мн. др.

Во главѣ милиціи мы видимъ здѣсь героевъ: князя *Илью Димитріевича Орбеліани* (убитаго въ 1854 г. во главѣ командуемаго имъ Грузинскаго Гренад. полка), князя *Левана Меликова* (впослѣдствіи помощникъ Намѣстника) и князя *Александра Эристова* (раненаго здѣсь одновременно съ авторомъ воспоминаній), *Захарія Эристова* и др.

Изъ адъютантовъ и ординарцевъ Лидерса назовемъ: ротмистра *графа де-Бальмена* (извѣстнаго художника, скорѣе превосходнаго рисовальщика), юнкера *Башилова* (оба здѣсь убиты въ одинъ день) и юнкера *Амосова* (раненъ въ щеку), гвард. пор. *Гербеля* (ран.), ротм. *Кованько* (убитъ), капитана *Ключарева* (адъют. Клюгенау—убитъ), шт.-кап. *Савича* (убитъ), поручика *фонъ-Блюма* (ран.); затѣмъ адъютанта Пассека ротм. кирас. Ея Велич. полка *Ольховскаго* (также здѣсь убитаго); такимъ образомъ только изъ послѣднихъ названныхъ здѣсь лицъ шестеро убиты, а остальные всѣ переранены.

Авторъ воспоминаній происходилъ изъ древней лифляндской рыцарской фамиліи. Отецъ его — Константинъ Христофоровичъ [1]) былъ извѣстный боевой дѣятель эпохи 1812—1815 гг. и, служа все это время въ летучихъ и партизанскихъ отрядахъ, прошелъ отличную боевую школу, командуя въ 1813 и 14 гг. самостоятельно отдѣльными летучими отрядами [2]). Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ посланникомъ въ Штутгартѣ, но въ предвидѣніи войны съ Персіею въ 1825 г., онъ, страстно любя военное дѣло, снова надѣлъ мундиръ, поѣхалъ на Кавказъ и принялъ живое участіе въ персидской кампаніи 1826—27 гг., съ выдающимся отличіемъ командуя у Паскевича авангардомъ, получивъ здѣсь, въ числѣ прочихъ наградъ, званіе генералъ-адъютанта.

Соединяя съ боевыми заслугами прекрасное образованіе, Константинъ Христофоровичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ рядомъ трудовъ, такъ, въ „Сѣверной Пчелѣ“ печатались „Письма изъ Персіи“, заключающія въ себѣ извлеченія изъ его весьма интересныхъ писемъ съ театра войны („Пребываніе Аббасса мирзы въ русскомъ лагерѣ“ и др. очерки); также извѣстенъ его трудъ—„О казакахъ и службѣ вообще легкихъ войскъ“, изданный на французскомъ языкѣ. По окончаніи войны К. Х. Бенкендорфъ сдѣлался жертвой нездороваго климата театра войны и, больной, покинулъ Кавказъ, оставивъ по себѣ память „рыцаря безъ страха и упрека“. Съ началомъ турецкой войны, 1828—29 г., еще не оправившись отъ болѣзни, онъ поѣхалъ вновь въ армію, на Дунай и въ Болгарію, и здѣсь, командуя летучимъ отрядомъ, проникъ на Балканы, въ тылъ турецкой арміи, и 7-го іюня занялъ Праводы, захвативъ богатую добычу, но это былъ уже послѣдній его подвигъ, и въ августѣ болѣзнь свела его въ могилу на 44-мъ году всего жизни.

---

[1]) Родной братъ извѣстнаго шефа жандарм. Александра Христофоровича.

[2]) Въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ послѣ Лейпцига, Бенкендорфъ первымъ занялъ своимъ отрядомъ г. Амстердамъ и возстановилъ династію Оранскаго дома.

Въ 1832-мъ году братъ покойнаго Александръ (шефъ жандармовъ) былъ возведенъ въ графское достоинство, но, по неимѣнію имъ дѣтей мужского поколѣнія, достоинство это Высочайше повелѣно перенести на сына его умершаго брата Константина, т. е. на автора настоящихъ воспоминаній.

Авторъ воспоминаній Константинъ Константиновичъ, окончивъ Пажескій корпусъ, вышелъ въ л.-гв. конный полкъ, былъ затѣмъ адъютантомъ военнаго министра, но, несмотря на блестящее положеніе въ обществѣ и связи, обезпечивавшія ему военно-придворную карьеру, на жизнь въ столицѣ и на глазахъ у Государя, предпочелъ, подобно своему отцу, лишенія и опасности „погибельнаго Кавказа". Добившись назначенія въ кавказскій корпусъ, Константинъ Константиновичъ прошелъ здѣсь отличную боевую школу подъ руководствомъ такихъ выдающихся боевыхъ дѣятелей, какъ незабвенный *Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ* и доблестный *Робертъ Карловичъ Фрейтагъ* и руководство подобныхъ знатоковъ военнаго дѣла оставило въ немъ неизгладимые слѣды истиннаго его пониманія.

Всей душой Бенкендорфъ пристрастился къ славнымъ кавказскимъ войскамъ и къ кавказской боевой и походной службѣ и жизни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, этого, по истинѣ „героическаго періода войны", жизни, полной лишеній, трудовъ, опасностей и своеобразной поэзіи. Въ этихъ непрестанныхъ походахъ, то на Кубани, то въ Черкессіи, то въ Чечнѣ или Дагестанѣ, Бенкендорфъ, воинъ по крови и по призванію, оцѣнилъ кавказскія войска и всѣмъ сердцемъ привязался къ кавказскому солдату, къ которому до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ особое глубокое поклоненіе, обожаніе и сердечную привязанность. „Чудныя войска, которыми, кажется, никогда достаточно не нахвалишься", говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ 1839-мъ году онъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, но, побывавъ въ Петербургѣ, продолжалъ свою боевую службу на Кавказѣ, участвуя въ экспедиціяхъ вплоть до рокового для него Даргинскаго похода 1845-го года, вынудившаго его, за потерей здоровья отъ неслыханныхъ лишеній и за тяжкими многими ранами, полученными въ этой экспедиціи, и сохранивъ жизнь только какимъ-то чудомъ, прежде всего заняться основательнымъ леченіемъ, а затѣмъ навсегда оставить боевую службу въ строю. Страданія отъ тяжкихъ ранъ не оставили его до конца жизни. Не владѣя свободно лѣвой рукой и особенно страдая отъ шашечныхъ ранъ, Бенкендорфъ продолжалъ службу по военно-дипломатической части, былъ нѣкоторое время нашимъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, затѣмъ женился и въ тѣхъ же военно-дипломатическихъ обязанностяхъ участвовалъ въ венгерской кампаніи 1849 г. и

восточной 1853—55 гг., состоя при арміи Въ 1855. г. Бенкендорфъ получаетъ званіе генералъ-адъютанта, а три года спустя въ 1858 г.—тѣ же раны свели его въ могилу.

Настоящіе мемуары были изданы въ Парижѣ княземъ Григоріемъ Гагаринымъ на французскомъ языкѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и составляютъ библіографическую рѣдкость; по свойственной ему скромности, покойный не предназначалъ ихъ большой публикѣ, а только кружку близкихъ, но, полагаемъ, что 70 лѣтъ спустя грѣшно держать ихъ подъ спудомъ, такъ какъ они имѣютъ историческое значеніе.

Среди своихъ начальниковъ и подчиненныхъ, равно среди начальниковъ, друзей и пріятелей, графъ К. К. Бенкендорфъ оставилъ, подобно своему отцу, память человѣка „безъ страха и упрека“ и, одновременно, человѣка мыслящаго и чрезвычайно скромнаго.

Князь Александръ Михайловичъ Дундуковъ-Корсаковъ, участникъ той же экспедиціи, часто въ теченіе ея встрѣчаясь съ Бенкендорфомъ, много разъ вспоминаетъ его въ своихъ запискахъ и, мало кого щадя въ нихъ, отзывается о немъ всегда съ особымъ уваженіемъ и теплотой.

„Графъ Бенкендорфъ рыцарски благородная личность, столь цѣнимая Воронцовымъ, которую никто изъ знавшихъ его близко никогда не забудетъ“, говоритъ о немъ Дундуковъ, разсказывая случай, когда Бенкендорфъ велъ въ атаку отрядъ при движеніи къ Герзель-аулу, гдѣ онъ и былъ тяжело раненъ [1]).

Обладая большой наблюдательностью и сосредоточивая свои наблюденія на существенныхъ сторонахъ войны, нашего положенія въ краѣ, отношенія къ туземцамъ, особенностяхъ веденія здѣсь войны и особенно бытовой стороны арміи и на качествахъ русскаго солдата на Кавказѣ, Бенкендорфъ даетъ превосходную всему этому характеристику, а равно и весьма цѣнный очеркъ этой бѣдственной и безцѣльной экспедиціи и мѣткую и правдивую оцѣнку событій и лицъ, много посвятивъ характеристикѣ нашего несравненнаго кавказскаго солдата того времени.

Справедливо воздавъ должное огромному значенію А. А. Вельяминова, какъ, по истинѣ, творца системы, пріемовъ и способовъ веденія здѣсь войны, Бенкендорфъ превосходно обрисовываетъ и самую личность этого первокласснаго кавказскаго военнаго дѣятеля, котораго онъ ставитъ выше Алексѣя Петровича Ермолова.

---

[1]) Старина и Новизна. Т. VI. Воспом. кн. Дундукова-Корсакова, стр. 137-ая.

Интересной вереницей проходятъ здѣсь передъ нами характеристики участниковъ экспедиціи и прежде всего величественная фигура *графа Воронцова*, точнаго исполнителя навязаннаго ему изъ Петербурга плана экспедиціи и очутившагося съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на Кавказѣ въ рѣдко трудномъ положеніи даже для полной всякихъ кризисовъ и ужасовъ кавказской войны и, тѣмъ не менѣе, внушившаго войскамъ своимъ олимпійскимъ величіемъ, выдержкой, неизмѣннымъ спокойствіемъ и рѣдкимъ холоднымъ мужествомъ въ минуты кризисовъ экспедиціи,—довѣріе и глубокое уваженіе.

Очень интересна также характеристика героя многихъ славныхъ дѣлъ и, особенно, всѣхъ арріергардныхъ дѣлъ этой экспедиціи (труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ на Кавказѣ), большого мастера руководить труднымъ дѣломъ отступленія арріергарда, типичнаго боевого служаки и стараго ворчуна, когда-то командира Кабардинскаго полка, генерала *Ивана Михайловича Лабынцева*, этого „Нея Кавказской арміи", по словамъ Бенкендорфа, затѣмъ богато во всѣхъ отношеніяхъ одареннаго, пламеннаго, отважнаго и непомѣрно честолюбиваго *Пассека*, знающаго, храбраго, но „страшнаго", по словамъ Бенкендорфа, „фрондера" *Ковалевскаго* и многихъ другихъ интересныхъ боевыхъ дѣятелей того времени, блиставшихъ геройствомъ, яркими талантами и представлявшихъ интересные типы, которые вырабатывала эта продолжительная, своеобразная война, полная тяжелыхъ лишеній, вѣчной опасности, сильныхъ ощущеній, и одновременно своеобразной прелести походной жизни на лонѣ дикой и величественной природы.

Изъ описанія эпизодовъ экспедиціи превосходно изложено у Бенкендорфа пребываніе отряда Пассека на „Холодной горѣ" и положеніе вообще раненыхъ на послѣднемъ до освобожденія Фрейтагомъ бивакѣ отряда у Шаухалъ-Верды [1]).

При правильномъ отношеніи къ событіямъ и правдивости изложенія записки графа Бенкендорфа, наравнѣ съ воспоминаніями *князя Дундукова-Корсакова, барона Николаи, Геймана, барона Дельвига, Нечаева и Горчакова*, имѣютъ большую цѣнность для изслѣдованія этой высоко-интересной, полной драматическихъ эпизодовъ и безпримѣрной по стойкости и благородному мужеству кавказскихъ войскъ—экспедиціи въ Дарго въ 1845-мъ году.

Б. Колюбакинъ.

---

1) До чего были велики потери отряда въ офицерахъ, свидѣтельствуютъ цифры; всего выбыло изъ строя за три недѣли экспедиціи 189 шт.-и оберъ-офицеровъ, изъ коихъ убито 37, а изъ числа 119 раненыхъ большинство тяжело и по нѣсколько разъ, и уже конечно остались калѣками на весь остатокъ своей жизни.

Предисловіе парижскаго издателя (1858 г.).

(Составлено княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ, извѣстнымъ художникомъ, впослѣдствіи вице-президентомъ академіи художествъ, бывшимъ личнымъ другомъ автора воспоминаній).

Лѣтомъ 1845-го года графъ Бенкендорфъ, весь покрытый тяжелыми ранами, пріѣхалъ въ Парижъ лѣчиться и для необходимаго отдыха. Во время своего выздоровленія, на досугѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ событій, онъ принялся писать свои воспоминанія о походѣ, изъ котораго онъ спасся какимъ-то чудомъ.

Какъ человѣку высоко-порядочному и военному до мозга костей, болѣе всего претило ему говорить о себѣ самомъ, а тѣмъ болѣе разсказывать о своихъ подвигахъ. Набрасывая эти замѣтки, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сдѣлать ихъ достояніемъ печати; еще едва оправившись отъ ранъ, онъ назначилъ себѣ извѣстный срокъ, чтобы дать время остыть свѣжимъ впечатлѣніямъ, которыя не могли бы не потускнѣть передъ новѣйшими событіями.

Воспоминанія эти онъ писалъ исключительно для себя и для своихъ, а если и давалъ ихъ читать кому-либо изъ близкихъ друзей, то дѣлалъ это крайне рѣдко и съ большимъ разборомъ. Теперь, когда жестокая и преждевременная смерть отняла его у насъ и когда главныя дѣйствующія лица этой Кавказской драмы вычеркнуты изъ списка живыхъ, мы считаемъ своимъ долгомъ воздать дань уваженія его свѣтлой памяти, ознакомивъ общество съ этой благородной личностью во всей простотѣ его открытаго и прямого характера.

Мы постараемся сохранить доказательства глубокой любви покойнаго къ родинѣ, къ Кавказу и къ военной службѣ. Въ этихъ воспоминаніяхъ мы увидимъ, съ какимъ безпристрастіемъ и добротой онъ относился къ людямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться, и какъ чувство долга всегда одерживало въ немъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами, нерѣдко подвигая его на крайніе подвиги.

Личныя воспоминанія графа К. К. Бенкендорфа о кавказскомъ походѣ въ лѣто 1845-го года.

Я вовсе не намѣренъ писать исторію военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ лѣто 1845-го года. Я просто хочу возстановить въ памяти самому себѣ и моимъ друзьямъ мое скромное участіе въ походѣ въ качествѣ командира баталіона. Въ этихъ воспоминаніяхъ я отдохну душой, они перенесутъ меня въ эпоху моей жизни, полную молодости и силъ, они напомнятъ мнѣ любимый край, воскресятъ былые сны и наиболѣе мнѣ дорогія симпатіи. Тѣмъ не менѣе,

я не могу начать свое повѣствованіе, не сказавъ о времени, къ которому оно относится, и о тѣхъ причинахъ высшаго порядка, которыя породили главнѣйшія событія.

Могущество Шамиля страннымъ образомъ возросло со времени взятія Ахульго—кровавой катастрофы, которая только очень ненадолго задержала развитіе этого могущества [1]).

Возстаніе въ Чечнѣ, неудачныя экспедиціи генерала Граббе въ 1842-мъ году, смерть Ахметъ-хана Мехтулинскаго, послѣдняго опаснаго (для Шамиля и его ученія) представителя монархическихъ началъ въ Дагестанѣ, паденіе въ 1843-мъ году нашихъ фортовъ въ Аваріи, возстаніе въ Аваріи и въ Акушѣ, завоеваніе шамхальства, бездѣйствіе нашихъ войскъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, отложеніе Даніэльбека султана Елисуйскаго, единственнаго туземнаго вождя, имѣвшаго какое-либо личное значеніе, который до этого времени оставался намъ вѣренъ, нелѣпая военная прогулка 1844-го года [2]),— всѣ эти событія въ глазахъ туземцевъ, равно, какъ и въ нашихъ, являлись побѣдами Шамиля.

Наше дѣло было проиграно и мы стыдились своего безсилія. Всѣ желали, надѣялись и съ нетерпѣніемъ ожицали событія, которое измѣнило бы это печальное настроеніе умовъ.

Эти надежды и желанія были, наконецъ, удовлетворены извѣстіемъ о назначеніи графа Михаила Семеновича Воронцова главнокомандующимъ Кавказской арміею. Это назначеніе было встрѣчено съ единодушнымъ восторгомъ не только на Кавказѣ, гдѣ уже давно ждали своего освободителя, но и во всѣхъ остальныхъ частяхъ обширной имперіи, гдѣ имя графа Воронцова стояло очень высоко въ общественномъ мнѣніи. Имя, связанное со славной и блестящей эпохой войнъ 1812—1815 годовъ, было всегда дорого Россіи.

Обладая въ высшей степени всѣми качествами, всѣми данными для того, чтобы покорять сердца или просто нравиться, перечислить

---

[1]) Остается неяснымъ, въ какомъ смыслѣ и для кого событіе 1839-го г. признается авторомъ катастрофой. Для насъ это все же была побѣда, хотя и безплодная и стоившая намъ много крови и громадныхъ лишеній, т. е. побѣда кровавая, но которой мы не умѣли воспользоваться. *Б. К.*

[2]) Графъ Бенкендорфъ, видимо, повторяетъ здѣсь оцѣнку похода 1844 г., сдѣланную въ Петербургѣ, такъ какъ эта „нелѣпая прогулка“ составляла уклоненіе отъ указанія изъ Петербурга о способѣ дѣйствій. А между тѣмъ виновникъ „прогулки“ ген.-адъют. Нейдгартъ поступилъ прямодушнѣе графа Воронцова въ 1845 г., не предпринявъ этого безцѣльнаго и погибельнаго Даргинскаго похода, за исполненіе котораго, даже не вѣря въ его успѣхъ, взялся графъ Воронцовъ. Нынѣ, владѣя оффиціальными первоисточниками и при богатствѣ мемуаровъ, всѣ эти затѣи 1845 и 1844 годовъ получаютъ, наконецъ, правильное освѣщеніе. *Б. К—ъ.*

которыя отняло бы у насъ много времени и которыя къ тому же всѣмъ хорошо извѣстны, графъ Михаилъ Семеновичъ соединялъ съ ними еще и тѣ, которыя въ Россіи подкупаютъ всѣ симпатіи и всегда плѣняютъ—я хочу сказать о внѣшности графа. Красавецъ въ свои 65 лѣтъ, высокаго роста, съ прекрасными и изысканными манерами, графъ прежде всего былъ большой баринъ, качество тѣмъ болѣе почтенное, что оно со дня на день становятся все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Это качество свойственно старому поколѣнію, которое и унесетъ его съ собой въ могилу. Сыновья, люди съ громкими именами, подчасъ и съ большимъ состояніемъ, но это не бары.

Графъ Михаилъ Семеновичъ кромѣ того владѣлъ большимъ состояніемъ и всегда былъ очень щедръ по отношенію своихъ окружающихъ. Человѣкъ совершенно независимаго характера и, какъ ходили слухи, графъ былъ въ большихъ контрахъ съ правительствомъ—обстоятельство, достаточное у насъ въ Россіи для пріобрѣтенія популярности. Говорятъ, что Государь въ этомъ отношеніи подчинился обстоятельствамъ; интересно было бы знать, какихъ усилій стоило ему сложить съ себя часть власти, чтобы облечь ею своего подданнаго, къ которому, какъ указывала молва, онъ далеко не былъ расположенъ.

Это послѣднее обстоятельство, мнѣ кажется, много способствовало тѣмъ овоціямъ, какими встрѣтили графа Михаила Семеновича Москва и Петербургъ. Правда, эти овоціи были заслужены: онѣ относились къ той великой жертвѣ, которую графъ Михаилъ Семеновичъ принесъ, поступившись своимъ славнымъ отдыхомъ тогда, когда, казалось, онъ достигъ вѣнца своей карьеры, столь богатой великими событіями и ознаменованной добрыми дѣлами.

Въ самомъ дѣлѣ, по первому призыву своего Государя, онъ все бросаетъ для новыхъ трудовъ, чуждый всякой задней мысли, единственно повинуясь чувству долга и своей совѣсти, которыя повелѣваютъ ему поработать еще для общаго блага и славы русскаго оружія. Это былъ призывъ къ чувству чести дворянина, и графъ Воронцовъ не задумался откликнуться на него.

Государь собственноручнымъ письмомъ предложилъ ему принять званіе главнокомандующаго Кавказской арміею и намѣстника, но предложеніе это оставалось для всѣхъ тайной. Курьеръ, съ которымъ оно было послано, пріѣхалъ въ Алупкинскій дворецъ ночью; графа разбудили, и онъ немедленно продиктовалъ свой отвѣтъ, а часъ спустя курьеръ уже мчался обратно въ Петербургъ.

На Кавказѣ, какъ мною уже упомянуто, извѣстіе объ этомъ назначеніи произвело огромное впечатлѣніе; войска съ восторгомъ привѣтствовали героя Краона и участника многихъ сраженій; старые

грузины—того, кто еще молодымъ офицеромъ сражался въ ихъ рядахъ въ славныя побѣдныя времена князя Цицianова.

Для торговли и промышленности, казалось, наступила новая эра при тѣхъ новыхъ условіяхъ, которыя должны были вскорѣ водвориться въ Новороссіи и Закавказскихъ губерніяхъ. Русскіе кавказцы разсчитывали освободиться отъ непосредственной зависимости отъ Петербурга, служившей для нихъ предметомъ постоянныхъ жалобъ и создававшей имъ положеніе, которое такъ мало согласовалось съ ихъ фрондерскимъ складомъ ума, съ ихъ либеральными идеями, съ ихъ стремленіями къ самостоятельности и оппозиціоннымъ отношеніемъ ко всему тому, что не исходило отъ нихъ самихъ [1]).

Такой складъ ума (духъ) особенно сильно обозначается въ этомъ краѣ, и мнѣ кажется, что его порождаетъ сама природа; онъ впитывается вмѣстѣ съ воздухомъ этой дикой и величественной природы.

Мусульманскія народности Кавказа не могли не знать, что графъ Воронцовъ неоднократно выступалъ защитникомъ и покровителемъ ихъ братьевъ—Крымскихъ татаръ.

Извѣстіе о назначеніи графа Воронцова привело противника въ смущеніе, и онъ съ любопытствомъ ожидалъ появленія новаго начальника, которымъ только и были заняты всегда освѣдомленные новостями базарные слухи городовъ, ауловъ и станицъ. Наконецъ, всѣ, а въ особенности низшіе классы населенія, привѣтствовали въ Воронцовѣ идола азіатскихъ народовъ и человѣка, соединявшаго съ громаднымъ богатствомъ еще и всемогущество.

Я хочу еще остановиться на той рѣзкой разницѣ, которая существовала между впечатлѣніемъ, произведеннымъ назначеніемъ графа Воронцова на умы населенія Россіи и Кавказа, и на различіи тѣхъ чувствъ, съ которымъ это назначеніе было встрѣчено въ обѣихъ странахъ. Въ Россіи на назначеніе графа смотрѣли какъ на окончаніе этой непопулярной войны, дабы обновить (regenerer) край, отъ котораго уже съ давнихъ поръ требовали вознагражденія за принесенныя для него жертвы. Въ Азіи же, за небольшимъ лишь исключеніемъ, русскіе кавказцы, равно богатые и бѣдные, видѣли въ Воронцовѣ освободителя.

Одинъ надѣялся при его помощи составить себѣ состояніе, другой—карьеру, третій заручиться извѣстнымъ вліяніемъ въ

---

[1]) Если рѣчь идетъ по вопросу скорѣйшаго покоренія Кавказа и установленія правильныхъ отношеній къ мирнымъ и немирнымъ туземцамъ, то русскіе кавказцы были совершенно правы, ибо всѣ петербургскія указанія и планы совершенно не отвѣчали свойствамъ Кавказа и его обитателей и къ этой независимости стремились рѣшительно всѣ намѣстники, начиная съ Ермолова. *Б. К.*

дѣлахъ, или, по крайней мѣрѣ, хотя бы намекомъ на подобное вліяніе, что служило бы ему средствомъ для достиженія первыхъ двухъ благъ.

Понятія объ общественномъ благосостояніи и общественной пользѣ, даже въ самомъ узкомъ значеніи слова, еще не перешли ни за Терекъ, ни за Кубань, и было бы совершенно напрасно искать равнозначущаго выраженія на татарскомъ, грузинскомъ и даже армянскомъ языкахъ.

Отъѣздъ графа Воронцова изъ Одессы былъ тріумфомъ для его прошлаго, его пріѣздъ на Кавказъ и въ особенности въ Тифлисъ— тріумфомъ настоящаго и надеждой на тріумфъ будущаго.

Графъ проѣхалъ по всему восточному прибрежью Чернаго моря, осмотрѣвъ нѣсколько главныхъ приморскихъ пунктовъ, проѣхалъ черезъ Мингрелію и Имеретію и 22-го марта прибылъ въ свою новую столицу. Я имѣлъ честь сопутствовать графу въ эти края, которые я уже зналъ и которые я съ удовольствіемъ видѣлъ вновь, такъ какъ ихъ созерцаніе было мнѣ первымъ отвлеченіемъ отъ впечатлѣній тягостной потери, которой Господу Богу угодно было меня испытать. Не буду останавливаться на этихъ подробностяхъ, чтобы скорѣе перейти къ началу кампаніи.

Энтузіазмъ къ новому начальнику былъ безграничный: никогда еще населеніе Тифлиса не видѣло въ представителѣ всемогущаго сардаря, болѣе ласковаго пріема, ни большей доброты и мягкости въ соединеніи съ такимъ величіемъ. Таково было впечатлѣніе на массы. У лицъ же, окружающихъ графа, къ этому общему впечатлѣнію присоединилось еще и удивленіе и нѣкоторое смущеніе, такъ какъ новый начальникъ не походилъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ. Строились всевозможныя догадки, старались его поймать на чемъ-нибудь, испытывали, но онъ не поддавался никакому объясненію и оставался неуязвимъ. Своей непроницаемостью, въ этой странѣ интригъ, графъ Воронцовъ приводилъ въ отчаяніе самыхъ бывалыхъ и продувныхъ. Отъ Воронцова уходили съ убѣжденіемъ, что онъ остается загадкой, тайной; „онъ насъ всѣхъ проведетъ“, передавали другъ другу на ухо. Блистательное доказательство превосходства ума графа! Воображеніе азіатовъ было поражено и всѣми овладѣло чувство страха. Вообще страхъ являлся здѣсь чѣмъ-то новымъ, такъ какъ на Кавказѣ, уже съ давнихъ поръ, не боялись ничего и никого, такъ слабо было здѣсь правительство[1]).

[1]) То есть послѣ Ермолова, бывшаго грозою всѣмъ непокорнымъ, непослушнымъ и лѣнивымъ, и удаленіе Ермолова изъ Кавказа нанесло громадный ущербъ утвержденію нашей здѣсь государственности и успѣху покоренія Кавказа, и много еще прошло времени, пока, наконецъ, мы взялись за умъ. *К. Б.*

Въ этотъ первый свой пріѣздъ графъ Воронцовъ оставался въ Тифлисѣ всего мѣсяцъ. Время открытія кампаніи приближалось и для Петербурга въ Кавказскомъ вопросѣ военныя дѣйствія представляли главный интересъ. Вслѣдствіе этого въ возможной степени были собраны войска и произведены гигантскія приготовленія, дотолѣ неизвѣстныя.

Никогда еще не находилось въ сборѣ такого числа отдѣльныхъ отрядовъ для одновременнаго дѣйствія на самыхъ противуположныхъ пунктахъ обширной операціонной базы и на этотъ послѣдній планъ дѣйствій кавказскіе стратеги возлагали самыя блестящія надежды (!?) [1]). Никогда еще отряды эти не имѣли такой численности, особенно же главный отрядъ, при которомъ долженъ былъ находиться самъ главнокомандующій—это была цѣлая армія [2]).

Эти обширные замыслы созрѣли въ Петербургѣ; тамъ зародилась идея этого похода (кончить все однимъ рѣшительнымъ ударомъ), порученнаго графу Воронцову и предназначеннаго служить дополненіемъ (развитіемъ) похода, не состоявшагося въ прошломъ 1844-мъ г. На Кавказѣ, противно петербургскимъ воззрѣніямъ, не видѣли надобность этого похода и не вѣрили въ блестящее его окончаніе.

Если въ столицѣ находили, что нужно было энергично вести войну и все кончить силой оружія [3]), то на Кавказѣ, наоборотъ, съ этимъ не соглашались и не строили себѣ никакихъ иллюзій въ успѣхѣ похода. Впрочемъ, всѣ были того мнѣнія, что нужно было поднять славу нашего оружія и предпринять что-либо значительное;

---

[1]) Это не вполнѣ справедливо. И здѣсь, какъ увидимъ сейчасъ же далѣе, Бенкендорфъ себѣ въ нѣкоторой степени противорѣчитъ: это петербургскіе стратеги возлагали блестящія надежды, но не кавказскіе, которые, какъ это теперь доподлинно извѣстно, подвергли проекты похода 44 и 45-го годовъ большой критикѣ, а наиболѣе авторитетные подавали записки (кн. Аргутинскій) и откровенно высказывались Воронцову (Фрейтагъ), или просто фрондировали (Лабынцевъ, Ковалевскій и др.).

[2]) По свидѣтельству другого участника, князя Дундукова-Корсакова, называвшаго главный отрядъ арміею Ксеркса, организація, составъ и численность главнаго отряда подверглись на Кавказѣ большому осужденію, особенно свита графа Воронцова и штабы его и Лидерса, что непомѣрно увеличило вьючный обозъ, составлявшій всегда слабую сторону горныхъ экспедицій. Во всемъ остальномъ Бенкендорфъ правъ, такъ что его слѣдуетъ причислить къ кавказцамъ, здраво смотрѣвшимъ на дѣло, и онъ только, по свойственной ему скромности, мало подчеркиваетъ свое пониманіе условій успѣха войны и экспедиціи 1845-го года.

[3]) Главное—однимъ ударомъ, въ одинъ походъ, что и составляло главную ошибку этого плана, ибо Кавказская война требовала системы и основательной и продолжительной подготовки, равно и наступленія со стороны Чечни и никоимъ образомъ не со стороны Дагестана. *Б. К.*

полагали, что взятіе Тилитля, центра непріятельскаго господства на югѣ, и занятіе Анди, страны до сихъ поръ для насъ неизвѣстной, о которой разсказывались чудеса, дастъ намъ огромныя преимущества. Было извѣстно, что Анди недовольна режимомъ Шамиля, что жители желали нашего прихода, даже требовали его; мы же ласкали себя надеждой, что отложеніе андійцевъ повлечетъ за собой отложеніе отъ Шамиля и другихъ народовъ Дагестана, привыкшихъ всегда слѣдовать примѣру Анди. Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе обоснованнымъ, что всѣ народности Чечни и Дагестана одинаково испытывали тягость владычества Шамиля и что давно уже ничто это владычество не одушевляло. Начать съ того, что религіозный фанатизмъ привелъ въ Дагестанѣ все къ одному и тому же уровню, замѣняя собой власть, какъ монархическую, такъ и демократическую, бывшую доселѣ исключительно въ рукахъ духовенства; воплотившись въ Шамилѣ, отъ котораго исходило все могущество, фанатизмъ этотъ, породившій священную войну, давнымъ давно погасъ, остановленный въ своемъ порывѣ сѣкирой этого человѣка, сдѣлавшагося представителемъ державы скорѣе политической, чѣмъ религіозной.

Съ потерей Дагестана Шамиль терялъ половину своего могущества и у него оставалась только Чечня. Принимая въ соображеніе, что при помощи горцевъ онъ держалъ въ страхѣ жителей равнинъ и лѣсовъ и, наоборотъ, легко оцѣнить все значеніе удара, который мы собирались ему нанести [1]).

Въ то время между нами не было пророковъ, и никто изъ насъ не предугадалъ той степени силы, которую проявилъ Шамиль [2]).

Когда Шамиль лишился Андіи, по невозможности ея обороны, то онъ сдѣлалъ то самое, что сдѣлала наша первопрестольная столица, воодушевленная благороднымъ патріотизмомъ. По его приказанію, прежде, чѣмъ ее покинуть, мюриды сожгли и опустошили всю долину и силой угнали жителей, которые, изнемогая подъ тяжестью и бѣдствій и лишеній, уже не могли распорядиться своей судьбой, несмотря на присутствіе нѣсколькихъ тысячъ русскихъ штыковъ, пришедшихъ на ихъ освобожденіе. Но такъ какъ мы не

---

[1]) Бѣдный средствами для жизни Дагестанъ имѣлъ меньшее значеніе, чѣмъ Чечня, служившая ему источникомъ средствъ, т. е. базой для веденія войны, и 14 лѣтъ спустя только занятіе нами Чечни рѣшило судьбу кампаніи. *Б. К.*

[2]) Т. е. изъ лицъ, окружавшихъ графа Воронцова, но внѣ этого круга пророковъ было много, начиная съ генераловъ—*Фрейтага, князя Аргутинскаго, Бебутова, Лабынцева, Ковалевскаго* и кончая другими, игравшими скромную сравнительно роль. *Б. К.*

предусматривали подобной системы обороны, то успѣхъ похода казался возможнымъ и даже вѣроятнымъ [1]). Старые кавказцы вообще безмолвствовали, удерживаясь отъ критики предстоящаго, но вторую половину похода, долженствовавшую разыграться на театрѣ Ичкеріи (т. е. уже въ Чечнѣ), они даже одобряли [2]); тѣ же, кто предчувствовалъ неудачи, таили эти предчувствія про себя, не высказывались и подчинялись общему увлеченію, и всѣ вообще только и думали о томъ, какъ бы только сражаться подъ знаменами графа Воронцова.

Я имѣлъ честь сопровождать главнокомандующаго въ его поѣздѣ отъ Тифлиса до Владикавказа, вдоль рѣки Сунжи и частью по линіи Терека до Кизляра и въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Эта поѣздка заканчивалась укрѣпленіемъ *Ташъ-Кичу*—предварительнымъ сборнымъ пунктомъ для чиновъ главной квартиры графа Воронцова. Эти восемь дней пребыванія въ Ташъ-Кичу я провелъ въ кружкѣ жуировъ. Я помѣщался въ татарскомъ аулѣ.

Миша Лобановъ и я помѣстились въ саклѣ нашего кунака, нѣкоего Нупала, молочнаго брата князя Хасаева [3]). Я не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій у графа Воронцова и былъ бы крайне недоволенъ имѣть таковыя, что включило бы меня въ составъ штаба на всю кампанію. Въ походѣ я всегда избѣгалъ большихъ и малыхъ штабовъ, и мнѣ всегда удавалось остаться въ строю, а чаще всего получать командованіе отдѣльной частью.

Свою службу на Кавказѣ я началъ въ 10-ой ротѣ Кабардинскаго Егерскаго полка, въ томъ самомъ полку, въ которомъ, въ Грузіи, на берегахъ Алазани, въ 1804-мъ году началъ свою военную службу покойный дядя мой, графъ Александръ Бенкендорфъ. Продолжалъ я свою службу въ Черноморскомъ казачьемъ полку. Въ 1836-мъ году покойный генералъ Вельяминовъ, по рекомендаціи адъютанта военнаго министра барона Павла Вревскаго, поручилъ мнѣ командованіе казачьей полусотней отборной конницы, которая составляла резервъ горскаго (изъ черкесъ) эскадрона, принявшаго дѣятельное участіе въ осенней экспедиціи въ окрестностяхъ Анапы.

Въ 1842-мъ году военный министръ графъ Чернышевъ, котораго я имѣлъ честь сопровождать въ его интересной поѣздкѣ по

---

[1]) Едва-ли даже при этихъ условіяхъ и не придаетъ ли Бенкендорфъ слишкомъ большое значеніе покоренію Андіи, вѣдь вопросъ въ томъ, могли ли бы мы потомъ удержаться въ Андіи. *Б. К.*

[2]) Бенкендорфъ ихъ не называетъ. *Б. К.*

[3]) Кумыкскаго князя, равно какъ и аулъ Ташъ-Кичу Кумыкскій; кумыки, которыхъ, по мѣстнымъ условіямъ, мы могли прикрывать, крѣпко насъ держались.

Кавказу, прежде, чѣмъ вернуться въ Петербургъ, предоставилъ меня въ распоряженіе полковника *Фрейтага*. Этому выдающемуся офицеру, нынѣ (въ 1856 г.) генералъ-лейтенанту, было поручено занять расположеніе бывшаго аула *Ойсунгуръ*, возвести здѣсь укрѣпленіе и оборонять такъ называемую *Кумыкскую плоскость*. Онъ предоставилъ мнѣ командованіе кавалеріею своего отряда въ составѣ Донского казачьяго полка и сотни линейцевъ; это было блистательно для начала.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года. [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Въ описываемую мною эпоху, въ 1845-мъ году, графъ Воронцовъ, по моей просьбѣ, поручилъ мнѣ командованіе баталіономъ и совершенно случайно я получилъ I-ый баталіонъ Куринскаго егерскаго полка, одного изъ лучшихъ полковъ Кавказской арміи. Это обстоятельство привело меня въ восторгъ тѣмъ болѣе, что въ 1842-мъ году я прослужилъ въ полку 5 мѣсяцевъ подрядъ и у меня установились съ чинами полка дружескія отношенія; даже у нижнихъ чиновъ я оставилъ хорошую память, такъ какъ, однажды, когда карабинерная рота полка, неудачно заведя дѣло и очутившись далеко отъ какой-либо поддержки, со всѣхъ сторонъ была окружена противникомъ и уже почти погибала подъ ударами чеченцевъ, тогда мои казаки, по счастью, во-время явились на выручку роты. На войнѣ же войска особенно цѣнятъ такія дружескія услуги; солдатъ же никогда не стыдится сознаться, что его выручили.

Когда я пріѣхалъ въ *Андреево* и принялъ свою должность, всѣ тѣ, кто служилъ въ это время въ баталіонѣ, встрѣтили меня съ тѣми особыми дружескими восклицаніями, которыя въ русской арміи заключаютъ въ себѣ нѣчто трогательное и устанавливаютъ какое-то особое сыновнее отношеніе части къ своему командиру [2]).

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

[2]) Очень характерное впечатлѣніе и наблюденіе отношеній, присущихъ старой Кавказской арміи, въ чемъ и была ея сила. Можетъ быть, что встрѣча эта, съ точки зрѣнія преобладающихъ тогда у насъ въ Россіи воззрѣній, и показалась бы странной, но на Кавказѣ форма вообще мало значила, готовились не къ смотрамъ, а къ смертному бою и потому духовная сторона стояла на первомъ планѣ. *Б. Кол—ъ.*

Въ общемъ, я нашелъ передъ ротами хорошихъ командировъ. Первой карабинерной ротой командовалъ капитанъ *Пассьетъ*, человѣкъ еще молодой, кроткій и скромный, краснѣющій, какъ молодая дѣвушка, но могучій какъ левъ, когда нужно было нанести ударъ. Его рвеніе и разумъ издавна пріучили его ко всѣмъ требованіямъ Кавказской войны и пріобрѣли ему всѣ необходимыя качества: неустанную бдительность, способность предугадывать опасность, быстро принимать рѣшенія, энергію исполненія дѣла и всегда холодное и спокойное мужество [1]).

Для пѣхоты эта война заключается большей частью въ поддерживаніи ружейнаго огня, т. е. въ перестрѣлкѣ на болѣе или менѣе близкихъ разстояніяхъ. Эта перестрѣлка ведется на маршѣ или на мѣстѣ, будучи болѣе или менѣе тревожима противникомъ, который пользуется малѣйшей оплошностью, особенно же минутами какихъ-либо замѣшательствъ. Служба пѣхотнаго офицера въ бою преслѣдуетъ одновременно двѣ задачи: одна заключаетъ въ себѣ обязанности по отношенію своего прикрываемаго отряда, когда, по просту говоря, необходимо стоять стѣной, грудью, принимая на себя непріятельскій огонь и ограждая отъ него прикрываемыя и сзади расположенныя части; другая задача—обязанности по отношенію чиновъ непосредственно ввѣренной офицеру части, когда долгъ человѣка и офицера обязываетъ его оберегать эту часть и, по всей возможности, беречь жизнь солдата.

Въ соображеніи и исполненіи этихъ задачъ и заключается обыкновенно служба пѣхотнаго офицера въ бою.

Какъ! Скажутъ мнѣ! Но вѣдь приходится зачастую идти въ штыки, предпринимать наступленія, брать непріятельскія позиціи, наконецъ,—атаковать!

Да, конечно и это случается, но въ серіи наиболѣе дѣйствительныхъ трудовъ подобной войны, эти обстоятельства представляютъ явленія наиболѣе краткія, наиболѣе занимательныя и веселыя и наиболѣе легкія. Къ тому же здѣсь стимулъ побѣды дѣйствуетъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и на Кавказѣ скоро проходитъ увлеченіе блескомъ атаки, когда наличный опытъ убѣждаетъ, что послѣдствія подобной атаки никогда не даютъ никакихъ реальныхъ результатовъ.

Держаться на занимаемомъ мѣстѣ, оборонять его или оставлять—вотъ въ чемъ заключаются трудности войны и вотъ что составляетъ камень преткновенія для многихъ репутацій. Я получилъ свой Георгіевскій крестъ за одинъ успѣшный штурмъ, и это меня огорчало, и я гордился бы гораздо болѣе получить таковой за блиста-

[1]) Превосходная оцѣнка качествъ боеваго офицера. *Б. К.*

тельно исполненное отступленіе, но статутъ этого ордена не предусматриваетъ, что этотъ послѣдній случай заслуживаетъ такой чести, и въ этой войнѣ этимъ орденомъ не награждаются лучшіе виды воинской доблести, а потому наиболѣе выдающіеся и храбрѣйшіе офицеры не получаютъ этого креста, что особенно примѣнимо къ офицерамъ, служащимъ на Чеченскомъ театрѣ дѣйствій.

Нужно имѣть честное и благородное сердце, чтобы удовольствоваться проявленіемъ только хладнокровія и спокойнаго и пассивнаго мужества, а между тѣмъ именно эти качества и представляютъ наибольшія заслуги строевого офицера Кавказской арміи; особенно необходимо здѣсь нравственное мужество и, чтобы подолгу выдерживать и тянуть подобную службу, нужно забыть всякое другое существованіе. Но, зато никто не пользуется на Кавказѣ такимъ глубокимъ уваженіемъ, какъ хорошій боевой офицеръ.

Офицеръ, о которомъ я веду рѣчь, не требовалъ въ этомъ отношеніи ничего лучшаго и на-ряду съ своими качествами былъ настоящимъ отцомъ и кумиромъ роты, которой никогда не видать лучшаго командира!.. Послѣ того многіе изъ старыхъ усачей этой роты вскорѣ послѣдовали въ лучшій міръ за своимъ отцомъ-командиромъ, такъ какъ храбраго *Пассьета* нѣтъ болѣе въ живыхъ. Онъ умеръ той безвѣстной и безъ славы смертью, которую много героевъ находятъ на Кавказѣ: спрятавшійся за дерево горецъ всадилъ ему пулю въ ногу съ раздробленіемъ кости и, быть можетъ, ампутація ноги и спасла бы ему жизнь, но подъ руками не было ни хирурга, ни инструментовъ и послѣ восьмидневнаго тасканія съ бивака на бивакъ, подъ непрестаннымъ снѣгомъ и дождемъ, его доставили, наконецъ, въ госпиталь, когда ампутація ноги уже не имѣла смысла, и бравый Пассьетъ отдалъ Богу душу.

Но память о немъ пережила его, и кто зналъ его такъ близко, какъ я, считающій себя счастливымъ воздать должное памяти боевого товарища, тотъ никогда его не забудетъ; увѣренъ, что и карабинеры его роты все еще его оплакиваютъ, а что можетъ быть трогательнѣе слезы благодарности стараго солдата [1]). 1-ой егерской ротой [2]) командовалъ офицеръ, о которомъ мало что можно сказать, и онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ этомъ походѣ.

2-ой егерской ротой командовалъ *Эссенъ*, старый офицеръ, застрявшій въ этой должности и въ чинѣ и представлявшій въ этомъ

[1]) Въ этотъ походъ кап. Пассьетъ также былъ раненъ, но здѣсь ли погибъ или уцѣлѣлъ ли здѣсь и окончательно погибъ только нѣсколько лѣтъ спустя, остается неизвѣстнымъ.

[2]) Въ егерскихъ полкахъ того времени первыя роты каждаго баталіона назывались карабинерными и сохраняли номеръ своего баталіона, остальныя роты назывались егерскими.

отношеніи рѣдкій примѣръ въ арміи, гдѣ движеніе по службѣ идетъ довольно быстро; Эссенъ командовалъ ротой еще въ сраженіи подъ Краономъ (въ 1814-мъ году). Огромнаго роста, геркулесовскаго сложенія, съ бѣлой—какъ лунь—головой, не имѣя по выносливости никого среди насъ себѣ равнаго, *Эссенъ* шелъ всегда пѣшкомъ, во главѣ своихъ егерей; о немъ рѣчь будетъ еще впереди.

3-ей егерской—командовалъ офицеръ, хорошо извѣстный на Кавказѣ—*Николай Петровичъ Колюбакинъ* [1]). За 10 лѣтъ его пребыванія на Кавказѣ, его всегда цѣнили за его дѣйствительно замѣчательный умъ и, одновременно, избѣгали за неуживчивость съ кѣмъ бы то ни было; его прозвали „львомъ рыкающимъ и кидающимся“ („le lion rugissant et bondissant“). Я его изучилъ съ двухъ сторонъ и кончилъ тѣмъ, что отлично съ нимъ поладилъ и относился къ нему съ участіемъ и дружески. Я знаю, что и онъ искренно платилъ мнѣ тѣмъ же. Я не буду говорить о тѣхъ якобы обязательствахъ, которыя онъ питалъ ко мнѣ, а перейду къ главному обстоятельству—онъ относился ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ, вотъ почему мы съ нимъ и поладили, такъ какъ Колюбакинъ сдерживался только передъ тѣми, кого онъ уважалъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ былъ чрезвычайно разборчивъ. Кромѣ меня, замѣчу, отбрасывая всякую скромность, что онъ оказывалъ эту честь не болѣе, какъ 4—6 лицамъ. Его необщительность создала ему массу враговъ и много вредила ему по службѣ, что однако не мѣшало тѣмъ, кто нуждался въ его помощи, въ его указаніяхъ и въ его талантахъ, терпѣливо переносить его, такъ какъ Колюбакинъ, по своему образованію,—умѣнью владѣть перомъ, знанію края и по своему разумному и испытанному умѣнью обращаться съ туземцами, безспорно являлся однимъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ Кавказа [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ офицеръ блистательной храбрости; весь покрытый ранами, изъ коихъ, къ сожалѣнію, треть имъ была получена на дуэляхъ, онъ былъ постоянно въ поискахъ за новыми.

---

[1]) Н. П. Колюбакинъ до описываемыхъ событій былъ уже два раза разжалованъ въ рядовые, послѣдній разъ изъ Гродненскаго гусарскаго полка, и послѣдній разъ выслужился въ офицеры изъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Къ 1845-му году онъ дослужился уже до капитанскаго чина и, числясь адъютантомъ ген.-адъют. Анрепа, по своему усиленному ходатайству, участвовалъ въ этомъ походѣ.

Графъ Воронцовъ тогда же обратилъ на него большое вниманіе.

Б. К—ъ.

[2]) Такъ называемый — немирной Колюбакинъ, впослѣдствіи—управ. Мингреліею, Сухумск. воен. окр.,—эриванскій воен. губ.,—кутаисскій воен. губерн. и съ 1868 г.—сенаторъ въ Москвѣ. См. о немъ „Русск. Арх.“ и „Русск. Старина“.

Я не буду останавливаться на прочихъ офицерахъ баталіона, между которыми я обрѣлъ одного преданнаго друга, бывшаго моимъ спасителемъ цѣной собственной жизни.

Всего въ баталіонѣ было 10 человѣкъ офицеровъ и, кромѣ того, къ нимъ же была причислена значительная партія юнкеровъ, находившихся подъ общимъ попеченіемъ капитана Пассьета.

Особая, присущая Кавказу, категорія такъ называемыхъ „несчастныхъ“, къ счастью, не была многочисленна. Этими „несчастными“ называли здѣсь тѣхъ, кто, принадлежа къ высшему классу общества, ссылался сюда на службу, рядовыми, за всякаго рода провинности. Необходимо замѣтить, что ореоломъ этой категоріи служила добрая намять, оставленная еще декабристами и ссыльными послѣ возстанія 1830-го года поляками.

Участь ихъ была значительно смягчена. На Кавказѣ было принято (считалось порядочностью) относиться къ нимъ внимательно и предупредительно, возможно облегчая имъ выходъ изъ ихъ положенія. Подобное отношеніе, исходя конечно изъ благородныхъ и великодушныхъ побужденій и желанія облегчить несчастныхъ, доходило однако до крайности. Лица этой категоріи не только не были полезными, но, наоборотъ, были сущей обузой своимъ начальникамъ, особенно теперь, когда составъ этой категоріи измѣнился къ худшему.

Но добрая память, оставленная многими изъ ихъ предшественниковъ, возвращенныхъ теперь родинѣ и семьѣ, сохранила еще такую силу, что нынѣшніе долго еще будутъ пользоваться этими счастливыми и выгодными для ихъ положенія воспоминаніями.

31-ое мая было назначено днемъ открытія кампаніи.

Въ русской арміи всякое военное предпріятіе начинается съ благословенія церкви. Войска, построенныя колоннами, составили квадратъ, центръ котораго былъ занятъ служившимъ молебствіе церковнымъ причтомъ.

По окончаніи богослуженія, полковые священники обошли разступавшіеся передъ ними ряды и окропили святой водой, начиная съ главнокомандующаго и кончая послѣднимъ рядовымъ. Барабаннымъ боемъ закончилась церемонія и, я думаю, не одна теплая молитва вознеслась къ небу.

Солдатъ искренно отдается религіозному настроенію, но это настроеніе не можетъ быть однако продолжительнымъ. Лишь только закончилась церемонія, какъ фуражки были лихо заломлены на бекрень, одежда и снаряженіе было прилажено и переложено „по походному“, пѣсельники вышли передъ роты, плясуны съ ужимками

и гримасами пошли продѣлывать свои скачки и прыжки; въ мгновенье бубны, цимбалы, дудки и треугольники вынуты изъ ранцевъ, гдѣ эти символы солдатской утѣхи всегда найдутъ себѣ мѣсто съ сухарнымъ запасомъ и смѣной бѣлья.

Загумѣли бубны и всѣ, кто умѣлъ, красивыми и звонкими голосами затянули родныя пѣсни—неизмѣнныя спутницы солдата на походѣ.

Весело выступать въ походъ съ доблестными войсками и идешь на войну, какъ бывало въ 18 лѣтъ идешь на любовное свиданіе.

Такъ какъ я только-что принялъ баталіонъ, то долженъ былъ пройти черезъ обрядъ вступленія въ должность и обрядъ солдатскаго одобренія, а потому подвергнуться во всѣхъ 4-хъ ротахъ и по очереди нѣжному качанію сильными солдатскими руками.

Таковы традиціонные обычаи нашей арміи и нужно весьма остерегаться ихъ затрагивать, такъ какъ съ ними тѣсно связаны всѣ наши славныя воспоминанія.

Все было уже въ движеніи, такъ какъ все разсказываемое происходило на маршѣ. Мы проходили по открытой мѣстности, и такъ какъ вовсе не предвидѣлось близости противника, то наиболѣе надежныя части (къ числу коихъ принадлежалъ и 1-й баталіонъ Куринцевъ) двигались въ срединѣ колонны [1]). Насъ берегли для дѣла.

Я предоставилъ своимъ людямъ веселиться вволю.

Слово—экспедиція или походъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха, привѣтствуется нашими кавказскими войсками съ тѣмъ же чувствомъ радости, съ какимъ, по возвращеніи съ похода, они встрѣчаютъ привѣтливыя станицы по надъ Терекомъ, съ ихъ красавицами-казачками и ихъ добрымъ виномъ, что составляетъ по истинѣ Капую этихъ мѣстъ для кавказскаго офицера и солдата [2]).

Налѣво, передъ нами, развертывалась Кумыкская плоскость, а направо, въ отдаленіи, высились лѣсистыя высоты *Салатау*, покрытыя въ нижней части своихъ сѣверныхъ склоновъ зловреднымъ кустарникомъ „держи-дерева“, злѣйшимъ врагомъ всякой шерстяной одежды, особенно шароваръ.

Мы слѣдовали вдоль подножія этихъ горъ вплоть до стариннаго аула *Чиръ-Юртъ*, бывшаго въ развалинахъ послѣ осенняго похода

---

[1]) Къ этой категоріи наиболѣе надежныхъ частей прежде всего слѣдуетъ отнести *Кабардинцевъ* и *Куринцевъ*, а затѣмъ и *Навагинцевъ* и *Апшеронцевъ*, это были старыя кавказскія войска, остальныя же части пѣхоты составили полки 5-го пѣх. корпуса, спеціально для этого похода прибывшіе изъ Россіи.

[2]) Во главѣ этихъ станицъ должна быть поставлена знаменитая *Червленая*, затѣмъ идутъ *Щедринская* и *Шелкозаводская* и др.

Шамиля въ 1843-мъ году, а затѣмъ достигли береговъ р. *Койсу*, получающей отсюда названіе Сулака. Пробивъ себѣ, за Чиръ-Юртомъ, путь черезъ гранитныя массы, рѣка эта, помощью которой всѣ воды внутренняго окруженнаго горами бассейна (средній и сѣверный Дагестанъ) несутся къ морю, у Чиръ-Юрта оставляетъ позади себя послѣдніе контрфорсы горъ и бѣжитъ по равнинѣ Кумыкской плоскости. Здѣсь повернули мы круто направо, навсегда покинувъ равнину, и углубились въ скалистую тѣснину, слѣдующую направленію рѣки. Мы слѣдовали по довольно удобной старой военной дорогѣ, проложенной еще въ тѣ времена, когда край этотъ былъ мирный и спокойный, и не было опасеній разрушительныхъ набѣговъ скопищъ Шамиля.

Графъ Воронцовъ приказалъ разбить палатки главной квартиры у самаго входа въ тѣснину и тамъ же впослѣдствіи возвелъ онъ укрѣпленіе съ цѣлью, какъ обезпеченія безопаснаго здѣсь перехода тѣснины, такъ и обезпеченія кратчайшаго сообщенія отряда съ крѣпостью *Внезапной* и основаніемъ нашихъ дѣйствій *Темиръ-Ханъ-Шурой*. Я съ своимъ баталіономъ пошелъ впередъ, чтобы присоединиться къ авангарду подъ начальствомъ генерала *Безобразова*, расположенному въ 3-хъ верстахъ выше, по теченію рѣки, и на который было возложено, пользуясь ночью, возстановить небольшой, сожженый противникомъ, мостъ и разработать нѣсколько участковъ дороги, которая, пролегая на тѣсномъ пространствѣ скатовъ горъ и рѣки, была размыта дождемъ.

Первый начальный ночлегъ похода никогда не бываетъ удачнымъ: люди не умѣли поставить наши двѣ палатки и не умѣли примѣниться къ походнымъ условіямъ въ великомъ дѣлѣ приготовленія ужина, въ чемъ позднѣе они достигли столь похвальной и благодѣтельной сноровки.

Что за блаженныя минуты—время походнаго ужина! Обыкновенно, за цѣлый день, это единственное время ѣды! Какъ хорошо идетъ за этимъ ужиномъ бесѣда! Какое проявляютъ здѣсь всѣ остроуміе! Однако, въ этотъ день этихъ блаженныхъ минутъ пришлось ждать довольно долго. Правда, что и погода не благопріятствовала стряпнѣ на открытомъ воздухѣ: дождь падалъ крупными каплями, и мой поваръ Семенъ, бывшій поваренокъ моего покойнаго дяди графа Бенкендорфа, первый разъ въ своей жизни готовилъ въ кухнѣ, не имѣвшей крыши и ничѣмъ не прикрытой отъ вліяній непогоды, и онъ совершенно растерялся. Къ счастью, подвернулся ему на подмогу молодчина Андрей. Андрей—лакей моего пріятеля Лобанова—типъ кавказскаго слуги, чему значительно способствовало пятилѣтнее

полное опасностей странствованіе его господина по самымъ дикимъ и неизвѣстнымъ частямъ Кавказа. Бѣдняга, что называется, прошелъ огонь и воду, а потому пріобрѣлъ знанія условій соединенія этихъ двухъ элементовъ для приготовленія супа на бивакахъ.

Андрей—чудо своего рода, что онъ неоднократно и проявлялъ въ теченіе всего времени этого тягостнаго похода, и съ этимъ чудомъ, со всѣми этими совершенствами Лобановъ разлучился—онъ уступилъ его мнѣ по дружбѣ. Это была настоящая жертва, такъ какъ хорошій слуга въ походѣ—неоцѣнимое сокровище. Онъ явился мнѣ очень кстати! Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, мой старый лакей заболѣлъ, и такъ какъ онъ не могъ меня сопровождать, то я искалъ себѣ другого. Однажды, выходя изъ-за стола у князя Эспера Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, такъ печально вскорѣ умершаго, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ его ливрейныхъ лакеевъ и сообщилъ мнѣ, что я долженъ его знать, такъ какъ въ кампанію 1836-го года онъ служилъ у одного изъ моихъ товарищей, убитаго въ этотъ періодъ въ долинѣ *Баксана*, и къ этому добавилъ, что онъ просится ко мнѣ въ услуженіе и тѣмъ охотнѣе, что онъ хочетъ еще разъ поклониться праху своего господина, похороненнаго въ Анапѣ.

Мнѣ это понравилось, и я подумалъ: „вотъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошій человѣкъ“. Могу сказать, дѣйствительно, онъ оказался таковымъ и, даже скажу больше,—онъ былъ достоинъ райскаго блаженства, но не былъ созданъ для доставленія мнѣ такового же.

Лишь только принялъ я его услуги, какъ оказалось, во-первыхъ, что онъ носитъ мое имя—Константина, что мнѣ немедленно испортило расположеніе духа, во-вторыхъ, что его глупость превосходитъ всякія границы. Промучившись съ нимъ около 2-хъ мѣсяцевъ, я убѣдился, что во время похода онъ будетъ для меня сущей обузой, а потому я его устроилъ на полномъ содержаніи у казаковъ Червленой станицы. Вернувшись съ похода, я нашелъ его болѣе чѣмъ когда-либо потолстѣвшимъ и разжирѣвшимъ и чревомъ и разумомъ.

Въ полученномъ же мною Андреѣ я нашелъ прямо сокровище.

Со мной въ одной палаткѣ жилъ мой другъ *Шеппингъ* [1]). Нашъ домашній персоналъ составляли: денщикъ Шеппинга, Андрей, поваръ Семенъ и гребенскій казакъ для ухода за моими лошадьми. Къ этому кадровому составу не преминули присоединиться—баталіонный горнистъ *Игумновъ* и нѣсколько барабанщиковъ, лица, которыя, въ силу оказываемыхъ ими разныхъ маленькихъ услугъ и свойственнаго имъ аппетита, обыкновенно присосѣживались къ походному котлу баталіоннаго командира.

[1]) Поручикъ конной гвардіи, спасъ позднѣе автора похода отъ вѣрной смерти, но и самъ былъ убитъ въ этомъ походѣ.

За моимъ столомъ всегда ставилось отъ 4-хъ до 8-ми приборовъ, и каждый разъ, когда отрядъ получалъ довольствіе, я уже ни въ чемъ не нуждался.

Таковъ былъ мой домашній обиходъ.

Въ этотъ вечеръ, несмотря на палатку, мы продолжали мокнуть до костей и равно не истощалась, несмотря на наши аппетиты, и появившаяся, наконецъ, миска. Я припоминаю, что въ этотъ вечеръ, въ числѣ моихъ гостей, находился нѣкій *Едлинскій*, бывшій офицеръ австрійской службы [1]). Онъ получилъ порученіе отъ генерала Безобразова сообщить въ главной квартирѣ, что возстановленіе моста исполнено войсками авангарда и что остальныя работы, несмотря на дождь, будутъ закончены къ утру. Мы находились въ 3-хъ верстахъ отъ главной квартиры, и Едлинскому, прежде, чѣмъ до нея добраться, нужно было два раза пройти черезъ наши передовые посты, такъ какъ авангардъ и главныя силы, будучи расположены отдѣльно, отдѣльно и охранялись.

Темень была адская и дождь лилъ не переставая, а потому понятно, что бѣдняга не особенно-то былъ польщенъ порученіемъ. „Мнѣ рѣшительно все равно, если я встрѣчу непріятеля, шатающагося у нашихъ лагерей“, говорилъ Едлинскій, „но я только не желалъ бы быть подстрѣленнымъ своими“. Колюбакинъ сталъ ему доказывать, что въ сущности это совершенно безразлично. „Ну, нѣтъ“, продолжалъ Едлинскій, „если случится послѣднее и это дойдетъ до Вѣны, то тамъ будутъ смѣяться не только надо мной, но и надъ моимъ братомъ, а у него семья, и мнѣ это будетъ очень обидно“.

На утро слѣдующаго дня мы продолжали слѣдовать вверхъ по Койсу до *Міатлы*, гдѣ тѣснина расширяется, чѣмъ и воспользовались для второго ночлега.

Вся эта страна когда-то была очень населена. Разведенные

---

[1]) Артуръ Альбертовичъ, впервые появившійся въ Россіи и привезенный на Кавказъ Воронцовымъ, былъ сводный братъ графини Воронцовой (рожд. графиней Браницкой). Едлинскій былъ знаменитъ своими каламбурами и остротами на весь Кавказъ; остроты были подчасъ очень злы и мѣтки и его побаивались, хотя онъ и былъ общимъ любимцемъ. Остроты и каламбуры Едлинскаго весьма характерны. и за 30 лѣтъ его службы ихъ набралось очень много; ихъ стоитъ собрать. Оставивъ Кавказъ въ серединѣ 70-хъ годовъ, Едлинскій пріютился у фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго въ Скерневицахъ, гдѣ фельдмаршалъ доживалъ свой вѣкъ, и на первое же привѣтствіе князя, по своемъ пріѣздѣ, не замедлилъ отвѣтить ему злой остротой. *Б. Кол—ъ.*

здѣсь, по преимуществу армянами, виноградники составляли главное богатство края. Въ настоящее же время все носило на себѣ печать разрушенія. Населеніе бѣжало, жилища раззорены, и виноградныя лозы, разстилаясь по землѣ, перемѣшались сорными травами. Мой баталіонъ шелъ снова въ резервѣ. Непріятель нигдѣ не показывался.

Проходя около горячаго источника, обильно наполняющаго родъ естественнаго бассейна, я разрѣшилъ желающимъ погрузиться. Въ мгновенье ока весь баталіонъ очутился голъ, какъ праотецъ Адамъ. Рѣдко, что такъ полезно, и что такъ любитъ нашъ солдатъ, какъ горячую баню и въ походѣ всегда стараются доставить ему это удовольствіе.

Русскій человѣкъ сложенъ атлетомъ: хорошо развитая грудь, широкія плечи, тонкая талія, скорѣе маленькая, чѣмъ большая голова и обыкновенно длинныя ноги, все это, въ общей совокупности, сообщаетъ его фигурѣ извѣстную грацію и типичность.

Моя палатка была красиво разбита на берегу небольшого ручья.

Одна изъ моихъ ротъ, 4-ая, была выдѣлена (вправо) и занимала наблюдательный пунктъ на довольно значительной высотѣ, которая командовала всей мѣстностью вправо. Помню, что, послѣ обѣда, взявъ палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, безъ которой въ Дагестанѣ нельзя ступить шагу, я пошелъ ее осматривать. Я встрѣтилъ Его Высочество принца Гессенскаго, избравшаго цѣлью своей прогулки ту же высоту, такъ какъ было очевидно, что съ нея открываются прекрасные виды.

Оттуда, съ высоты птичьяго полета, была видна вся зеленая долина съ извивающейся на ней рѣчкой, испещренная красивыми группами деревьевъ и бѣлыми палатками, оживленная тѣми разнообразными группами, которыя порождаются скопищами людскихъ массъ, и эти группы, особенно на Кавказѣ, принимаютъ причудливыя формы [1]). Человѣкъ очень скоро примѣняется здѣсь къ характеру страны; все принимаетъ живописный оттѣнокъ. Какое замѣчательно красивое зрѣлище для глазъ и воображенія всѣ эти кавказскіе виды; зрѣлище, особенно поразительное для тѣхъ, кто впервые вырвался изъ холоднаго однообразія большихъ городовъ.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ это разнообразіе и пестрота формъ группъ происходила еще вслѣдствіе разнородности состава отряда, въ который входили, помимо частей пѣхоты и артиллеріи кавказскихъ войскъ и пришедшихъ изъ Россіи, еще и казачьи части всѣхъ видовъ казачества Кавказа и Дона и всѣ виды нашихъ милицій Кавказа, какъ изъ Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, Осетіи, такъ и покоренныхъ нами—Кабарды, такъ называемыхъ татарскихъ дистанцій Закавказья и кончая особо пестрыми курдами, давшими Дигорскую милицію.

Солнце жгло нестерпимо. Достигнувъ расположенія роты, мы зашли въ находящуюся по близости пещеру, съ цѣлью нѣсколько освѣжиться. Первое, что насъ поразило въ этой пещерѣ, это исполненный на стѣнѣ углемъ рисунокъ, изображающій кавказскаго горца, падающаго подъ ударами штыка солдата Куринскаго полка; подъ первымъ изображеніемъ находилась на французскомъ языкѣ подпись—*Шамиль*, а подъ вторымъ и большими буквами — Michel Brousset; все было исполнено прекрасно.

Обстоятельство это насъ заинтриговало. Я вышелъ и обратился къ ротѣ, прося открыть мнѣ имя этого послѣдователя Рафаэля. На это обращеніе мнѣ отвѣтилъ одинъ молодой солдатъ: „это я, Ваше Высокоблагородіе, я французъ, мой отецъ—полковникъ временъ Имперіи, женился на очень богатой русской дѣвушкѣ, все состояніе которой заключается въ помѣстьяхъ; какъ иностранецъ, я не могу наслѣдовать это имѣніе иначе, какъ сдѣлавшись русскимъ дворяниномъ, вотъ почему я здѣсь, и я долженъ торопиться убить Шамиля, такъ какъ тогда я навѣрно выслужу офицерское званіе, а если мнѣ это не удастся, то все состояніе моей матери достанется одному злому дядюшкѣ!“

Мнѣ это очень понравилось. Я полюбилъ Мишеля Бруссе и пріютилъ его въ своей палаткѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, взявъ себѣ, вмѣсто подушки, подъ голову, мои большіе сапоги и конечно я бы способствовалъ ему взбѣсить его злого дядю, но, къ моему великому сожалѣнію, бѣдняга былъ убитъ; этимъ обыкновенно и кончаются всѣ необыкновенныя исторійки на Кавказѣ. Мишель Бруссе былъ одной изъ послѣднихъ жертвъ этой кампаніи, и его злой дядя выигралъ дѣло.

На слѣдующій день мы покинули берега Койсу и снова подъ прямымъ угломъ повернуля направо. Отрядъ двигался глубокой долиной, и войска лѣваго и праваго прикрытій сопровождали колонну по обѣ стороны марша, двигаясь на разстояніи ружейнаго выстрѣла по самому гребню высотъ, окаймлявшихъ долину.

Таковъ былъ обычный порядокъ движенія для всѣхъ нашихъ отрядовъ на Кавказѣ, основанный на продолжительномъ опытѣ этой войны и установленный просвѣщеннымъ авторитетомъ величайшаго генерала, какой только когда-либо былъ на Кавказѣ, которому слѣдуетъ приписать все то, что составляетъ теорію веденія войны на Кавказѣ и ея примѣненія на практикѣ, равно всѣ порядки (сторожевые, походные и боевые) и самую систему веденія здѣсь операцій,—все это установлено авторитетомъ генералъ-лейтенанта *Алексѣя Александровича Вельяминова.*

Подъ начальствомъ именно этого замѣчательнаго дѣятеля я имѣлъ честь начать мои первые шаги на боевомъ поприщѣ.

Генералъ Вельяминовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые производятъ глубокое впечатлѣніе и оставляютъ неизгладимую о себѣ память. При жизни генералъ Вельяминовъ былъ мало любимъ какъ русскими, такъ и туземцами; онъ былъ весьма уважаемъ многими изъ нихъ, но всѣ одинаково его боялись; по его смерти всѣ чтутъ его память, и каждый стремится похвастать полученіемъ отъ него слова одобренія или поощренія, такъ какъ Вельяминовъ былъ очень скупъ на то и на другое.

До сихъ поръ еще вамъ укажутъ среди черкесъ субъекта, о которомъ при этомъ замѣтятъ: „онъ былъ другомъ Вельяминова“, и старый горецъ—гордъ этимъ титуломъ.

Прямой и искренній, съ чувствами благородными и возвышенными, съ умомъ сильнымъ и положительнымъ и непоколебимый во всемъ томъ, что онъ считалъ хорошимъ и справедливымъ, Вельяминовъ былъ созданъ по античному образцу. Эрудиція его была громадна; онъ все изучилъ, надо всѣмъ размыслилъ, и произведенія его пера служили образцомъ точности и военнаго изложенія [1]).

Обладая живымъ и глубокимъ умомъ, не лишеннымъ иногда казуистики, Вельяминовъ, подъ вліяніемъ чтенія излюбленныхъ имъ предметовъ и авторовъ, пришелъ къ скептицизму; онъ представлялъ изъ себя одновременное сочетаніе философа XVIII-го вѣка и восточнаго паши-деспота.

Въ эпоху, въ которую я его зналъ, вся его жизнь, все его существованіе непрерывно и послѣдовательно въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ протекали и заключались единственно только въ условіяхъ кавказской боевой и походной службы.

---

[1]) Образцомъ изложенія Вельяминова можетъ послужить уже одно необычайно глубокое, ясное и образное опредѣленіе пониманія нами задачи покоренія Кавказа, и онъ говоритъ: „Кавказъ можно уподобить сильной крѣпости, чрезвычайно твердой по мѣстоположенію, искусно огражденной укрѣпленіями и обороняемой многочисленнымъ гарнизономъ. Одна только безразсудность можетъ предпринять эскаладу противъ такой крѣпости; благоразумный полководецъ увидитъ необходимость прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ, заложитъ параллели, станетъ подвигаться впередъ сапой, призоветъ на помощь мины и овладѣетъ крѣпостью. Такъ, по моему мнѣнію, должно поступать съ Кавказомъ, и если бы ходъ сей не былъ предварительно предначертанъ, дабы постоянно сообразоваться съ онымъ, то сущность вещей вынудитъ къ сему образу дѣйствій, только успѣхъ будетъ гораздо медленнѣе по причинѣ частыхъ уклоненій отъ истиннаго пути“. Изъ этого опредѣленія видно, насколько экспедиція 1845 года, да и вся борьба съ горцами послѣ Ермолова и до 1857 года расходилась съ идеями Вельяминова. *Б. Кол—ъ.*

Привычка управлять людьми сообщила ему міровоззрѣніе, свойственное правителямъ высокаго положенія,—глубокое презрѣніе ко всему человѣчеству.

Полное отсутствіе женскаго общества и его личное одиночество (онъ оставался постоянно или одинъ самъ съ собой или былъ окруженъ людьми только съ цѣлью исполненія его воли) привело къ тому, что онъ очерствѣлъ сердцемъ, становясь подчасъ даже жестокимъ; если онъ и былъ когда-либо мягкосердеченъ и чувствителенъ, то эти качества у него скоро вывѣтрились подъ вліяніемъ условій непрестанной и непрерывной боевой и походной жизни [1]).

Таковъ былъ Вельяминовъ—какъ человѣкъ.

Все хорошее на Кавказѣ—создано Вельяминовымъ; до сихъ поръ все еще обсуждаются намѣченные имъ проекты и, къ счастью, нѣкоторые изъ нихъ иногда приводятся въ исполненіе [2]).

Это онъ указалъ намъ систему и способы веденія войны въ этомъ краѣ, это онъ преподалъ намъ принципы веденія здѣсь войны и указалъ ихъ примѣненіе и можетъ быть именно потому, что онъ самъ всегда слѣдовалъ этимъ принципамъ, онъ былъ здѣсь *единственнымъ генераломъ, никогда не испытавшимъ неудачи и всегда достигавшимъ разъ поставленной имъ цѣли* [3]).

Все это слѣдуетъ объяснить еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что никто лучше и основательнѣе его не постигнулъ свойствъ театра войны, особенностей условій веденія здѣсь войны и свойствъ и качествъ нашего здѣсь противника.

Также рѣшительно во всемъ обнаруживалъ онъ замѣчательный даръ находчивости (esprit d'à-propos), что особенно ярко проявлялось, каждый разъ, когда ему приходилось говорить, что впрочемъ бывало очень рѣдко.

Обыкновенно онъ былъ очень молчаливъ, невозмутимъ, очень лѣ-

---

[1]) Другой современникъ и близкій ему человѣкъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ случаи проявленія Вельяминовымъ добраго сердца, но эти проявленія были глубоко скрыты его угрюмой и непроницаемой внѣшностью. *Б. Кол—ъ.*

[2]) Прямодушный Бенкендорфъ все же здѣсь деликатно щадитъ и создателей плана 1845-го года и его исполнителей, въ душѣ раздѣляя идеи Вельяминова, бывшаго для него большимъ авторитетомъ; вообще авторъ воспоминаній избѣгаетъ осужденій, и таковыя съ трудомъ читаются между строчками. *Б. К.*

[3]) Любопытнымъ въ этомъ отношеніи образчикомъ настойчивости и искусства Вельяминова служитъ эпизодъ похода въ Чечнѣ въ 1832-мъ году, когда Вельяминовъ рѣшилъ вернуть обратно потерянныя нами орудія, запрятанныя въ трущобахъ Чечни, что блистательно и исполнилъ. *Б. К.*

нивъ въ движеніяхъ, и ничто не могло его вывести изъ неизмѣнно присущаго ему хладнокровія [1]).

Это Вельяминову обязанъ Ермоловъ своей славой [2]), Паскевичъ—побѣдой при Елизаветполѣ [3]) и баронъ Розенъ блистательнымъ окончаніемъ экспедиціи 1832-го года [4]).

Все преклонялось на Кавказѣ передъ „рыжимъ генераломъ“ (генераломъ плижеръ), какъ назвали его горцы.

Не пользуясь любовью войскъ, Вельяминовъ за то пользовался неизмѣнно ихъ безграничнымъ довѣріемъ.

На Кавказѣ Вельяминовъ былъ послѣднимъ представителемъ той плеяды нашихъ здѣсь генераловъ, которые окружали себя ореоломъ внушенія паническаго ужаса и потрясенія,—источникъ всякой силы въ Азіи и чему въ царствованіе Екатерины II-ой мы главнымъ образомъ и обязаны легкостью нашихъ успѣховъ на Востокѣ и незначительности нашихъ потерь въ людяхъ, потерь совершенно ничтожныхъ, сравнительно съ полученными результатами. Превосходство духа было всегда на нашей сторонѣ, и въ глазахъ нашихъ враговъ каждый русскій казался гигантомъ.

Обратимся къ исходному пункту разсказа, къ порядку нашего марша, который представляетъ одновременно и боевой порядокъ, основную идею котораго передадимъ въ двухъ словахъ. Санитарный обозъ (вообще обозы) располагается въ центрѣ общаго прямоугольника (каре), размѣры котораго естественно и неизбѣжно будутъ различны въ каждомъ частномъ случаѣ, при постоянномъ однако

---

[1]) Эту правдивую и превосходную характеристику слѣдуетъ поставить въ большую заслугу графу Бенкендорфу. Много на эту тему разсказываютъ баронъ Торнау и Филипсонъ. *Б. К.*

[2]) Какъ ни кажется это заключеніе смѣлымъ и увлеченіемъ, но въ немъ большая доля справедливости; дружба Ермолова съ Вельяминовымъ и объясняется однородностью ихъ понятій, воззрѣній и склада ума.

[3]) Это справедливо. Здѣсь Ермоловъ показалъ много благородства и великодушія, давъ Вельяминова своему врагу и тайному замѣстителю—Паскевичу. Какъ извѣстно, Паскевичъ уже приказалъ отступать, и только авторитетъ и твердость Вельяминова удержали это пагубное отступленіе. Здѣсь войска слушались только Вельяминова. *Б. К.*

[4]) Не только блистательнымъ окончаніемъ похода въ Дагестанъ—взятіемъ Гимръ и смертью имама Кази-муллы, но и предварительной экспедиціею въ Чечнѣ, гдѣ таланты Вельяминова проявились не менѣе ярко и гдѣ, въ этомъ году, Вельяминовъ съ ничтожными потерями прошелъ черезъ всю Большую Чечню къ Дарго, Беною, Гурдали и др. ауламъ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ въ описываемомъ Бенкендорфомъ походѣ шелъ бѣдственный отрядъ графа Воронцова, понесшій неслыханныя потери.

Б. Кол—ъ.

стремленіи возможной сплоченности расположенія обозовъ и войскъ, дабы каре это не вышло растянутымъ.

Четыре фаса этого каре, на дальность ружейнаго выстрѣла отъ колонны, занимаются спеціально войсками, назначенными для охраненія колонны на маршѣ.

Аріергардъ составляетъ основаніе для всѣхъ войскъ охраненія, такъ какъ онъ преставляетъ часть, наиболѣе тревожимую непріятелемъ, почему на немъ сосредоточивается все вниманіе и съ его движеніемъ и дѣйствіями сообразуются движенія, и дѣйствія всѣхъ остальныхъ частей колонны (и, что особенно важно, и авангардъ).

Авангардъ сообразуетъ свое движеніе съ движеніемъ колонны и продвигается впередъ только при условіи достиженія передовыми частями колонны высоты движенія этого авангарда, и каждый разъ, когда движеніе колонны пріостанавливается и передовыя ея части не показываются, то движеніе авангарда пріостанавливается; въ этомъ заключается единственный способъ сохраненія порядка движенія.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ движенія оно было медленно и, напримѣръ, Вельяминовъ, зачастую, дѣлалъ въ сутки не болѣе 6-ти верстъ, но зато не было примѣра, чтобы фасы его каре были когда-либо прорываемы (не говоря уже о ничтожныхъ у него потеряхъ). Но, тѣмъ не менѣе, въ частныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда приходилось преслѣдовать противника, показавшагося передъ нашей оборонительной линіею, или въ цѣляхъ— отрѣзать ему отступленіе, то Вельяминовъ двигался съ той же быстротой, какъ и другіе [1]).

Въ этотъ день предусматривалась ружейная перестрѣлка въ нашей правой цѣпи, на высотахъ весьма пересѣченныхъ и частью лѣсистыхъ, а потому всѣ три баталіона Куринскаго полка были назначены въ правую цѣпь и мой баталіонъ своимъ правымъ флангомъ касался аріергарда.

Такъ какъ я говорю о тактикѣ, то необходимо войти въ подробности боевого порядка, котораго мы держались, прикрывая каре

---

[1]) Движенія Вельяминова происходили обыкновенно въ большомъ порядкѣ, и онъ не любилъ торопливости, порождавшей суету и замѣшательства, тѣмъ болѣе, что противникъ, будучи обыкновенно слабо обезпеченъ продовольствіемъ, тяготился затяжкой движенія и боя, а получая всюду хорошій отпоръ, скоро падалъ духомъ. Иногда Вельяминовъ нарочно долго стоялъ на мѣстѣ, ничего не предпринимая, и когда его вызывали на движеніе или бой, говаривалъ: „интендантъ у него плохой, какъ поѣдятъ свое пшено, да чужихъ барановъ, такъ съ голоду разойдутся“. *Б. К—нъ.*

войсками правой и лѣвой цѣпи. Смотря по численности отряда и свойству мѣстности, баталіоны или роты обрамляли отрядъ съ обѣихъ сторонъ боевыми линіями (участками), которыя, въ свою очередь, прикрывались боевыми цѣпями со взводами въ поддержкахъ. По уставу, звено цѣпи состояло изъ 2-хъ человѣкъ стрѣлковъ, обязанныхъ возможной взаимной поддержкой.

Въ войнахъ, подобно кавказской, полныхъ случайностей, 2-хъ человѣкъ въ звенѣ совершенно недостаточно. При первомъ же столкновеніи, одинъ изъ нихъ бывалъ обыкновенно убитъ, другой бѣжалъ или тоже бывалъ убитъ и цѣпь бывала прорвана прежде, чѣмъ резервъ могъ ее поддержать.

Еще въ Венсеннѣ, у орлеанскихъ стрѣлковъ, организація и маневрированіе которыхъ были построены на опытѣ почти подобномъ кавказской войнѣ, я обратилъ вниманіе на звено ихъ цѣпи въ 4 человѣка, что я нашелъ правильнымъ. У насъ же, на Кавказѣ, для звена мало и 4-хъ человѣкъ, вотъ почему, въ послѣдніе годы, и главнымъ образомъ по указанію генерала Фрейтага, лучшаго знатока этого дѣла, испытаннаго въ походахъ въ Чечнѣ,—всюду было установлено имѣть звено въ составѣ взвода численностью въ 20—30 человѣкъ, подъ командой офицера или унтеръ-офицера, съ придачею ему горниста (сигналиста). Звено подобной численности обладало уже достаточной силой сопротивленія, смѣло могло подчасъ и бросаться на замѣченнаго противника и, наконецъ, ему уже, въ полномъ смыслѣ слова, можно было довѣрить и поручить извѣстный боевой участокъ.

Эти взводы не должны только терять другъ друга изъ вида, внимательно выбирать себѣ при расположеніи на мѣстѣ пункты, имѣющіе тактическое значеніе, и сообразоваться другъ съ другомъ при всѣхъ передвиженіяхъ (преслѣдуя взаимную поддержку).

Въ подобныхъ условіяхъ, въ войскахъ цѣпи росла нравственная увѣренность, такъ какъ они видѣли, что они окружены и поддержаны своими, а противникъ утрачивалъ свою смѣлость.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, замѣтимъ, что баталіоны и роты (составлявшія боковыя цѣпи) были раздѣлены на группы—взводы, слѣдовавшіе, или въ шахматномъ по отношенію другъ друга порядкѣ, или же въ затылокъ другъ другу.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1485).

Въ этотъ день мы шли именно такимъ образомъ, но движеніе исполнялось дурно, по причинѣ скорости движенія, и въ цѣпи образовались промежутки; наше счастье, что непріятель не показывался, и только арріергардъ помѣнялся съ горцами лишь нѣсколькими скоро прекратившимися выстрѣлами,—это были первые выстрѣлы въ эту кампанію.

Часовъ около 3-хъ пополудни я достигъ съ своими людьми Хубарскихъ высотъ, гдѣ былъ разбитъ лагерь отряда.

Въ предшествовавшіе годы [2]) эти высоты нѣсколько разъ ставились цѣлью похода, но онѣ имѣли значеніе до тѣхъ поръ, пока мы не овладѣли Чиркеемъ (тетъ-де-понъ на лѣвомъ берегу Койсу, съ занятіемъ котораго высоты обходились съ тыла).

Я лично отправился въ главную квартиру засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову, котораго я не видѣлъ двое сутокъ. Я его засталъ за обѣдомъ со всей свитой, состоявшей примѣрно изъ сорока человѣкъ [3]).

---

[1]) См. „Русскую Старину" май 1910 г.

[2]) Особенно, начиная съ 1840 года, т. е. 1841, 42, 43 и 44-й.

[3]) Свита и штабъ гр. Воронцова, помимо нач. штаба (ген. В. О. Гурко) и офицеровъ генер. штаба, состояла изъ лицъ: Принцъ *Александръ Гессенскій*, князь Ѳ. И. *Паскевичъ*, князь Эмилій *Витгенштейнъ*, полк. *Минквицъ*, кн. *Дундуковъ-Корсаковъ*, ген. *Фокъ*, чиновники—баронъ А. П. *Николаи* и *Щербининъ*, личные адъютанты—*Лонгиновъ* (убитъ), *Нечаевъ* (авторъ воспом., нами изданныхъ) и *Глѣбовъ*, при Паскевичѣ—поручики *Самсоновъ* и *Бекле-*

Послѣ обѣда главнокомандующій оказалъ мнѣ честь, заговоривъ со мной о той быстротѣ, съ которой мы со всѣмъ нашимъ обозомъ исполнили двѣнадцативерстный переходъ. Я позволилъ себѣ критиковать это движеніе и указать на отсутствіе порядка въ движеніи и должно быть отстаиваніе мной діаметрально противуположной системы движенія явилось слишкомъ продолжительнымъ, такъ какъ графъ началъ напѣвать нѣкую англійскую пѣсенку, которую мы привычно переводили словами „Вы мнѣ надоѣли“ [1]).

Урочище Хубаръ и окружающая мѣстность представляютъ весьма возвышенное плато. Это плато начинается у подножія скалистаго гребня, отдѣляющаго Салатавію отъ Гумбета, и простирается до менѣе возвышенной области, покрытой великолѣпными лѣсами, заключенными между нашимъ лагеремъ и равниной, и надъ которыми мы теперь вполнѣ господствовали.

На этихъ высотахъ—чудесный воздухъ, и на нихъ-то въ періодъ спокойствія въ этихъ странахъ [2]) паслись лѣтомъ многочисленныя стада жителей Шамхальства и Кумыкской плоскости. Это плато въ различныхъ мѣстахъ перерѣзано очень глубокими и очень обрывистыми оврагами, поросшими густымъ лѣсомъ, и переходъ одного изъ таковыхъ, такъ называемаго Теренгульскаго, составлялъ для насъ задачу слѣдующаго дня. На двухъ противуположныхъ сторонахъ именно этого оврага въ прошломъ 1844 году встрѣтились лицомъ къ лицу нашъ экспедиціонный отрядъ и всѣ силы Шамиля, и обѣ стороны оставались въ этомъ расположеніи двое сутокъ. Съ насту-

---

мишевъ, затѣмъ еще—кап. *Альбрантъ*, докт. *Андреевскій*, сынъ графа *Семенъ*, князь *Васильчиковъ* (адъютантъ, былъ раненъ), полковникъ графъ *Строгановъ*, пор. *Едлинскій* (кажется еще Дараганъ), князь *Яшвиль*, князь Ал. *Голицынъ*, князь Ираклій *Грузинскій*, флиг.-адъют. *Сколковъ*, графъ де-*Бальменъ* (здѣсь убитый) и мн. др.

[1]) Совершенно естественно, что Бенкендорфъ—ученикъ Вельяминова, подвергъ критикѣ это движеніе, но онъ видимо плохо зналъ Воронцова, если рѣшился ему это высказать, да еще ссылаясь на превосходство другой системы дѣйствій вообще. Ревнивому къ своей славѣ Воронцову, полагаемъ, все это крайне не понравилось, и съ этого времени правдивый Бенкендорфъ едва-ли пользовался искреннимъ расположеніемъ Воронцова, что впрочемъ послѣдній, по свойственной ему скрытности, ничѣмъ не обнаружилъ, продолжая, по внѣшности, оказывать ему вниманіе, считаясь вѣроятно съ большими связями Бенкендорфа въ Петербургѣ.

[2]) Когда господство Шамиля далеко еще не простиралось на эти области, оставшіяся намъ преданными, что доказываетъ, что до 40-хъ годовъ мы были сильнѣе на Кавказѣ.

пленіемъ ночи отрядъ въ 6 баталіоновъ съ частью конницы получилъ приказаніе перейти другимъ, менѣе обрывистымъ, оврагомъ, выводившимъ въ обходъ праваго фланга расположенія скопищъ Шамиля, и, обойдя этотъ флангъ подошвой высотъ, стать на сообщеніяхъ Шамиля. Одновременно, съ завязкой боя этимъ обходнымъ отрядомъ, главныя силы должны были форсировать оврагъ съ фронта.

Но нашъ обходный отрядъ былъ открытъ непріятелемъ заблаговременно и не счелъ себя достаточно сильнымъ для развитія рѣшительныхъ дѣйствій, а Шамиль уснѣлъ снять свой лагерь и отступить. По зрѣломъ обсужденіи обстоятельствъ, мы тоже повернули обратно, и кампанія 1844 года кончилась [1]).

Въ настоящемъ году насъ не ожидало ничего подобнаго и тамъ, гдѣ стоялъ нашъ противникъ, со стороны Буртуная, двигался къ намъ на соединеніе Дагестанскій отрядъ князя Бебутова.

Итакъ, авангардъ и главныя силы перешли Теренгулъ послѣ полудня 3-го іюня. Обозъ двигался всю ночь, и мой баталіонъ получилъ приказаніе прикрывать здѣсь переправу черезъ небольшой ручей.

Ширина Теренгульскаго оврага вверху равнялась дальности орудійнаго выстрѣла, внизу—10 сажень, глубина—1.500 футъ. Тропа, по которой мы спускались на дно оврага, была очень крута, а незадолго до насъ прошедшій сильный дождь и масса прослѣдовавшей здѣсь пѣхоты до-нельзя затруднили движеніе по этой тропѣ лошадей. Людямъ спускаться было легче, такъ какъ, сѣвъ на корточки, они сползали прямо внизъ, что продѣлывало большинство людей пѣхоты, особенно же люди, побывавшіе въ этотъ день на полковомъ праздникѣ Навагинскаго полка.

Орудія были выпряжены, подвѣшены на канатахъ, спущены на рукахъ и тѣми же способами подняты на противуположный берегъ оврага.

Эта послѣдняя операція была возложена и на меня, и на долю моего баталіона досталось 2 полевыхъ орудія и 4 зарядныхъ ящика;

---

[1]) Безрезультатность этой экспедиціи вызвала большое неудовольствіе на Нейдгарта, руководившаго ею лично и немедленно послѣдовало замѣщеніе его графомъ Воронцовымъ. Не оправдывая вообще Нейдгарта, какъ дѣятеля на Кавказѣ, замѣтимъ лишь, что въ данномъ случаѣ ему болѣе ничего не оставалось, какъ отойти назадъ, такъ какъ планъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ, совершенно не отвѣчалъ свойствамъ мѣстности и противника и всѣмъ вообще обстоятельствамъ веденія войны на Кавказѣ.

не менѣе 3-хъ часовъ ушло на эту работу, при чемъ каждое орудіе требовало не менѣе роты полнаго состава.

Эта ночь съ 3-го на 4-ое іюня, ночь въ глубинѣ оврага отличалась полнымъ отдыхомъ; мы ее провели въ густомъ лѣсу, переполненномъ пнями и давно заброшенными завалами, заваленными сухимъ хворостомъ и травой. Топоръ и разнообразная дѣятельность солдата прервали тишину этой мрачной пустыни, а бивачные огни озаряли громадныя деревья, казавшіяся призраками. Въ этомъ зрѣлищѣ было что-то фантастическое, и вся обстановка этой ночи на походѣ носила во многомъ характеръ притона калабрійскихъ разбойниковъ.

Послѣ полуночи усталость и покой вновь погрузили все въ молчаніе, которое нарушалось только мрачнымъ завываніемъ шакаловъ.

Утромъ 4-го мы достигли вершины лѣваго берега оврага и здѣсь поставили нашу палатку рядомъ съ палатками главной квартиры. Къ вечеру всѣ ко мнѣ собрались; помню, что были—*Щербининъ*, *Николаи* (баронъ), *Лобановъ*, *Паскевичъ*, *Витгенштейнъ* и *Дундуковъ*. Лежа на землѣ, частью сидя на барабанахъ, мы чокались стаканами, подъ звуки хора пѣсельниковъ Карабинерной роты. Знаменитая „Куринская“ пѣсня для многихъ была еще новостью, а потому немало золотыхъ перепало въ карманы Карабинеровъ. Затѣмъ настала очередь Минквица, этого неизмѣннаго предсѣдателя всѣхъ нашихъ вакхическихъ празднествъ,—неутомимаго запѣвалы всѣхъ нашихъ собраній. Вспоминая свою молодость, онъ затягивалъ нѣмецкія пѣсенки, вынесенныя имъ изъ жизни студентовъ—буршей Лейпцига. Мы всѣ подтягивали ему хоромъ.

Минквицъ—самый веселый и самый пріятный товарищъ въ кампаніи; городская жизнь и „Friedenzeit“, какъ называетъ онъ мирное время, совсѣмъ ему не по нутру; женщина дѣлаетъ его сентиментальнымъ и мечтательнымъ. Въ Минквицѣ есть что-то среднее между нѣмецкимъ студентомъ и русскимъ кавалерійскимъ офицеромъ, но, прежде всего, онъ достойнѣйшій и благородный представитель нашей доброй расы, которая искренне восприняла все хорошее отъ русскихъ, благоговѣйно храня въ своемъ сердцѣ чувство долга и обязанности по отношенію Государя и Россіи, но и не отказываясь одновременно отъ происхожденія своихъ предковъ. Исполненіе этого двойного долга, какъ русскихъ по отношенію Россіи, и какъ нѣмцевъ по отношенію самихъ себя,—мы ставимъ вопросомъ нашей чести и требованія нашей религіи.

У насъ достаточно такта — ставить эти вопросы открыто и взаимно сочетать ихъ, но никогда одновременно ихъ не смѣшивая,

что мы исполняемъ не подъ давленіемъ требованій разума или по расчету, а потому, что мы прежде всего честные и порядочные люди и хотимъ во всемъ оставаться таковыми.

Наше Балтійское дворянство потому и прекрасно, что, оставаясь неприкосновеннымъ и самобытнымъ, оно гордится не столько своими рыцарскими предками, сколько воспитаніемъ таковыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и до нашихъ дней и поддержанія въ средѣ своихъ членовъ принциповъ, покоющихся на чувствахъ чести и благородства.

У насъ прежде всего принципъ—„noblesse oblige“, который мы ставимъ въ основу всѣхъ нашихъ дѣйствій, въ чемъ и заключается превосходная гарантія того, что мы гордимся отдавать себя на службу Россіи и ея государей.

Часть главнаго хребта, раздѣляющая Салатавію и Гумбетъ, прерывается въ 2-хъ мѣстахъ, чѣмъ и получается возможность сообщаться между собой жителямъ этихъ странъ. Первый и главный изъ этихъ путей образуетъ долина р. *Акъ-таша*, въ верхней своей части, называемой урочищемъ или ущельемъ *Мичи-кале*, доступнымъ для движенія во всякое время года, равно и удобны и доступы къ проходу со стороны Салатавіи, и самая дорога, съ кавказской точки зрѣнія, считается сносной, но она преграждена завалами противника и ея форсированіе стоило бы намъ значительныхъ потерь.

Графъ Воронцовъ рѣшилъ обойти это направленіе и перейти хребетъ по другой—*Киркинской дорогѣ*, настолько неудобной и малодоступной, что она была заброшена даже горцами.

Было рѣшено, что графъ Воронцовъ лично произведетъ рекогносцировку къ Кирки, пока непріятель укрѣпляется на Мичи-кале. Мы получили приказаніе быть готовыми къ движенію къ разсвѣту 5-го іюня. Въ составъ развѣдочной колонны вошли 6 баталіоновъ и 4 горныхъ орудія, въ томъ числѣ и 1-й баталіонъ Куринскаго полка, которому, въ виду молодости 40-го полка, по обычаю, надлежало идти въ головѣ колонны [1]).

Командованіе отрядомъ было возложено на генералъ-маіора *Пассека* и въ условіяхъ, какъ мною упомянуто выше, личнаго общаго руководства графа Воронцова. Пассекъ былъ только-что назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣх. дивизіи, въ составъ которой входили Кабардинцы и Куринцы, и онъ долженъ былъ

---

[1]) Куринцы и Кабардинцы были большіе мастера въ лѣсныхъ дѣйствіяхъ и, казалось, было бы цѣлесообразнѣе назначить въ экспедицію войска, искусившіяся въ дѣйствіяхъ въ горахъ, а таковыхъ было довольно.
Б. К.

впервые предстать передъ войсками, знавшими его до сихъ поръ только по имени.

Пассекъ имѣлъ громкую репутацію, заслуженную въ операціяхъ 1843 года: превосходно исполненное отступленіе изъ Аваріи, блистательная оборона Зырянъ, многочисленность знаковъ Высочайшаго благоволенія за заслуги, безпримѣрная на Кавказѣ быстрота движенія по службѣ (менѣе, чѣмъ за годъ—изъ подполковниковъ въ генералъ-маіоры), всѣ эти обстоятельства въ общей ихъ совокупности значительно его выдвинули, и его имя было на всѣхъ устахъ.

Ко времени описываемыхъ событій Пассеку было 35 лѣтъ отъ роду, и за нимъ уже были безспорно выдающіяся военныя заслуги и качества. Обладая необычайнымъ глазомѣромъ и смѣлостью, граничившей съ отвагой, чрезвычайной увѣренностью въ себѣ, энергіей и непоколебимой волей, Пассекъ, одновременно, при безграничномъ честолюбіи былъ и крайне самолюбивъ [1]). Онъ производилъ впечатлѣніе могучаго льва, только-что порвавшаго свои цѣпи.

Въ европейской войнѣ онъ обратилъ бы на себя вниманіе и прославилъ бы нашу армію, но на Кавказѣ онъ былъ именно тѣмъ военачальникомъ, каковымъ здѣсь быть не слѣдовало. Здѣсь ничѣмъ нельзя рисковать и никогда нельзя здѣсь разсчитывать „на авось". Здѣсь, при всякомъ предпріятіи, надо быть увѣреннымъ въ силѣ удара: всякое здѣсь дѣйствіе должно быть спокойно и осторожно взвѣшено, такъ какъ въ этомъ краѣ десять успѣховъ не окупятъ послѣдствій одной ничтожной неудачи.

Пассека тоже нѣтъ въ живыхъ, и эту потерю арміи пришлось пережить въ теченіе этой ужасной кампаніи 1845 года. Онъ велъ въ атаку свой послѣдній взводъ, когда одинъ горецъ разрядилъ свой пистолетъ въ упоръ въ грудь Пассека; со словами: „прощай, моя бригада", онъ умеръ мгновенно.

---

[1]) Нѣкоторые изъ современниковъ, близко знавшихъ Пассека и событія 1843 года въ Дагестанѣ, воздавая должное этому замѣчательному военачальнику, истому богатырю во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе, признаютъ, что честолюбіе, увѣренность въ себѣ и пылкость Пассека были причиной большихъ военныхъ осложненій этого года, и ему ставится въ упрекъ, что онъ, владѣя перомъ и имѣя огромное вліяніе на генерала Клюки фонъ-Клюгенау, настоялъ на оставленіи въ Хунзахѣ (въ Аваріи) отряда значительной силы, что совершенно не отвѣчало обстоятельствамъ, но что было соединено съ отдѣльнымъ начальствованіемъ Пассека этимъ отрядомъ. Пребываніе Пассека въ Хунзахѣ дало возможность Шамилю взять Гергебиль, а затѣмъ и блокировать въ Шурѣ и самого командующаго войсками въ Дагестанѣ генерала Гурко; только своевременное прибытіе генерала Фрейтага спасло насъ въ Дагестанѣ отъ большихъ бѣдъ.

Б. К.

Я имѣлъ драгоцѣнный сувениръ, полученный мною изъ рукъ самого героя, смерть котораго еще болѣе увеличила его цѣнность,— онъ мнѣ подарилъ *свой собственный георгіевскій крестъ*, который я, конечно, свято сберегъ бы, если бы мнѣ дано было его сохранить, но, послѣ того какъ я былъ вторично раненъ, мой сюртукъ остался въ рукахъ непріятеля, и съ нимъ исчезъ и прекрасный бѣлый крестъ героя.

Но вернемся къ утру 5 іюня.

Я долженъ былъ получить приказаніе отъ этого генерала и представить ему свой баталіонъ. Онъ вскорѣ появился передъ фронтомъ въ сопровожденіи блестящей свиты, которая на Кавказѣ обыкновенно примыкаетъ къ начальникамъ, которыхъ сопровождаетъ успѣхъ по службѣ. Пассекъ былъ очень высокаго роста, имѣлъ могучую грудь и ту ширину въ плечахъ, которая встрѣчается только въ Россіи и главнымъ образомъ на его родинѣ—въ Сибири; голосъ его былъ очень громкій, и онъ хорошо говорилъ, несмотря на нѣкоторую тривіальность.

Онъ обратился къ войскамъ съ небольшой рѣчью, которую закончилъ слѣдующей фразой, покрытой громкимъ солдатскимъ „ура“: „я считаю честью доказать вамъ, что я тоже хочу быть старымъ Куринцемъ“.

Съ нашимъ солдатомъ слѣдуетъ постоянно говорить; словомъ и пѣсней его можно вести на край свѣта. Къ мелкимъ житейскимъ и матеріальнымъ утѣхамъ онъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ къ слову похвалы или одобренія, такъ какъ, не зная радостей жизни, онъ мало о нихъ и думаетъ.

Отрядъ нашъ двинулся впередъ. Солдаты шли налегкѣ, имѣя на себѣ лишь суточную сухарную дачу. Мы подымались по скату, покрытому скудной травой; за первымъ подъемомъ открывались все новые, на которые слѣдовало взбираться. Это движеніе было затруднительно для нашихъ Егерей, привыкшихъ къ равнинамъ Чечни, гдѣ они дѣлали изумительные по быстротѣ переходы, но не привыкшихъ къ походамъ въ горахъ [1]).

Нахожу здѣсь умѣстнымъ замѣтить, что на Кавказѣ все спеціализируется, какъ свойства и качества войскъ, такъ и офицеровъ, что является необходимымъ по причинѣ различія природы и свойствъ разныхъ

---

[1]) Удивительно, какъ это графъ Воронцовъ не принялъ во вниманіе, что Куринцы не привыкли дѣйствовать въ горахъ, и что къ этому, чисто горному маневру у него были спеціалисты этого дѣла—Апшеронцы и Навагинцы.

мѣстностей края. Естественно, что одинъ полкъ превосходно дѣйствуетъ въ лѣсахъ, другой, благодаря быстротѣ своего хода, въ горахъ; одинъ офицеръ провелъ долгіе годы въ борьбѣ съ чумой на турецкой границѣ, другой—въ административной службѣ Закавказья, третій—всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ лихорадкой и спячкой на службѣ гарнизона въ небольшомъ фортѣ морского побережья; одинъ — на бивакахъ въ ледникахъ лезгинскихъ горъ, другой—въ преслѣдованіи конныхъ партій черкесъ на Кубани; нѣкоторые офицеры провели всю жизнь въ Чечнѣ, въ этой странѣ вѣчной войны и опасностей, служа постоянно мишенью чеченца, другіе — въ Дагестанѣ — странѣ всевозможныхъ лишеній, но гдѣ легко создаются репутаціи, блистательныя карьеры, и легко дается успѣхъ.

Каждая изъ различныхъ мѣстностей Кавказа имѣетъ свою, ей присущую природу, свойства, свой типъ, требуя и особаго способа веденія войны и прежде, чѣмъ дѣйствовать въ той или другой мѣстности и быть на что-либо годнымъ, надо ее изучить; и все это различіе происходитъ по той простой причинѣ, по которой Арменія относится къ Осетіи, Имеретія къ Кабардѣ и Кахетія къ Кумыкской плоскости, также, какъ Франція относится къ Китаю.

Мы продолжали наше движеніе. Главнокомандующій опередилъ насъ съ кавалеріею. Вскорѣ адъютантъ за адъютантомъ потребовали нашего скорѣйшаго къ нему присоединенія. Мы же уже совсѣмъ выбились изъ силъ; за крутымъ подъемомъ послѣдовала выбитая въ скалѣ тропинка, которую мы прошли почти бѣгомъ. Тамъ, гдѣ кончилась тропинка, обнаружилась довольно широкая сѣдловина, на которой мы застали графа, бывшаго пѣшкомъ и стоявшаго къ намъ спиной. Передъ нимъ открывалась глубокая и довольно широкая долина, безплодная, скалистая, лишенная всякой растительности,—долина, обычно встрѣчаемая на значительныхъ высотахъ Кавказа; небольшой ручей пересѣкалъ ее справа налѣво на всемъ ея протяженіи, а съ противоположной стороны долины высились командующія нами высоты;— мы достигли *Киркинскаго перевала*—воротъ въ Гумбетъ, и высота передъ нами была гора *Анчимееръ*.

Здѣсь графъ Воронцовъ рѣшилъ перейти въ Гумбетъ, и этотъ перевалъ отвѣчалъ его соображеніямъ. Всѣ тотчасъ же поняли, что намъ предстоитъ драться, и вся усталость была забыта. Простая развѣдка обратилась, по приказанію графа, въ захватъ господствующаго положенія, въ цѣлую операцію, исполненіе которой предстояло Пассеку.

Я уже говорилъ, что эта дорога была заброшена годами, а на верху перевала она совершенно прерывалась. У самыхъ нашихъ ногъ двухсаженная скалистая стѣна отдѣляла насъ отъ крутого спуска къ ручью, и здѣсь-то и предстояло намъ слѣдовать. Передовые солдаты выломали кирками нѣсколько глыбъ, нѣсколько человѣкъ были еще спущены внизъ и образовали изъ этихъ глыбъ нѣчто въ родѣ лѣстницы. Работа кипѣла съ такой быстротой и энергіею, что полчаса спустя можно было уже спустить внизъ нѣсколько орудій. Пассекъ, кипя нетерпѣніемъ, воодушевлялъ солдатъ и голосомъ и жестами. Надъ его головой развѣвался бѣлый значокъ съ серебрянымъ крестомъ, его вышивали нѣжныя ручки,— это была какъ бы эмблема любви и надежды, но смерть, о которой я уже упоминалъ, унесла всѣ эти надежды на будущее.

То было блестящее начало кампаніи. Подъ звуки боевыхъ пѣсенъ и крикахъ „ура“ работа кипѣла съ той силой, которую даетъ вѣрное обѣщаніе побѣды. Самъ главнокомандующій присутствовалъ при этой сценѣ, стоя на выдающемся уступѣ скалы и опираясь на свою турецкую саблю. Онъ снисходилъ до насъ—молодежи, шумно выражающей свою радость при видѣ непріятеля, котораго наконецъ начнемъ колотить. Онъ подавлялъ насъ всѣмъ обаяніемъ своего величія, своей старой славы, ясностью взгляда и тѣмъ спокойствіемъ стараго воина, которое такъ шло его благороднымъ чертамъ.

Наконецъ столь долго сдерживаемому нашему рвенію данъ сигналъ: Воронцовъ обнажилъ свою бѣлую голову и, минуту спустя, мы уже были у подошвы высоты, поджидая Пассека. Прибылъ и онъ, отдавъ свои послѣднія приказанія.

Дружина Грузинской милиціи подъ начальствомъ князя *Левана Меликова* [1]) стала въ головѣ колонны. Она должна была подняться къ подошвѣ Анчимеера и начать эскаладу этой высоты въ мѣстѣ, указанномъ приданными ей проводниками. Я получилъ приказаніе поддержать грузинъ и слѣдовалъ за ними вблизи, вскорѣ замѣтивъ, что они повернули къ высотѣ.

Высота Анчимееръ въ этомъ мѣстѣ имѣла 1.500 футъ высоты при скатѣ въ 45°. Колебаніямъ не было мѣста: грузины полѣзли вверхъ.

---

[1]) Князь Леванъ Ивановичъ Меликовъ, получившій здѣсь своего офицерскаго Георгія, быстро затѣмъ продвигался по служебной лѣстницѣ и въ 1859-мъ году явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей покоренія восточнаго Кавказа, въ семидесятые годы мы видимъ его уже начальникомъ Дагестанской области, а вскорѣ и помощникомъ главнокомандующаго Кавказской арміею.

Б. Кол—ъ.

Я крикнулъ своимъ сбросить мѣшки и остаться въ однѣхъ рубахахъ; они оставили при себѣ только патронныя сумки и ружья. Я указалъ имъ на главнокомандующаго, остававшагося личнымъ свидѣтелемъ ихъ храбрости; отвѣтомъ мнѣ было уже не „ура“, а какой-то ревъ восторга и нетерпѣнія.

Бой дѣло святое. Бой для русскаго солдата заключаетъ въ себѣ что-то священное. Онъ идетъ въ бой съ тѣмъ же сосредоточеннымъ чувствомъ, съ какимъ вступаетъ въ церковь; горе тому, кто выругается подъ огнемъ,—его сочтутъ за нехриста. Передъ вступленіемъ въ дѣло всѣ обнажаютъ головы, осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и уста шепчутъ краткую молитву. Кавказскія войска не нуждаются въ одушевленіи себя барабаннымъ боемъ и звуками трубъ.

Я подалъ сигналъ атаки движеніемъ руки, и карабинеры (1-ая рота), предводимые *Пассьетомъ*, бросились впередъ; во 2-мъ эшелонѣ пошла 2-ая егерская рота. Самъ я намѣревался вести 3-ью и 4-ую роты, какъ ядро и резервъ моего отряда. Но это предположеніе такъ и осталось кабинетнымъ соображеніемъ, и на мѣстѣ все пошло иначе; невозможно удержать разъ вызванный порывъ, и нельзя остановить на полпути пущенныя впередъ войска.

Чтобы взобраться на Анчимееръ надо было карабкаться наверхъ на четверинкахъ. Первоначальнаго порыва хватило на половину подъема, но импульсъ былъ еще настолько силенъ, что войска все еще подвигались бѣгомъ; ну какъ тутъ сохранить единство и порядокъ!?

Вскорѣ однако боевой порядокъ установился, но не по порядку номеровъ ротъ, а по правилу „равненія по переднимъ“: карабинеры, грузины—милиціонеры и егеря—всѣ перемѣшались. Это былъ уже не штурмъ, а бѣгъ на призы, и это было для насъ большимъ счастьемъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, взять Анчимееръ нельзя было спокойствіемъ и порядкомъ, а именно только наскокомъ и порывомъ.

Противникъ встрѣтилъ насъ сверху жестокимъ огнемъ, но насъ выручала крутизна ската, и мы укрывались въ мертвомъ пространствѣ; ядра и пули проносились надъ нашими головами. Одновременно горцы скатывали на насъ цѣлыя глыбы камня, но наши солдаты умѣло отъ нихъ укрывались: „стара штука“, приговаривали бывалые старики.

Графъ Воронцовъ и его штабъ, оставаясь все это время на Киркинскомъ перевалѣ, по другую сторону долины, слѣдили за нами въ подзорныя трубы—какъ изъ ложи въ оперѣ. Говорятъ, зрѣлище было великолѣпное: мы казались горстью людей, разбросанныхъ по скату этой огромной горы, которую отстаивала масса лезгинъ въ живописныхъ костюмахъ и тюрбанахъ, съ своими значками, гордо воткнутыми въ землю. По временамъ, по долинѣ стлались облака и, попеременно, то закрывали, то открывали насъ зрителямъ, погружая ихъ въ безпокойство и поселяя у нихъ сомнѣніе въ успѣхѣ штурма [1]). Что касается моихъ егерей, то они были увѣрены въ успѣхѣ. Съ самаго начала дѣла одинъ молодой солдатъ, размахивая въ воздухѣ винтовкой, крикнулъ: „прочь татары, Куринцы идутъ"!

Это восторженное восклицаніе стало какъ бы общимъ боевымъ кличемъ, перекатилось среди горъ въ тысячи эхо и возбудило нашихъ храбрецовъ. Безъ единаго выстрѣла, благодаря только силѣ ногъ атакующихъ, захватили мы первый выступъ, занятый наиболѣе быстроногими.

Я не имѣлъ чести лично и непосредственно участвовать въ этомъ лихомъ налетѣ по физической тому невозможности: я былъ уже утомленъ продолжительнымъ утреннимъ хожденіемъ, напряженіе же, потраченное мной на эту эскаладу, окончательно меня обезсилило: у меня пошла пѣна горломъ и, несмотря на то, что меня поддерживали при подъемѣ два моихъ егеря, я упалъ совершенно изнеможенный.

Я думаю, что я такъ бы и остался тутъ, на мѣстѣ, и до днесь, если бы по близости не случился одинъ достойный житель Кахетіи, геркулесъ по сложенію, нѣкто Х...

Я, такъ сказать, запрегъ его, ухватившись обѣими руками за его поясъ, и потащился наверхъ этимъ способомъ, подталкиваемый къ тому же еще сзади двумя егерями, и также достигъ перваго возвышеннаго уступа, гдѣ и нашелъ своихъ людей, лежавшихъ за гребнемъ и завязавшихъ отсюда живую перестрѣлку съ горцами, продолжавшими удерживать самую вершину горы.

---

[1]) Другой очевидецъ, бывшій въ штабѣ Воронцова и наблюдавшій съ нимъ этотъ штурмъ, говоритъ: „между зрителями, смотрѣвшими на бой съ нашей площадки, нашлись шутники, которые назвали это дѣло „bataille Anchimer (en chimère), намекая, что побѣда досталась дешево; но, въ сущности, дѣло было труднѣе, чѣмъ оно казалось намъ сверху". Очевидецъ этотъ шт.-кап. баронъ Дельвигъ весь успѣхъ этого дѣла приписываетъ талантамъ и рѣшительности Пассека, котораго онъ ни въ чемъ не обвиняетъ во всей этой Анчимееровской операціи.

Б. Колюбакинъ.

Немедленно принялъ я всѣ мѣры задержать пылъ моихъ людей, запретивъ имъ дальнѣйшее наступленіе, съ цѣлью дать подсобраться всѣмъ отставшимъ, такъ какъ намъ необходимо было сосредоточиться, дабы не дать себя уничтожить значительно насъ превосходившими силами горцевъ. Непріятель видѣлъ нашу малочисленность и легко могъ насъ подавить.

Еще ранѣе, до насъ достигли звуки пѣнія священной пѣсни—„Ла-иллахъ-иль-алла“ (нѣтъ Бога кромѣ Бога), запѣваемой правовѣрными мучениками ислама въ тѣхъ случаяхъ, когда они обрекаютъ себя неминуемой гибели за вѣру. Но этотъ, когда-то столь почитаемый священный напѣвъ теперь уже не имѣлъ того дѣйствія, которое имѣлъ въ первыя времена мюридизма, когда онъ производилъ сильное впечатлѣніе на послѣдователей Кази-муллы, священный стихъ пересталъ быть истиной, и теперь горцы прибѣгали къ нему скорѣе подъ давленіемъ чувства страха. „Ничего, Ваше Сіятельство, насъ не надуешь“, обратился ко мнѣ по этому случаю мой вѣрный казакъ Игумновъ, „мы знаемъ, что они подлецы“.

Во время удачнаго дѣла кавказскій солдатъ становится очень болтливъ, и нѣтъ никакой возможности зажать ему ротъ,—льется неистощимый потокъ шутокъ, прибаутокъ и острыхъ словечекъ; старики же, кромѣ того, очень расположены тогда давать совѣты, которые рѣдко бываютъ плохи [1]).

Мы продолжали перестрѣливаться, пули сыпались на насъ градомъ, и было необходимо выйти изъ этого положенія. Я сдался на просьбу карабинеровъ и предоставилъ имъ съ ихъ храбрымъ командиромъ честь ударить на горцевъ съ фронта. Непріятель стойко встрѣтилъ атаку и часть грузинской милиціи была уже опрокинута, когда во-время поспѣлъ Пассьетъ съ ударомъ въ штыки.

Минута была рѣшительная. Я съ егерями (три роты) взялъ въ обходъ вправо; значки непріятеля почти повсюду исчезли, скопище его обратилось въ полное бѣгство, и на вершинѣ Анчимеера гремѣло побѣдное ура 1-го баталіона Куринцевъ. Штурмъ длился три четверти часа [2]).

---

[1]) Какъ цѣнны всѣ эти наблюденія Бенкендорфа, всегда готоваго воздать должное всѣмъ, кромѣ себя самого, котораго онъ ставитъ на послѣднемъ планѣ, и сколько жизненной правды въ его воспоминаніяхъ!

Б. К.

[2]) Послѣ грузинской милиціи и 1-го баталіона Куринцевъ, ударившихъ на позицію горцевъ у Анчимеера съ фронта, и уже послѣ отступленія гор-

За опьяненіемъ первой побѣдой послѣдовало полное изнеможеніе; покачали офицеровъ, которыми люди остались наиболѣе довольны, указали мнѣ отличившихся нижнихъ чиновъ, немного погорланили и попѣли, но, въ концѣ концовъ, измученные и изнеможенные мы всѣ повалились на землю. Когда Пассекъ пріѣхалъ насъ привѣтствовать, мы могли подняться лишь съ неимовѣрнымъ трудомъ. Я лично испытывалъ сильнѣйшую боль въ области сердца, мнѣ не хватало воздуху, я задыхался и свободно, какъ всегда, началъ я дышать только значительно позднѣе и тогда, когда я вылечивался отъ ранъ, полученныхъ 5 недѣль спустя.

Грузинскіе милиціонеры рѣзко отъ насъ отличались: превосходные пѣшеходы, почти всѣ поголовно горные жители, они превосходили нашихъ солдатъ въ умѣніи лазить по горамъ. Вмѣсто отдыха, тѣсно ставъ другъ къ другу и положивъ каждый правую руку на плечо сосѣда, они принялись за національные круговые танцы, сопровождая ихъ монотоннымъ пѣніемъ, прерываемымъ изрѣдка громкими возгласами. Музыка—можетъ быть и не была красива, но она напоминала имъ славное прошлое ихъ боевой жизни. Эти пѣсни пѣвались еще ихъ отцами во время всѣхъ войнъ, а война была настоящей стихіей былой Грузіи. Эти пѣсни распѣвались на берегахъ Инда, въ эпоху побѣдной здѣсь войны Надиръ-Шаха, когда 5.000 грузинъ составляли отборное ядро его арміи.

Грузины вообще отличаются поразительной храбростью, переходящей зачастую предѣлы благоразумія.

Напримѣръ, у Тушинъ (бывшихъ въ составѣ этой Грузинской милиціи) существовали обычаи: свадебный подарокъ принимался лишь при условіи одновременнаго поднесенія женихомъ семи кистей рукъ, отрѣзанныхъ у непріятеля во время боя, или,—тушинская дѣвушка никогда не вышла бы замужъ за человѣка, раненаго сзади.

Трудно себѣ представить что-либо живописнѣе, воинственнѣе и

цевъ, слѣва вышелъ 1-й баталіонъ Литовскаго полка, а сзади постепенно подходили первые баталіоны Апшеронскаго и Житомирскаго полковъ. Честь же удара и сбитія противника всецѣло принадлежала 1-му баталіону Куринцевъ и грузинской милиціи, и если бы эти части были опрокинуты, то одинъ отрядъ Пассека едва-ли захватилъ бы Анчимееръ.

Успѣху этого труднаго дѣла мы обязаны конечно умѣнью Пассека дѣйствовать въ горахъ, его чудесному глазомѣру, сообразительности и рѣшительности и, кромѣ Пассека, болѣе всего молодецкому баталіону Куринцевъ и храброй грузинской милиціи князя Левана Меликова, начавшаго здѣсь свою карьеру.

Б. К.

болѣе дикое, чѣмъ эта бывшая передъ нашими глазами группа грузинскихъ милиціонеровъ [1]).

Когда солнце сѣло, мы еще находились на самой вершинѣ горы, спускавшейся къ сторонѣ противника болѣе отлого, чѣмъ къ сторонѣ нашего восхожденія; вдали, кое-гдѣ, еще виднѣлись значки непріятеля. Мой доблестный грузинъ не былъ мною забытъ, и я предложилъ ему все золото, имѣвшееся налицо въ моемъ карманѣ, но онъ мнѣ заявилъ, что ни за что не возьметъ денегъ, что онъ дворянинъ и оказаніе мнѣ помощи было дѣломъ чести. Ему не пришлось раскаяться въ своемъ безкорыстіи, и онъ, и его братъ (который тутъ былъ ни при чемъ), оба получили по моему ходатайству нѣкоторое повышеніе по службѣ. Впослѣдствіи, желая сдѣлать ему пріятное, я доставилъ его брату должность переводчика, хотя онъ ни слова не зналъ по-татарски. Казалось, это должно было бы положить основаніе его карьерѣ, но, думаю, что успѣхъ этого рода службы требовалъ моего возвращенія въ Грузію. Оказавшій мнѣ услугу старшій братъ былъ очень хорошій человѣкъ, простой и добродушный, словомъ—истый кахетинецъ. Онъ меня часто навѣщалъ потомъ въ Тифлисѣ и приносилъ плоды своего сада. На пасху, по обычаю между друзьями, онъ подносилъ мнѣ обыкновенно совершенно бѣлаго и безъ малѣйшаго пятнышка барашка.

Взятіе Анчимеера произвело въ горахъ потрясающее впечатлѣніе. Уже 7-го іюня событіе это стало извѣстнымъ въ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова, дѣйствовавшаго въ Южномъ Дагестанѣ. Въ извѣстіи, доставленномъ горцами въ упомянутый отрядъ, упоминалось и о *трехглазомъ полковникѣ*, въ которомъ я былъ признанъ всѣми меня знавшими (по моему моноклю).

Результаты нашего успѣха были весьма значительны для отряда, вслѣдствіе оставленія противникомъ Мичикальскаго ущелья, и горцы собрались въ значительныхъ силахъ только уже въ Андіи.

Графъ Воронцовъ былъ очень доволенъ и засыпалъ насъ своимъ вниманіемъ. Въ ознаменованіе этого славнаго дѣла, въ Высочайшемъ приказѣ отъ того же 5-го іюня, Куринскій полкъ именованъ „*Егерскимъ графа Воронцова*“. Имя Куринскаго полка мало

---

[1]) Чудесные картины и рисунки мюнхенскаго художника Горшельта, обезсмертившаго кавказскую войну въ своихъ изображеніяхъ, превосходно дополняютъ впечатлѣніе Бенкендорфа.

Б. К.

что говоритъ нашей арміи въ Россіи, но это имя настолько связано съ боевой славой нашихъ войскъ на Кавказѣ, что тамъ оно не можетъ быть предано забвенію.

Главнокомандующій, въ своемъ обращеніи къ полку, какъ его шефъ, со свойственнымъ ему тактомъ не преминулъ подчеркнуть тотъ почетъ, который былъ связанъ съ именемъ полка: „не имя мое соединяетъ насъ", говорилъ онъ полку, „а насъ соединяетъ заслуженная мною честь носить мундиръ Куринскаго полка".

Ночь съ 5-ое на 6-ое, проведенная нами на вершинѣ Анчимеера, была очень холодная, и такъ какъ къ намъ не подошли наши вьюки, то намъ пришлось лечь спать голодными и подъ открытымъ небомъ, укрывшись однѣми бурками [1]).

Моя бурка была потеряна, но къ счастью мой маленькій Мамудъ раздобылъ мнѣ другую, съ помощью которой, хорошо ли, дурно ли но я кое-какъ примостился въ расщелинѣ скалы.

Мамудъ—молодой чеченецъ, родомъ изъ Шали, давно уже служилъ намъ лазутчикомъ; дурное обращеніе, которое ему пришлось перенести отъ своего деверя—Шамиля (сестра его имѣла честь раздѣлять ложе этого великаго человѣка), заставило его бѣжать изъ Дарго и искать нашего покровительства. Мы его встрѣтили въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, гдѣ онъ находился въ качествѣ политическаго ссыльнаго, и такъ какъ я зналъ, что съ нимъ сносился Лобановъ, что онъ былъ очень смышленъ и на все годенъ, то и пріютилъ его у себя. Судьбу свою онъ связалъ съ моей или, говоря попросту, завязалъ знакомство съ кухней моего Семена; меня именовалъ своимъ ауломъ.

Мамудъ отличался удивительнымъ знаніемъ географіи своей страны и умѣніемъ разбираться по картѣ, не имѣя ранѣе никакого о ней представленія. Стоило только оріентировать карту по странамъ свѣта и указать ему главнѣйшіе рубежи, какъ онъ уже постигалъ все остальное.

Въ этотъ вечеръ онъ меня много забавлялъ, повѣряя мнѣ (на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, перемѣшанномъ татарскими словами), что въ первый же разъ, какъ у насъ будетъ вино, онъ

---

[1]) Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, почему въ штабѣ отряда не были приняты всѣ мѣры для доставленія прежде всего обоза войскамъ отряда Пассека, хотя бы часть его? Воронцовъ поднялъ отрядъ налегкѣ, а вслѣдъ за нимъ слѣдовало направить и обозъ его и, конечно, Воронцову слѣдовало сговориться и условиться съ Пассекомъ, а не оставлять его безъ малѣйшихъ указаній.

Б. К.

отомститъ Магомету, напившись пьянымъ, такъ какъ въ сегодняшнемъ дѣлѣ пуля пострѣлила ему рукавъ, что вынуждаетъ его прервать всякую связь съ религіозными постановленіями Магомета. Въ то время онъ былъ еще очень милъ, но когда я покидалъ Тифлисъ, онъ уже измѣнился: милости, которыми онъ былъ осыпанъ, и невоздержная жизнь въ городѣ создали изъ него порядочнаго негодяя,—обычное явленіе порчи нравовъ при соприкосновеніи цивилизаціи съ первобытными нравами населенія, а отсюда то суровое презрѣніе къ этой цивилизаціи со стороны послѣдователей корана.

Генералъ Пассекъ назначилъ двѣ роты Литовцевъ для сопровожденія нашихъ раненыхъ къ главному отряду и въ числѣ таковыхъ было и 17 человѣкъ Куринцевъ, принятыхъ съ той заботливостью и живѣйшей симпатіею, съ которыми принимаютъ обыкновенно первыхъ раненыхъ. Графъ Воронцовъ далъ имъ денегъ, въ ихъ пользу была открыта подписка, а для доставленія ихъ въ Темиръ-ханъ-Шуру были назначены лучшія черводарскія лошади. Но впослѣдствіи, когда этихъ раненыхъ пришлось имѣть постоянно передъ глазами, то люди, мало-по-малу, привыкли ко всѣмъ этимъ ужасамъ и страданіямъ. Послѣ описываемыхъ событій, я, какъ-то будучи въ Дрезденѣ, смотрѣлъ пьесу (передѣланную изъ романа „Мемуары дьявола“), въ которой одинъ изъ актеровъ разсказывалъ массу ужасовъ и преступленій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, начиналъ онъ свой разсказъ грустнымъ тономъ, каждый разъ заканчивалъ его фразой: „но вѣдь къ этому скоро привыкаешь“ (Aber man gewöhnt sich!). Эта сцена живо напомнила мнѣ всѣ тѣ бѣдствія и страданія, которыя уже прошли передъ моими глазами, и то впечатлѣніе, которое когда-то онѣ на меня производили.

Боже мой! До чего справедливо это—„ко всему привыкаешь“!..

Война служитъ богатой школой грустныхъ и безотрадныхъ опытовъ надъ самимъ собой.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года[1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Пассекъ получилъ приказаніе сначала обойти Мичикальское ущелье, затѣмъ захватить непріятельскія орудія и, наконецъ, занять такую позицію, съ которой онъ прикрывалъ бы движеніе главныхъ силъ отряда вплоть до того пункта, гдѣ уже могло бы состояться соединеніе его съ главными силами. Занятіемъ Анчимеера Мичикальская позиція была обойдена, что̀ и заставило непріятеля немедленно же ее покинуть, что же касается до орудій, то не таковы были мѣстныя условія Кавказа, чтобы отыскивать ихъ на удачу, для успѣха — ихъ нужно видѣть во-очію, да и этого еще недостаточно.

Что касается до выбора мѣста для расположенія нашего отряда въ цѣляхъ обезпеченія слѣдованія главныхъ силъ, то это было исполнено Пассекомъ со свойственнымъ ему глазомѣромъ и съ тѣмъ знаніемъ и пониманіемъ условій дѣйствій въ горахъ, которыми Пассекъ владѣлъ въ совершенствѣ и въ чемъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго среди кавказскихъ офицеровъ.

Я нарочно опираюсь на всѣ цѣли, поставленныя Пассеку, и на средства и способы Пассека для ихъ достиженія, такъ какъ вызванныя ими дальнѣйшія операціи нашего отряда (которыя я постараюсь доложить съ возможной точностью) были подвергнуты въ

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1910 г.

свое время строгой критикѣ и составили одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ обвиненія, предъявленнаго памяти этого генерала [1]).

Я говорю лишь во имя справедливости, потому что таково мое убѣжденіе, что онъ исполнилъ лишь то, что ему слѣдовало [2]); я свидѣтельствую въ память покойника, который не разъ полагался на мою защиту передъ великими міра сего въ минуты, когда онъ и не предполагалъ, что ему еще раньше придется предстать для отвѣта предъ лицомъ Господа Бога.

Я также осуждаю это продолжительное наше пребываніе на „холодной горѣ“, такъ прозванной солдатами за вынесенныя ими тамъ бѣдствія отъ холода, но мое осужденіе исходитъ изъ другихъ соображеній, чѣмъ общепринятыя тогда осужденія Пассека [3]), и я осуждаю единственно лишь изъ того обстоятельства, что у подошвы этой „холодной горы“ было другое мѣсто, гдѣ бы мы бѣдствовали значительно менѣе, и откуда мы одинаково хорошо обезпечивали бы слѣдованіе главныхъ силъ отряда къ Мичикалу.

---

[1]) Обвиненіе Пассека въ дальнѣйшемъ, по занятіи Анчимеера, движеніи исходило изъ правильнаго соображенія, что, занявъ позицію у Анчимеера, мы брали во флангъ и въ тылъ Мичикальскую позицію, которую наши противники немедленно и бросили, слѣдовательно, Пассеку нечего было идти по хребту далѣе на Зунумееръ (холодную гору), оторвавшись отъ главныхъ силъ и подвергнувъ себя бѣдствіямъ, и это дальнѣйшее движеніе оцѣнивалось въ отрядѣ „необузданной отвагой честолюбиваго Пассека“. Конечно, вина ложится и на Пассека, но виноватъ и Воронцовъ, *оправданія котораго*, что „успѣхъ занятія Анчимеера былъ такъ быстръ, что Воронцовъ не успѣлъ дать Пассеку дальнѣйшихъ указаній“ — *недѣйствительны*, онъ былъ обязанъ оріентировать Пассека, дать точное наставленіе и уже во всякомъ случаѣ обезпечить его обозомъ и тѣмъ или другимъ способомъ облегчить отряду Пассека его лишенія и бѣдствія.

Б. К.

[2]) Благородный Бенкендорфъ оправдываетъ Пассека, доказывая, что ему слѣдовало преслѣдовать, что и вызвало дальнѣйшее движеніе впередъ, но кто можетъ теперь доказать, слѣдовало или не слѣдовало преслѣдовать по горамъ?!. Но къ заявленію Бенкендорфа, какъ человѣку правдивому и участнику, слѣдуетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ, и мы въ значительной степени склоняемся къ убѣжденію, что графъ Воронцовъ виноватъ значительно болѣе Пассека, но Пассекъ былъ скоро убитъ, а Воронцовъ остался живъ и въ силѣ, и въ могуществѣ, и кто могъ впослѣдствіи оправдать Пассека!

Б. К.

[3]) Упомянутыя нами и заключавшіяся въ „необузданной отвагѣ честолюбиваго Пассека“.

Б. К.

Но зналъ ли тогда кто-нибудь о существованіи этого мѣста? [1])

Мы были затеряны въ облакахъ, затеряны въ странѣ, гдѣ еще не ступала нога русскаго, и тѣмъ не менѣе Пассекъ сумѣлъ дѣйствовать и опредѣлить стратегическій пунктъ, занятіе котораго обезпечило успѣхъ экспедиціи. Пассекъ, въ эту эпоху, имѣлъ много недруговъ и особенно завистниковъ среди лицъ главной квартиры; на молодого сравнительно офицера, едва только начавшаго подвизаться на Кавказѣ, имѣли зубъ и полковники, которыхъ онъ обогналъ на службѣ, и двадцатилѣтніе генералы, съ которыми онъ было сравнялся.

Правды ради, слѣдуетъ признать, что Пассекъ всѣхъ ихъ оскорблялъ своимъ высокомѣріемъ и тщеславіемъ, которыми онъ былъ всецѣло проникнутъ.

Я въ жизни не встрѣчалъ большаго спорщика и, когда онъ сознавалъ, что неправъ, и доводы его уже не были дѣйствительны, то онъ переходилъ къ рѣшительнымъ пріемамъ, подобно атакѣ непріятельской позиціи и, что называется, бралъ штыковымъ ударомъ. Такъ, однажды, когда среди его оспаривавшихъ и уже утомившихся съ нимъ въ спорѣ лицъ, одинъ изъ его товарищей, долѣе другихъ его оспаривавшій, замѣтилъ ему, что для продолженія съ нимъ спора у него не хватаетъ не доводовъ, а силы легкихъ, то Пассекъ, все еще метавшій громы, отвѣтилъ ему: „Ну, не спорьте тогда, когда грудь слаба“. Какъ конечно не было естественно, что Пассекъ имѣлъ враговъ, но въ данномъ случаѣ были неправы обвинители Пассека. Какъ ни трудно мнѣ разъяснить это обстоятельство, не имѣя карты, но я все же попытаюсь.

Перейти отъ Киркинскаго перевала къ верховью долины *Мичи-Кале* (важному пункту, который слѣдовало занять для преграждения здѣсь доступа противнику), возможно было по двумъ направленіямъ: первое (горами), принятое Пассекомъ, въ 8 верстъ протяженія, второе, пролегавшее тропинкой вдоль двухъ долинъ—Коцу и Мичикале, пересѣкавшихся почти прямымъ угломъ, въ 20 верстъ протяженія.

Слѣдовательно, для достиженія позиціи, занятой нами въ качествѣ авангарда, было два направленія, одно — прямолинейное, другое — кружное. Утверждать, что главнымъ силамъ слѣдовало слѣпо идти въ хвостѣ за нами, было бы конечно абсурдомъ (по тысячѣ причинъ, объяснять которыя заняло бы много времени и

---

[1]) Вотъ почему Воронцову и не слѣдовало торопиться, а развѣдать, что лежало уже не на Пассекѣ, а на штабѣ Воронцова, хотя конечно и Пассекъ могъ этимъ озаботиться.

Б. К.

было бы безполезно), и главныя силы конечно не могли рисковать подобнымъ движеніемъ, но было ошибочнымъ не развѣдать другой дороги, на которую *Пассекъ указывалъ совершенно опредѣленно* [1]).

Главнымъ силамъ оставалось только слѣдовать этой дорогой, во-нервыхъ, дабы возможно было насъ розыскать, а во-вторыхъ для возможности снабженія насъ, не давъ намъ умирать съ холоду и съ голоду. Вмѣсто того, чтобы принять это простое и естественное рѣшеніе, продолжали (очевидно, Бенкендорфъ говоритъ о главной квартирѣ, свитѣ и вообще о лицахъ, составлявшихъ верхи отряда) теряться въ догадкахъ и соображеніяхъ о нашемъ смѣломъ движеніи и критиковать Пассека, который яко бы одинъ хотѣлъ все кончить, ничего не оставляя другимъ и предоставляя насъ такимъ образомъ всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, черезъ которыя намъ пришлось проходить [2]).

Чудесное утро 6-го іюня застало насъ на вершинѣ Анчимеера. Воздухъ на большихъ высотахъ отличается необычайной прозрачностью, съ глазъ какъ бы спадаетъ какая-то завѣса, и поле зрѣнія увеличивается почти вдвое.

---

[1]) Въ чемъ же тогда заключалась рекогносцировка графа Воронцова съ его многочисленной свитой и штабомъ? Это показаніе Бенкендорфа во всякомъ случаѣ очень важно и, конечно, останься въ живыхъ Пассекъ, онъ бы вѣроятно оправдался, но онъ былъ вскорѣ убитъ, а графъ Воронцовъ ни слова не сказалъ въ его оправданіе.

Б. К.

[2]) Высота Анчимееръ была взята Пассекомъ 5-го іюня, при чемъ отрядъ его былъ безъ обоза и вообще налегкѣ и такъ и заночевалъ на 6-ое іюня. Воронцовъ же хотѣлъ Дагестанскій отрядъ двинуть въ оставленное противникомъ ущелье Мичнкале, а остальныя силы двинуть къ подошвѣ Анчимеера, къ бывшему укрѣпл. „Удачному", притянувъ сюда и всѣ свои обозы, и слѣдовать потомъ на Мичикале. 6-го іюня Пассекъ, увлекшись преслѣдованіемъ, прошелъ хребтомъ Ичкень еще 15 верстъ и расположился на *Зуну.мееръ*,—„холодной" горѣ и тогда же Дагестанскій отрядъ перешелъ въ Мичикале; очевидно, что пора было спустить внизъ отрядъ Пассека. Между тѣмъ графъ Воронцовъ съ остальными силами только 7-го перешелъ къ подошвѣ Анчимеера и ничѣмъ не поддержалъ и не снабдилъ Пассека, бывшаго въ 15-ти верстахъ впереди. Первая поддержка, хотя и недостаточная, оказана Пассеку послѣ полудня 9-го, и онъ оставленъ на „холодной" горѣ еще на двое сутокъ, когда нужды въ этомъ не было никакой, и только 11-го спущенъ въ долину. Вина въ бѣдствіяхъ отряда падаетъ на старшее начальство, на графа Воронцова, и незнаніе имъ условій дѣйствій въ горахъ не оправданіе: было у кого ознакомиться съ этими условіями, знатоковъ при отрядѣ было много.

Съ полнымъ удобствомъ мы какъ бы парили надъ этимъ нагроможденіемъ скалъ, надъ этими чудовищными трещинами и пропастями, которыя сходятся, сплетаются, но нигдѣ не прерываются, составляя въ общемъ страну горъ, именуемую Дагестаномъ. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ничего подобнаго строенію извѣстныхъ намъ горныхъ странъ, гдѣ соединеніе горныхъ цѣпей, возвышеніе и опусканіе хребтовъ слѣдуетъ извѣстной системѣ. Здѣсь — цѣлый міръ обломковъ и развалинъ: все здѣсь перемѣшано, все разбито, все въ безпорядкѣ; точно чудовищныя волны океана какъ бы внезапно застыли и окаменѣли въ бурю; это полное изображеніе первобытнаго хаоса.

Восхищаешься потрясающей красотой величественнаго и внушительнаго зрѣлища, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытываешь чувство ужаса, какъ бы очутившись передъ вратами ада.

Отсюда понятно отвращеніе, внушаемое нашимъ бѣднымъ солдатамъ грозной природой Дагестана, и та захватывающая тоска по родинѣ, отъ которой они гибнутъ, вспоминая широкое раздолье этой родины, ея зеленыя, слегка волнистыя равнины, богатыя и цвѣтущія, веселыя субботнія хоровыя пѣсни и хороводы и церковныя воскресныя службы.

Сколько разъ замѣчалъ я, какъ наши солдаты вздыхали о прелестяхъ Чечни, между тѣмъ какъ тамъ ихъ отовсюду подстрѣливаютъ, и каждый переходъ по лѣсу стоитъ чьей-нибудь жизни. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, есть трава, есть лѣсъ, которые все-таки напоминаютъ родину, а въ Дагестанѣ однѣ скалы да камни, камни да скалы.

„Когда бы только избавиться отъ этихъ проклятыхъ горъ“.

Нельзя не повторить съ Ермоловымъ его энергичнаго чисто-русскаго выраженія, вырвавшагося у него, когда онъ, съ вершины Караная, какъ и мы теперь, въ первый разъ увидалъ у своихъ ногъ этотъ огромный лабиринтъ пропастей, громадныхъ горъ, расколотыхъ и перевернутыхъ, образующихъ это море камней и скалъ Дагестана.

Багровое солнце подымалось изъ-за Койсубулинскихъ горъ.

Русскій человѣкъ легко поддается чужеземному вліянію, и наши войска быстро перенимаютъ нравы и обычаи сосѣднихъ народовъ. Видя, изо дня въ день, какъ муллы, простирая руки къ востоку, съ высоты минаретовъ призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, мы, христіане, тоже обращаемся лицомъ къ востоку, вознося къ Богу и наши молитвы.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе и красивѣе восхода солнца въ горахъ Кавказа. Въ походѣ особенно набожно склоняешь голову передъ золотымъ свѣтиломъ, только что озарившимъ своимъ свѣтомъ поле новаго боя. „Зайдетъ ли оно до, или послѣ моей смерти за этими другими горами, по направленію которыхъ оно движется и отъ которыхъ находится всего въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія?“ Таковъ сокровенный передъ вѣчностью вопросъ у каждаго, заставляющій скрестить руки на молитву о Божьей помощи.

Барабаны ударили подъемъ, и мы выступили [1]). Мы пріостановились у подножія горы, чтобы утолить жажду, такъ какъ на вершинѣ Анчимеера не было воды. По пути намъ пришлось еще взбираться на горы. Весь остатокъ этого дня мы не сходили съ вершинъ, и это былъ лучшій способъ обозрѣнія мѣстности и быть насторожѣ всякихъ неожиданныхъ нападеній, такъ какъ мы надъ всѣмъ господствовали.

Направо шли все горы и горы, за которыми раскрывалось Мичикальское ущелье, налѣво, примѣрно верстахъ въ десяти, находилась воронка или трещина (затрудняюсь дать точное названіе), промытая водами р. Андійскаго Койсу, которая и представляетъ естественную преграду между двойнымъ кряжемъ горъ, образующихъ Гумбетъ, и высокимъ центральнымъ плато голыхъ скалъ, образующимъ Аварію. Позади этихъ скалъ на фонѣ голубого неба вырисовываются ледники Дидо и горы Лезгинской кордонной линіи.

Я былъ въ арріергардѣ. Пассекъ перестрѣливался съ небольшими партіями горцевъ. Въ концѣ дня я получилъ приказаніе занять вновь высоту, уже нами пройденную и оставленную позади, и на ней основаться. Эта была „холодная“ гора, или, по мѣстному — *Зунумееръ*. Вершина горы была покрыта остроконечными скалами съ небольшими углубленіями и пещеркой на подобіе собачьей будки, очевидно посѣщаемой мѣстными пастухами, судя по остаткамъ въ ней соломы. Я въ ней расположился; двѣ мои роты стали фронтомъ по гребню горы, которая сообщалась съ другими

---

[1]) Это и было то выступленіе съ Анчимеера ген. Пассека и слѣдованіе его хребтомъ Ичкенъ по направленію къ Мичикале, которое такъ осуждалось въ отрядѣ и признавалось безцѣльнымъ, ибо, занимая Анчимееръ, Пассекъ достаточно обезпечивалъ занятіе нами Мичикале. Чѣмъ было вызвано это движеніе, которымъ Пассекъ отрывался отъ главныхъ силъ и лишалъ себя всѣхъ средствъ довольствія, остается неизвѣстнымъ. Бенкендорфъ оправдываетъ это движеніе, указывая, со словъ Пассека, на данныя ему Воронцовымъ задачи.

Б. Колюбакинъ.

горами; карабинеры 1-ой роты стали въ резервѣ, а громовой голосъ Колюбакина (командира 3-ей роты) раздавался на самой вершинѣ, повисшей надъ бездной и имѣвшей своими защитниками 3-ю Егерскую роту. Я приказалъ немедленно соорудить изъ дерна небольшой парапетъ, который снаружи обложить широкими каменными плитами. Мы приняли эту мѣру не въ цѣляхъ усиленія обороны нашего расположенія (до сихъ поръ на Кавказѣ не было случая атаки горцами нашего расположенія), но лишь съ цѣлью предохраненія людей отъ пораженія ихъ ружейными пулями, посылаемыми намъ ночью. На огонь непріятеля мы не отвѣчали, дабы не давать огоньками нашихъ выстрѣловъ точекъ прицѣливанія для винтовокъ горцевъ, стрѣлявшихъ обыкновенно на удачу; во всякомъ случаѣ надо быть осторожѣ и укрытымъ.

Тѣмъ не менѣе, горцы всю эту ночь поддерживали противъ насъ значительный и весьма оживленный огонь, и мы имѣли 12 человѣкъ раненыхъ.

Къ счастью, у меня въ баталіонѣ не было потерь. Мои незначительныя укрѣпленія были окончены, и люди, лежа за ними съ винтовками въ рукахъ, были достаточно прикрыты.

Въ этотъ день, какъ и въ предыдущій, сухари были нашей единственной пищей, и такъ какъ они были въ размѣрѣ всего суточной дачи [1]), то я указывалъ людямъ экономизировать сухари, хотя наши вьюки и довольствіе и ожидались на слѣдующій день. Но на слѣдующій день опять таки ничто не прибыло, и прибыли только собственные вьюки Пассека, денщикъ котораго, опасаясь Пассека болѣе чѣмъ непріятеля, превозмогъ всѣ затрудненія и присоединился. Кромѣ того мы получили приказъ по войскамъ, отданный графомъ Воронцовымъ по случаю дѣла 5-го іюня, продиктованный имъ сейчасъ же послѣ дѣла, лично, и тутъ же на мѣстѣ, одному изъ стоявшихъ при немъ чиновниковъ, писавшему его на барабанѣ [2]).

Графъ Воронцовъ былъ большой мастеръ вести дѣла въ военномъ духѣ; приказъ былъ изъ самыхъ лестныхъ, его прочли во всѣхъ ротахъ, и онъ былъ принятъ восторженно. Въ этомъ же приказѣ намъ было предписано представить всѣхъ отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Составленіе наградныхъ листовъ—дѣло нелегкое, и оно отняло

---

[1]) Какъ могъ допустить Воронцовъ потерю всякой связи съ своимъ авангардомъ и необезпеченіе его предметами первой необходимости на столь продолжительное время? *Б. К.*

[2]) Вѣроятно, баронъ Николай Павловичъ Николаи или Щербининъ. *Б. К.*

у меня все утро и заставило меня забыть, что мы вновь провели его безъ пищи.

Видя ту озабоченность, серьезность и таинственность, съ которыми наши походныя канцеляріи приступаютъ къ составленію наградныхъ списковъ, можно думать, что въ этомъ-то и заключается весь смыслъ войны, самое важное на Кавказѣ дѣло. „Представленія“ (къ наградамъ) служатъ какъ бы пробнымъ камнемъ характера личности; личности обнажаются тогда отъ всѣхъ прикрасъ, и на сцену выступаютъ пересуды и интриги, зачастую при этомъ выступаютъ на сцену лица, неизвѣстныя доселѣ въ отрядахъ и которыя въ эту минуту умѣютъ извлечь для себя выгоду изъ пролитой другими крови; подчасъ встрѣчаешь между ними и почтенныхъ усатыхъ ветерановъ, которые во исполненіе долга остаются непоколебимыми передъ любыми завалами, а тутъ—пасуютъ и поддаются тлетворному вліянію этого очага сплетенъ и интригъ.

Этому „наградному дѣлу“ придаютъ столь большое значеніе, что оно въ самомъ дѣлѣ пріобрѣло особый характеръ оригинальности.

Какъ каждый вѣкъ имѣетъ (вырабатываетъ) своего человѣка, такъ на Кавказѣ каждое ремесло имѣетъ тоже своего человѣка.

Наградныя дѣла породили на Кавказѣ тотъ особый сортъ людей, которыхъ честные люди окрестили прозвищемъ „штабныхъ крысъ“ и которые имѣютъ вполнѣ опредѣленный и рѣзко очерченный обликъ, вполнѣ обособленный типъ, не говорящій ни уму, ни сердцу. Отъ чиновниковъ они заимствовали подобострастіе, отъ писарей и переводчиковъ—нахальство, ничего не взявъ отъ боевого офицера. Къ нашей чести слѣдуетъ замѣтить, что чисто русскіе люди и нѣмцы не принадлежатъ къ этой категоріи, и въ большинствѣ случаевъ ее заполняютъ хохлы, или армяне, или поляки. Эти послѣдніе особо внѣдрились на Кавказѣ и пустили здѣсь глубокіе корни во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, покрывъ всю военную администрацію невидимой сѣтью, окутавъ всѣ ея части и отрасли, начиная съ ротнаго писаря и кончая начальникомъ канцеляріи нашихъ генераловъ-администраторовъ.

Конечно эта паутина не имѣетъ никакого политическаго значенія и на Кавказѣ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, но она создала цѣлую систему взаимнаго покровительства, распространяющагося на всѣхъ ея членовъ, и вліяніе этой системы на жизнь и характеръ людей несомнѣнно.

Боже меня упаси быть пристрастнымъ. Я очень далекъ отъ этого, чтобы приписывать людямъ этихъ трехъ національностей недостойную роль и умалять ихъ заслуги на службѣ правительству.

Малороссъ (хохолъ) съ его полукочевыми привычками былъ од-

нимъ изъ первыхъ русскихъ піонеровъ въ нашихъ колоніяхъ и завоеваніяхъ на югѣ и былъ болѣе способенъ приспособиться ко всевозможнымъ условіямъ, сохраняя одновременно свою самобытность.

Армянинъ въ Закавказьѣ—вся надежда нашего будущаго, въ немъ соединяется интеллигенція и богатство края. Полякъ, въ свою очередь, даетъ превосходныхъ офицеровъ и солдатъ, достойныхъ сподвижниковъ русскихъ.

Хохлы, армяне и поляки обладаютъ качествами, которыя у насъ (русскихъ и нѣмцевъ) имѣются въ меньшей степени, въ общежитіи они пріятны, подчасъ даже гибки, а между тѣмъ эти качества всегда цѣнились людьми при выборѣ окружающихъ и сослуживцевъ.

Кромѣ наградъ солдатамъ, по моему личному усмотрѣнію, главнокомандующій въ своемъ приказѣ пожаловалъ на каждую роту по пяти серебряныхъ георгіевскихъ крестовъ, и роты сами должны были выбрать достойныхъ.

Этотъ старый обычай вознагражденій въ нашей арміи, предоставляющій солдатамъ право указать путемъ общаго избранія на наиболѣе отличавшихся, обычай прекрасный, но, какъ и многія другія теоріи о свободѣ, непримѣнимъ на практикѣ. Избраніе существуетъ по требованію обычая, но оно всегда подчиняется косвенному вліянію ротныхъ и баталіонныхъ командировъ.

Если бы солдатамъ предоставить въ этомъ отношеніи полную свободу, то мы бы увидѣли, что выборъ ихъ останавливался бы не столько на вполнѣ достойныхъ и храбрыхъ, сколько на крикунахъ, состоящихъ въ оппозиціи фельдфебелю; лѣвый элементъ быстро одержалъ бы верхъ, такъ какъ режимъ воинской дисциплины не вырабатываетъ консерватизма и было бы совершенно невозможно справиться съ такимъ лѣвымъ элементомъ, который обладалъ бы всѣми привилегіями, сопряженными съ георгіевскимъ крестомъ.

Вѣрный кавказскимъ обычаямъ, я прежде всего пришелъ на помощь „несчастнымъ“. Съ особымъ удовольствіемъ я сыгралъ въ пользу одного стараго поляка, котораго я зналъ многіе годы и которому никто никогда не приходилъ на помощь. Онъ представлялъ изъ себя одну изъ безвѣстныхъ жертвъ польскаго безумія (1830—31 г.), которое разбило столько жизней, навлекло столько несчастій на многихъ несчастныхъ бѣдняковъ, явившихся козлищами отпущенія настоящихъ виновниковъ.

Погода мѣнялась. Густой туманъ, сырой и холодный, разстилался по вершинамъ занимаемой нами горы, окружая насъ со всѣхъ сторонъ. На слѣдующій день къ нему присоединился дождь и снѣгъ.

Въ походѣ, когда приходится постоянно быть на свѣжемъ воздухѣ, хорошая погода сущая благодать; усталость и тяжелыя лишенія переносишь безъ особаго ропота; не бѣда, если бушуетъ гроза, если холодъ леденитъ члены и, какая бы ни была непогода, она не подкоситъ бодрости, но вотъ, когда исчезнутъ небо и солнце, эти надежда и маякъ солдата, когда лишаешься его свѣта, тогда чувствуешь себя какъ бы заброшеннымъ, представляешь себя всѣми забытымъ, кажется, что и Господь Богъ отъ тебя отвернулся.

Мы во всемъ нуждались; на солдатахъ были только мундиры и полотняныя шаровары и шинели, не было ни палатокъ, ни другихъ какихъ-либо укрытій отъ холода, вѣчной сырости, снѣга, дождя, вѣтра и бури, которая бушевала на этихъ высотахъ, почти лишенныхъ растительности; не было и дровъ, чтобы развести огонь, а мы были на высотѣ 7000 ф. надъ уровнемъ Каспійскаго моря.

Сухари были уже съѣдены еще 5-го числа, и единственной пищей намъ служили крошки сухарей, смѣшанныя съ травой и мохомъ; питьемъ служилъ снѣгъ и вода, просачивающаяся между скалъ, которую солдаты собирали ложками. Продолжительность дурной погоды угрожала прервать всѣ способы сообщенія, лазутчики не могли до насъ добраться и, казалось, еще день и мы уже не были бы въ состояніи ни спуститься съ горы, ни получить никакой помощи, кромѣ того, горцы, хотя и на почтительномъ разстояніи, но не переставали насъ безпокоить. Правда, пули ихъ не приносили намъ вреда, но заставляли насъ держаться постоянно настороже.

Такимъ образомъ прошли дни 7-го и 8-го и часть 9-го. Холодъ увеличивался, снѣгъ покрылъ все кругомъ и, дабы окончательно не замерзнуть, солдаты рыли ямы, въ которыхъ тѣснились по 3 человѣка: одна шинель служила матрацомъ, двѣ другія—одѣяломъ.

Не было слышно ни пѣсенъ, ни криковъ, ни разговоровъ и надъ нами повисло мертвое молчаніе. Молчаніе—самое сильное выраженіе страданія. Человѣкъ, полный достоинства, мужества и рѣшительности, выражаетъ молчаніемъ самое глубокое свое страданіе.

Молчаніе—языкъ существа слабаго и нѣжнаго, разбитаго несчастіемъ, видѣвшаго опущеніе въ могилу его счастья и сохранившаго надежду только на Бога. Могучая натура нашего чуднаго солдата также молчаніемъ отвѣчала на ужасныя, выпавшія ей страданія, выпадавшія ему въ теченіе его продолжительной и трудной боевой и походной службы.

Господь, который видитъ его страданія, навѣрное къ нему будетъ милостивъ въ тотъ день, когда послѣдній разъ на вечернейперекличкѣ онъ отвѣтитъ—„есть“,—въ тотъ день, когда противъ

его имени въ ротномъ спискѣ будетъ отмѣчено — „убитъ или умеръ".

При описаніи всѣхъ нашихъ бѣдствій мнѣ стыдно говорить о себѣ, но я не могу этого избѣжать, такъ какъ судьба офицера неизбѣжно есть часть общей картины походной службы. Мой другъ баронъ Шеппингъ снабдилъ моего казака кое-какой провизіею: чаемъ, сахаромъ и копченымъ языкомъ, и мы этимъ питались. Чтобы развести огонь, пришлось пустить въ дѣло древко ротнаго значка и перекладины ротныхъ носилокъ.

Помнится мнѣ, какъ офицеры моего баталіона угостили меня нѣсколькими ложками овсяной похлебки, и какъ князь Казбекъ далъ мнѣ бутылку кахетинскаго, которая конечно была роспита въ общей компаніи.

Также припоминаю, что во весь день 8-го я выпилъ только одинъ стаканъ чая безъ сахара. Укрывался я только буркой и припоминаю, какъ, при наступленіи ночи, мой вѣрный казакъ Игумновъ ложился на нѣсколько часовъ на мое мѣсто, чтобы хотя немного его обсушить и обогрѣть, послѣ чего я кое-какъ укладывался, и какъ другой молодчина солдатъ моего баталіона съ той же цѣлью ложился на мои ноги. Однако всѣ эти мѣры приносили мнѣ мало пользы, такъ такъ при каждомъ выстрѣлѣ, а они раздавались очень часто, мнѣ приходилось вставать, чтобы встряхнуть людей и вывести ихъ изъ спячки; по возвращеніи мое укромное и столь уютное логовище уже превращалось въ ложе грязи и снѣга.

Наконецъ, послѣ полудня 9-го появилась для нашего снабженія значительная колонна генералъ-лейтенанта князя Бебутова. Велико же было наше счастье!

Колонна прибыла со стороны Мичикале (гдѣ уже были главныя силы), сдѣлавъ большой обходъ.

Благодаря какой-то путаницѣ, въ которой мнѣ такъ и не удалось разобраться, колонна эта, вмѣсто того, чтобы доставить намъ весь нашъ обозъ, доставила намъ обозъ только для трехъ баталіоновъ нашего отряда, принадлежавшихъ къ общей колоннѣ князя Бебутова, а остальные три баталіона (въ томъ числѣ и Куринскій), принадлежавшіе къ общей колоніѣ генерала Лидерса [1]), были такимъ образомъ совершенно забыты.

---

[1]) Произошло это вслѣдствіе того, что въ Мичикале еще 6-го двинутъ былъ, какъ бы въ первомъ эшелонѣ, Дагестанскій отрядъ князя Бебутова, и что только изъ Мичикале возможно было войти въ связь съ Пассекомъ,

Я поднялъ такой шумъ, что мнѣ удалось получить для моихъ людей двухдневную дачу сухарей, полпорціи спирта, по палаткѣ на роту и кромѣ того еще нѣсколько палатокъ для офицеровъ и раненыхъ.

Солдаты умудрились помѣщаться въ одной палаткѣ по сорока человѣкъ.

При подобныхъ условіяхъ снабженія мы провели на „холодной горѣ“ еще двѣ ночи съ 9-ое на 11-ое, и эти ночи были ужаснѣйшими изъ всѣхъ!! Всякое страданіе имѣетъ свой предѣлъ, но мы его перешли. Холодъ все увеличивался; *послѣднюю ночь у насъ замерзло два человѣка*, число больныхъ все возрастало, и въ моемъ баталіонѣ, пострадавшемъ менѣе другихъ, я въ концѣ концовъ имѣлъ *90 человѣкъ больныхъ*, а между тѣмъ извѣстно, что хорошему солдату у насъ совѣстно и стыдно признаться въ своихъ страданіяхъ. На всѣ вопросы они обыкновенно отвѣчали: „ничего, крѣпимся“.

Частенько вспоминаю ихъ, когда приходится крѣпиться.

Ужасный запахъ разложенія нашихъ лошадей, почти всѣхъ павшихъ отъ голода, переполнилъ мѣру нашихъ бѣдствій.

Моя красивая сѣрая кобыла „Жидовка“—самая красивая лошадь во всемъ отрядѣ — погибла для меня: послѣ своего пребыванія на „холодной“ горѣ она уже никогда не могла поправиться.

Наконецъ пробилъ часъ избавленія. Это было 11-го послѣ полудня, въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ, но чудесныхъ въ горахъ дней, какой только я помнилъ; туманъ исчезъ и послѣ шести дней, проведенныхъ во мракѣ ада, мы увидѣли надъ собой голубой сводъ неба, а подъ нами широкую долину, въ глубинѣ которой, словно муравьиныя гнѣзда, ютилось 5 или 6 селеній, о близости которыхъ мы и не подозрѣвали, но мы наблюдали ихъ съ такой высоты, что разглядѣть жителей было невозможно.

Въ командованіи нашимъ отрядомъ генералъ Пассекъ былъ

перешедшимъ 6-го же къ Зунумееру, а потому Бебутовъ 9-го и выслалъ обозы баталіоновъ, бывшихъ въ составѣ его отряда, а другіе баталіоны Пассека, входившіе въ составъ Чеченскаго отряда (какъ и баталіонъ Бенкендорфа) имѣли свои обозы на Киркинскомъ перевалѣ, вблизи Анчимеера, откуда, по мѣстнымъ условіямъ (не говоря уже о снѣгѣ и туманѣ), нельзя было выслать обозъ на Зунумееръ. Конечно, и эти обстоятельства не оправданіе штабу отряда, да и самому графу Воронцову.

Б. К.

замѣненъ генераломъ Лабынцевымъ, получившимъ приказаніе очистить „холодную гору“ и двинуться впередъ, чтобы снова составить авангардъ главныхъ силъ отряда, присоединившагося къ намъ въ полномъ составѣ и бывшаго на пути къ Андійскимъ воротамъ.

Я принялъ командованіе арріергардомъ, въ составѣ 2-хъ баталіоновъ, почему и оставилъ эту проклятую гору послѣднимъ. Немедленно же послѣ насъ ее занялъ непріятель и провожалъ насъ огнемъ, пока мы не спустились въ глубокое дефиле, которое насъ отъ него и закрыло.

Было 9 часовъ вечера, и наступилъ полный мракъ, когда я достигъ съ своимъ арріергардомъ ночлега. Здѣсь, наконецъ, мы нашли весь нашъ обозъ и ваши палатки, о которыхъ напрасно вздыхали мы восемь дней. Я немедленно пошелъ къ палаткѣ генерала Лабынцева, котораго я зналъ уже съ давнихъ поръ.

Лабынцевъ имѣлъ на Кавказѣ одну изъ самыхъ громкихъ боевыхъ репутацій. Это былъ типичный старый пѣхотный офицеръ и столь же типичный россійскій ворчунъ. Въ немъ чувствовался человѣкъ, немало сгибавшійся подъ тяжестью ранца. Вѣчно не въ духѣ, вѣчно занятый критикой, фрондеръ, какіе водятся только у насъ, съ готовымъ всегда на устахъ ругательствомъ, Лабынцевъ являлся блистательнымъ офицеромъ въ день боя, особенно командуя арріергардомъ; это былъ по истинѣ Ней Кавказской арміи. Съ своими преданными кабардинцами, которыми онъ когда-то долго командовалъ, Лабынцевъ пройдетъ всюду и всегда, прорветъ и опрокинетъ всякое сопротивленіе, хотя бы для того, какъ это было съ нимъ въ 1840-мъ году, и пришлось ему, несмотря на свое генеральское званіе, лично стать во главѣ предпринимаемаго имъ удара въ штыки [1]).

Сынъ бѣднаго сельскаго священника, солдатъ съ раннихъ годовъ своей жизни и все время на службѣ на Кавказѣ, Лабынцевъ, безъ малѣйшей протекціи, всѣ свои чины и награды добылъ себѣ исключительно только своими личными заслугами и подвигами храбрости.

---

[1]) Какъ разсказчикъ правдивый и честный, Бенкендорфъ не могъ не отдать должнаго славному *Лабынцеву*, личности очень скромной, но столь же замѣчательной по пониманію дѣла войны и искусному управленію войсками во всѣхъ видахъ боя. Не удивительно, что въ этомъ походѣ онъ критиковалъ и ругался, такъ какъ этотъ первый опытъ графа Воронцова на Кавказѣ, что называется, вышелъ комомъ, и опытные кавказцы естественно негодовали; особенно вызывала критику торопливость и неосмотрительность дѣйствій графа, совершенно чуждаго условіямъ веденія войны и боя на Кавказѣ. *Б. К.*

Будучи еще неизвѣстнымъ подпоручикомъ и командуя слабаго состава ротой 39-го егерскаго полка, Лабынцевъ при штурмѣ Карса въ 1828-мъ году добылъ себѣ офицерскаго Георгія 4-го класса, когда атаковалъ по приказанію своего непосредственнаго начальства, если не сказать—противно приказанію Паскевича [1]).

Въ Россіи нѣтъ никого, кто могъ бы сравниться по отвагѣ съ армейскимъ подпоручикомъ, сознающимъ, что за нимъ только и есть, что его мундиръ, и воображающимъ, что весь міръ готовъ ему подчиниться; беззаботно и весело ставитъ онъ на одну и ту же карту и свое настоящее и будущее.

Россіи вообще свойственъ духъ завоеванія, и въ нашей арміи любятъ приключенія и смѣлыя предпріятія, такъ какъ держатся того мнѣнія, что для успѣха и для удовлетворенія самаго требовательнаго честолюбія достаточно только одной энергической воли, и мы никогда не будемъ имѣть недостатка въ людяхъ дѣла и вообще въ людяхъ рѣшительныхъ [2]).

Лабынцевъ въ этотъ день былъ не въ духѣ болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ „нечѣмъ было закусить“, и я возможно быстро окончилъ свой докладъ.

Я поторопился обойти мои передовые посты, гдѣ все время шла непрерывная пальба. Окончивъ свою провѣрку, я испыталъ чувство, которое можно сравнить развѣ только съ чувствомъ вступленія на берегъ послѣ жестокой бури. Наши палатки были разбиты. Весело сверкали большіе бивачные огни. Котлы дымились, и нашимъ бѣднягамъ-солдатамъ, впервые въ теченіе цѣлыхъ восьми сутокъ, наконецъ, было предоставлено хотя немного отвѣдать горячей пищи.

Прежде всего, по французской пословицѣ — „charité bien ordonné commence par soi même“ [3]), я разскажу о самомъ себѣ. Я неспособенъ припомнить, каковы были тогда, въ этотъ первый день мои ощущенія. Для моего собственнаго удовлетворенія я все же склоненъ думать, что эти первыя ощущенія не были эгоистичны. Такъ или иначе, но и моя палатка была разбита, и я нашелъ въ ней даже то, что съ нѣкоторымъ хвастовствомъ можно было бы назвать постелью, и я могъ наконецъ перемѣнить бѣлье, съ большими усиліями снявъ съ моихъ ногъ совершенно прилипшіе къ нимъ сапоги. Наконецъ, я увидѣлъ на столѣ давно невиданную

---

[1]) Какъ извѣстно, штурмъ этотъ состоялся противно волѣ Паскевича, грозившаго наказаніемъ, въ случаѣ неудачи, всѣмъ ослушникамъ. *Б. К.*

[2]) Глубоко-вѣрное наблюденіе Бенкендорфа, жившаго впечатлѣніями сороковыхъ годовъ на Кавказѣ. *Б. К.*

[3]) „Хорошо исполненное милосердіе начинается съ самого себя“. *Б. К.*

мною роскошь—нѣкое подобіе ужина и вкусилъ нѣсколько часовъ настоящаго отдыха.

Въ походѣ бываютъ минуты драгоцѣнныхъ физическихъ ощущеній.

На войнѣ солдатъ обыкновенно становится матеріалистомъ и, если онъ только не занятъ своимъ самымъ страшнымъ обязательствомъ и дѣломъ, то всѣ его заботы сосредоточиваются или на надеждѣ отдыха, такъ какъ онъ находится постоянно въ состояніи усталости, или же на ѣдѣ, такъ какъ онъ постоянно голоденъ.

Главный отрядъ, съ которымъ мы теперь соединились, прошелъ также немалыя трудности и лишенія. Распустившіяся отъ дождя и снѣга горныя тропы представили для движенія препятствія, одолѣть которыя было по плечу развѣ только кавказскому солдату. Около дюжины плохо обутыхъ и плохо одѣтыхъ черводаровъ [1]) умерли отъ холода.

Сотни павшихъ лошадей усѣяли весь путь слѣдованія отряда.

Снабженіе отряда было совершенно разстроено быстротой марша и продолжительнымъ ненастьемъ, не оставлявшимъ насъ теперь уже до самаго конца кампаніи.

12-го іюня утромъ снова наступили дожди и туманы. Съ разсвѣтомъ назначено выступленіе. Въ распредѣленіи войскъ послѣдовали новыя распоряженія, и мой баталіонъ изъ авангарда переведенъ въ составъ главныхъ силъ съ назначеніемъ, впредь до особаго приказанія, прикрывать артиллерійскій паркъ.

Къ назначенному времени палатки сняты, лошади навьючены имуществомъ и больными, и баталіонъ сталъ „въ ружье“.

Никогда не забыть мнѣ этого дня, глубоко мнѣ памятнаго среди всѣхъ дорогихъ воспоминаній этого похода и памятнаго не по чувству личнаго удовлетворенія, но по чувству почитанія, уваженія и признательности по отношенію человѣка, которому я былъ преданъ во всей той мѣрѣ, на которую я только былъ способенъ.

Мы не видѣли графа Воронцова съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ направилъ насъ на штурмъ горы Анчимееръ.

Сегодня сквозь туманную мглу мы увидѣли группу всадниковъ въ буркахъ и въ башлыкахъ въ предшествіи значка въ сочетаніи бѣлаго съ краснымъ; то былъ самъ главнокомандующій со свитой,

---

[1]) Нанятый для экспедиціи вожатый, съ лошадью и вьюкомъ; обыкновенно этимъ цѣлямъ служили туземцы, нанимаемые съ мѣсячной платой, при чемъ эти черводары уже сами должны заботиться своимъ продовольствіемъ и своей лошади. Въ этомъ бѣдственномъ походѣ черводары очутились въ очень трудномъ положеніи и гибли сотнями. *Б. К.*

направлявшійся къ намъ. Скомандовавъ людямъ „на плечо“, самъ я, въ грязи по щиколку, съ папахой въ одной рукѣ и съ большой палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ въ другой, пошелъ навстрѣчу графу Воронцову.

„Боже мой, въ какомъ видѣ!“ обратился графъ ко мнѣ и бросился мнѣ на шею. Дѣйствительно, мы походили на трупы: блѣдные, истощенные, небритые, въ одеждѣ, утратившей какой-либо цвѣтъ, мы произвели бы оригинальное впечатлѣніе на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ!

Графъ Воронцовъ продвинулъ свою лошадь вплотную къ первой шеренгѣ и обратился къ людямъ со словами благодарности; восторженное, могучее „ура!“ Куринцевъ заглушило голосъ графа. Онъ хотѣлъ продолжать, но слезы его прервали, и онъ только пожималъ мнѣ руки, которыя все это время онъ не выпускалъ изъ своихъ.

Не успѣхъ блестящаго штурма Анчимеера глубоко тронулъ въ эту минуту графа Воронцова, но тронуло его то, что въ эту кампанію мы первые живо напомнили ему его молодость и длинную серію эпизодовъ его боевой службы; мы напомнили ему его бои подъ начальствомъ *князя Циціанова*, *Гулякова*, дѣла подъ *Ганжей* и *Эриванью*, у *Джарскихъ* лезгинъ и въ *Осетіи*, его четыре кампаніи на Дунаѣ и на Балканахъ и эпизоды войнъ 1812, 1813-го и 1814-го годовъ; въ его памяти внезапно воскресъ цѣлый рядъ славныхъ подвиговъ.

Впервые, послѣ длиннаго ряда годовъ отдыха, когда бои служили ему лишь темой для сдержанныхъ и скромныхъ разсказовъ въ его прелестномъ замкѣ въ Алупкѣ, разсказовъ, въ которыхъ онъ скрывалъ свои собственныя заслуги,—война вновь представилась ему въ своихъ потрясающихъ результатахъ и послѣдствіяхъ. Это было пробужденіе его молодости, осенняя пѣснь его жизни солдата.

Всѣмъ намъ сообщилось возбужденіе главнокомандующаго; онъ осыпалъ лестнымъ вниманіемъ и офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и я ему представилъ наиболѣе отличившихся; для каждаго изъ нихъ у него нашлось и доброе слово и похвала.

Эссенъ, котораго я представилъ въ числѣ отличившихся, замѣтилъ мнѣ позднѣе: „спасибо, Ваше Сіятельство, за новаго кунака, онъ мнѣ пригодится“.

Несмотря на дождь и туманъ, люди весело затянули: „Мы дѣти Сѣвера великаго, мы дѣти бѣлаго Царя“.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Тѣ, кто, какъ я, знали близко русскаго солдата, навсегда сохранили къ солдату чувство глубокаго поклоненія, присоединивъ къ этому еще и чувство сильной и нѣжной привязанности.

Сколько разъ вспоминалъ я предсмертныя сожалѣнія одного разставававшагося съ жизнью русскаго офицера, умиравшаго отъ ранъ въ Парижѣ, который, по свидѣтельству присутствовавшаго при этомъ князя Григорія Волконскаго, обратился къ нему въ послѣднюю минуту со словами: „Не видать мнѣ болѣе русскаго солдата! Не слыхать мнѣ болѣе солдатскихъ пѣсенъ!!“

Въ этихъ пѣсняхъ дѣйствительно есть что-то возвышающее и возбуждающее и есть какая-то своеобразная поэзія.

Изучите поближе эти кажущіяся столь инертными войска, и вы найдете въ нихъ великую душу, мощь Геркулеса и, одновременно, простое и нѣжное сердце и улыбку юноши.

Послѣ взятія Ахалцыха, гдѣ особое мужество проявилъ Ширванскій полкъ, понесшій здѣсь громадныя потери, князь Паскевичъ обратился къ нему съ вопросомъ: „много ли осталось еще въ рядахъ полка?“ „Еще хватитъ, Ваше Сіятельство, на два штурма“, отвѣтилъ ширванецъ-гренадеръ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Да! Подобные отвѣты находятся всегда на устахъ каждаго кавказскаго солдата. И этотъ отвѣтъ, кажущійся намъ блестящимъ, для кавказскаго солдата является простымъ и естественнымъ.

И вотъ, эти самые люди, эти богатыри, пламенные и отважные въ дѣлѣ, являются доступными каждому великодушному начинанію: по одному слову довѣрія или побужденію къ славѣ, или во имя двухъ нераздѣльныхъ въ нашихъ старыхъ полкахъ именъ—Бога и Царя, они способны проявить высшую степень великодушнаго самоотверженія; а сейчасъ же послѣ дѣла вы видите этихъ самыхъ солдатъ, принимающихъ свое естественное и невозмутимое спокойствіе, подчиняющихся малѣйшему вашему желанію, высматривающими и предугадывающими ваши желанія и исполняющими ихъ, съ толкомъ и быстротой, не имѣющими себѣ равныхъ въ Европѣ.

Одушевляйте или успокаивайте русскаго солдата, и вы всегда встрѣтите у него полную тому отзывчивость. Дитя и герой сочетаются въ русскомъ солдатѣ.

Онъ хладнокровенъ и непоколебимъ въ страшной игрѣ на жизнь и смерть, а послѣ боя онъ уже добродушно мастеритъ себѣ изъ трехъ дощечекъ водяную мельницу и по цѣлымъ часамъ слѣдитъ за ея работой, или, напримѣръ, на службѣ заставы сторожевой цѣпи, онъ или забавляется смѣшками, или дрожитъ отъ ужаса, слушая сказки ротнаго разсказчика.

Храбрыя и славныя войска, которыми никогда достаточно не нахвалишься!!

Мы слѣдовали довольно хорошей дорогой, только что было исправленной Шамилемъ для провоза своей артиллеріи. Оставивъ вправо горы съ крутыми скатами, мы спустились въ долину примѣрно 2-хъ верстъ длины, гдѣ находился родникъ, вода котораго была испорчена непріятелемъ, завалившимъ ее трупами палыхъ лошадей.

При выходѣ изъ этой долины, гдѣ мы могли слѣдовать сосредоточенно, намъ выпало немало спусковъ и подъемовъ, пока мы достигли наконецъ возвышеннаго плато, которое, такъ сказать, нависло надъ главной долиной Гумбета, долиной глубокой, широкой, единственной обитаемой и возможной для жизни. Прямо противъ себя мы имѣли скалистый и острый гребень горъ, отдѣляющихъ Гумбетъ отъ долины Анди. Онъ отходитъ отъ главнаго хребта и подъ прямымъ угломъ направляется въ долину Андійскаго Койсу. Эту преграду можно перешагнуть только въ одномъ пунктѣ, извѣстномъ подъ именемъ „*Андійскихъ воротъ*“, представляющихъ

узкую тѣснину, глубиной шаговъ въ 800. У нашихъ ногъ лежало большое селеніе Тилитль, куда намъ предстояло спуститься.

Все то, что я теперь описываю, я видѣлъ только впослѣдствіи, такъ какъ наступилъ большой туманъ, закутавшій насъ со всѣхъ сторонъ и оставившій полю нашего зрѣнія лишь только то, что высота, по которой мы слѣдовали, сразу обрывалась внизъ на страшную глубину. Справа высилась отвѣсная стѣна, слѣва — бездонная пропасть; одинъ невѣрный шагъ лошади стоилъ ей смерти; и здѣсь-то спустился весь отрядъ, на что понадобилось 24 часа времени!...

Немыслимо было разсчитывать въ эту кампанію на порядокъ слѣдованія вьючнаго обоза. Я уже имѣлъ на этотъ счетъ печальный опытъ, и такъ какъ у меня на рукахъ было много больныхъ, и всѣ мои люди нуждались въ отдыхѣ, то я, какъ только пришла моя очередь спуститься, самовольно задержалъ всѣхъ вьючныхъ лошадей моего баталіона; безъ этой посредствующей предосторожности и очевидно противно общему плану, я получилъ бы вьючный обозъ не ранѣе завтрашняго дня и, вѣроятно, вовсе лишился бы части его.

На войнѣ, зачастую, приходится, противно всему, заботиться о себѣ самому. Каждая вьючная лошадь имѣла при себѣ шесть человѣкъ конвойныхъ солдатъ: двое придерживали ее спереди и четверо сзади; все сошло прекрасно, и мы ночью имѣли пристанище.

Въ штабѣ отряда не озаботились порядкомъ расположенія войскъ, и я вечеромъ съ трудомъ добился указанія мѣста расположенія моего баталіона, послѣ чего пошелъ къ графу Воронцову. Блуждая этой темной ночью, я, случайно, имѣлъ счастье столкнуться съ его свѣтлостью принцемъ Гессенскимъ, который только-что собирался сѣсть за ужинъ. Я получилъ приглашеніе, и ничто не могло быть болѣе кстати; давно уже не вкушалъ хорошаго стола, и теперь я воздалъ ему должное.

На слѣдующій день войскамъ былъ данъ отдыхъ и, къ счастью, была хорошая погода; было даже жарко. Войска пользовались отдыхомъ и погодой; снявъ одежду, просушивали ее и, наконецъ, получили въ этотъ день горячую мясную пищу.

Первый разъ въ теченіе десяти сутокъ я могъ спокойно провести этотъ день на отдыхѣ и въ пріятномъ мнѣ обществѣ лицъ главной квартиры и даже развеселиться подъ покровительствомъ *Минквица* и *Щербинина* [1]). Но однако не надолго пришлось мнѣ насладиться этими удовольствіями.

---

[1]) Щербининъ состоялъ долго при графѣ Воронцовѣ и составилъ его біографію, представляющую впрочемъ чистый панегирикъ. Дочь Щербинина,

Въ виду принятаго рѣшенія для обезпеченія сообщеній между главными силами и укрѣпленнымъ этапомъ *Кирки* имѣть (на этапахъ) два отдѣльныхъ отряда (какъ гарнизоны этаповъ), для этой послѣдней службы были предназначены части, наиболѣе пострадавшія въ походѣ, а слѣдовательно и прибывшія съ „холодной“ горы. Командуемый мною баталіонъ Куринцевъ вошелъ въ составъ наиболѣе важнаго въ стратегическомъ отношеніи Мичикальскаго отряда, ввѣреннаго полковнику *Ковалевскому*.

Съ большимъ сожалѣніемъ позналъ я необходимость обратнаго возвращенія баталіона, но что можно было возразить противъ этого распоряженія, тѣмъ болѣе, что изъ состава моего баталіона 30 человѣкъ имѣли отмороженныя ноги, изъ коихъ у 15-ти уже начинала обнаруживаться гангрена, и, наконецъ, болѣе сотни пострадавшихъ чиновъ баталіона представляли изъ себя не болѣе какъ инвалидовъ.

Всѣ умы къ этому времени были заняты Андіею, и 14-го іюня было рѣшено форсировать единственный перевалъ въ эту долину, такъ называемыя Андійскія ворота. Полковникъ князь Барятинскій съ командуемымъ имъ 3-мъ баталіономъ кабардинцевъ добился назначенія слѣдовать въ головѣ колонны, назначенной для штурма Андійскихъ воротъ.

Надѣялись, что со взятіемъ этихъ воротъ Андійцы придутъ съ покорностью, и что ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣднія племена.

Главнокомандующій предполагалъ завоеваніе это довершить еще и всѣми средствами того обольщенія, которымъ онъ владѣлъ въ такой высокой степени—тѣмъ неотразимымъ очарованіемъ, помощью котораго онъ обыкновенно завоевывалъ себѣ довѣріе и уваженіе мусульманскихъ народовъ. Но всѣ эти разсчеты ни въ чемъ не оправдались, начиная съ того, что Шамиль не взялъ на себя труда обороны возведенныхъ имъ здѣсь укрѣпленій и уступилъ намъ безъ боя Андію, но уже обращенную въ пустыню и разоренную, а подобное печальное завоеваніе не имѣло уже для насъ значенія. Что касается до Шамиля, то это проявленіе рѣшительности и власти имѣло для него значеніе огромнаго успѣха. Все притихло. Сопротивлявшіеся Шамилю были поражены ужасомъ, и народности Дагестана только еще ниже склонили свои головы передъ каравшимъ

извѣстная красавица, Марья Михайловна, была замужемъ за М. Е. Чиляевымъ, грузиномъ, человѣкомъ весьма образованнымъ и хорошимъ администраторомъ, лицомъ очень извѣстнымъ на Кавказѣ. *Б. К.*

ихъ мечомъ новаго владыки горъ и передъ огнемъ, уничтожавшимъ ихъ жилища.

Андія отъ насъ ускользала: эта истина, столь очевидная теперь, когда мы обнимаемъ вопросъ въ общемъ, и вытекавшая изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, тогда еще не была столь осязательной и не поразила тогда всѣ умы [1]).

Туземцы, служившіе въ отрядѣ [2]), и двое русскихъ [3]), продолжительнымъ опытомъ изучившіе войну на Кавказѣ и горцевъ, только одни понимали все значеніе этого событія, да, одновременно, еще небольшая часть чиновъ главной квартиры усматривали въ этомъ событіи печальное предзнаменованіе [4]). Большинство же ничего въ этомъ не видѣло или не желало видѣть.

Что касается до нижнихъ чиновъ, то беззаботные солдатики желали только подраться, да позабавиться, и такъ какъ до сихъ поръ не было ни кровавыхъ, ни трудныхъ дѣлъ, то всѣ они жаждали только боя. Докучали насъ только лишенія, тѣмъ болѣе, что стало извѣстнымъ, что Андія лишена всѣхъ средствъ довольствія.

Нѣкоторые даже завидовали моему выступленію: „тамъ“, говорили они, „вы ни въ чемъ не будете нуждаться, тамъ найдете вы все, что нужно для жизни и для благополучія“. А извѣстно ли вамъ (читатель), что подразумѣвается на Кавказѣ подъ выраженіемъ: „рѣшительно все, нужное для жизни?“ Хорошая вода, пастбище и дрова—вотъ и все, что нужно для жизни.

Таковы были тѣ прелести, которыя меня ожидали, и предстоящее пользованіе которыми мною вызывало столько зависти. Для насъ, лишенныхъ всего этого столь продолжительное время, въ сущности, это было дѣйствительно хорошо.

---

[1]) Что только еще разъ доказываетъ, какъ невѣрны и эфемерны были разсчеты и соображенія Петербурга, которые долго раздѣлялъ Воронцовъ, противно мнѣнію кавказскихъ генераловъ, о чемъ самъ Воронцовъ писалъ военному министру графу Чернышеву отъ 25-го мая изъ Ташъ-кичу: „Если бы даже приказаніе наступать было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ всѣ здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но признаюсь откровенно, что я тоже стою за наступленіе“. *Б. К.*

[2]) Во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить князей: Василія Осиповича *Бебутова*, Григорія *Эристова* и Левана *Меликова*, Илью Орбеліани и Александра Эристова. *Б. К.*

[3]) Вѣроятно, Лабынцевъ и Ковалевскій. *Б. К.*

[4]) Преимущественно, конечно, кавказскихъ офицеровъ, т. е. уже послужившихъ на Кавказѣ.

14-го утромъ главный отрядъ занялъ Андійскія ворота, перешагнулъ ихъ и занялъ противолежащую долину. Авангардъ безъ выстрѣла занялъ главное селеніе, въ данное время разрушенное и поспѣшно очищенное противникомъ.

Шамиль присутствовалъ лично при занятіи нами селенія, и его полчища занимали высоты, противоположныя только-что пройденнымъ нашими войсками. Вслѣдъ за этимъ прошло одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ этого похода [1]).

Полковникъ князь Барятинскій [2]) съ двумя первыми ротами командуемаго имъ баталіона, шедшими въ головѣ авангарда, безостановочно преслѣдуя противника, съ невѣроятной отвагой атаковалъ эти самыя высоты, хорошо охраняемыя и стойко обороняемыя. Постепенно атакуя террасу за террасой, онъ взобрался съ своими кабардинцами-егерями, наконецъ, на высоту подъ непрестаннымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Противникъ нѣсколько разъ пытался остановить это наступленіе, но не выдержалъ этого смѣлаго удара; Барятинскій, опрокидывая всѣ препятствія, продолжалъ свое движеніе, отовсюду выбивая лезгинъ и вынуждая ихъ къ отступленію.

Усиленный Грузинской милиціею [3]), князь Барятинскій штурмовалъ вершину высоты, съ которой горцы едва только успѣли свезти свои орудія.

Вся главная квартира приняла участіе въ концѣ этого славнаго боя.

Принцъ Александръ Гессенскій, рыцарскому мужеству котораго пришлось впослѣдстіи подвергнуться еще болѣе сильному испытанію, принялъ здѣсь впервые участіе въ бою при живомъ одобреніи цѣлаго отряда, раздѣлить участіе въ работѣ котораго онъ пріѣхалъ изъ столь далека, и который за его манеру держать себя среди насъ платилъ ему почетомъ, уваженіемъ и благодарностью.

Графъ Воронцовъ прискакалъ въ карьеръ къ этой горсти удальцевъ, которыхъ привела къ этимъ отличіямъ блестящая храбрость ихъ командира [4]).

---

[1]) Блестящихъ съ внѣшней стороны, гдѣ преднамѣренно былъ данъ случай отличиться флигель-адъютанту князю Барятинскому, но потери не оправдывали результатовъ.

[2]) Будущій фельдмаршалъ.

[3]) Барятинскій, щеголяя своей личной храбростью и въ своей жаждѣ отличій, что называется, зарвался, не подождавъ присоединенія остальныхъ частей авангарда, и безполезно подвергъ свои двѣ роты героевъ чувствительнымъ потерямъ; грузины понесли здѣсь также достаточныя потери.

[4]) Не отрицая всего значенія личной храбрости князя Барятинскаго, тѣмъ не менѣе, это наступленіе 2-хъ ротъ кабардинцевъ, не выжидая остальныхъ войскъ, было неблагоразумно и повело къ напраснымъ и тяжелымъ потерямъ въ рядахъ этихъ безцѣнныхъ ротъ славнаго полка.

Проѣзжая черезъ селеніе, графъ навѣстилъ раненыхъ.

Кабардинцы, все еще находясь въ боевомъ возбужденіи, не переставали кричать: „А вѣдь мы стоимъ Куринцевъ!“ [1]).

Одинъ бѣдняга, съ разбитой ногой, на вонросъ графа Воронцова—какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „Я-то что,—пустяки, а меня безпокоитъ рана полковника князя Барятинскаго“.

Таково у нашихъ солдатъ упоеніе побѣдой; таковъ избытокъ любви его къ начальнику, который его понимаетъ и умѣетъ его вести; весело забываетъ онъ и свои страданія, и свои лишенія.

Разъ я заговорилъ о солдатѣ, я считаю долгомъ выразить ему всю мою благодарность и привести здѣсь глубоко и навсегда запечатлѣвшуюся въ моемъ сердцѣ черту его великодушія.

Это было 19-го іюля [2]). Насъ было четверо раненыхъ штабъ-офицеровъ и насъ несли на носилкахъ во главѣ подобнаго же многочисленнаго и скорбнаго транспорта [3]). Двигаясь въ густомъ лѣсу и прибывъ къ повороту дороги, мы были встрѣчены залпомъ справа, съ высотъ, не занятыхъ нашей правой цѣпью; мгновенно все шествіе остановилось. Первый изъ насъ полковникъ *Бибиковъ* (командиръ Навагинскаго полка) получилъ пулю въ грудь, отъ которой вскорѣ скончался. Меня несли егеря моего баталіона; приставленный ко мнѣ унтеръ-офицеръ, ни слова мнѣ не сказавъ, лишь слегка кивнулъ людямъ головой въ сторону меня и непріятеля, что отъ меня не ускользнуло. Сейчасъ же одинъ карабинеръ съ Георгіемъ на груди (какъ сейчасъ вижу его воинственную фигуру) гордо выпрямился, расправилъ свою грудь и мужественно сталъ между мной и угрожавшей мнѣ опасностью и съ видомъ человѣка, бросающаго вызовъ.

Я находился въ состояніи полной слабости и полной неспособности что-либо видѣть и чувствовать, но я думаю, что я былъ тронутъ до слезъ.

Въ эту минуту я уже не былъ внушавшимъ страхъ и уваженіе начальникомъ, и мой голосъ, какъ это принято на Кавказѣ, уже не служилъ для солдатъ сигналомъ; я представлялъ изъ себя ни болѣе,

---

[1]) Здѣсь кабардинцы соревновали съ своими кунаками куринцами, отличавшимися, какъ это уже было здѣсь разсказано, при штурмѣ горы Анчимееръ подъ общимъ начальствомъ генерала Пассека. Полки эти считались лучшими во всей Кавказской арміи и не имѣли себѣ равныхъ.

[2]) Значительно позднѣе описываемаго и уже по отступленіи отряда черезъ Чечню къ Герзель-аулу.

[3]) Кромѣ Бенкендорфа, еще полковникъ *Бибиковъ* (здѣсь убитый), полковникъ *Завальевскій* и графъ *Стенбокъ-Ферморъ*.

ни менѣе, какъ жалкаго калѣку. Глубоко тронули меня эти лично ко мнѣ относившіяся заботы этихъ молодцовъ.

Что можетъ быть краснорѣчивѣе и болѣе говорить сердцу, какъ это простое, искренное и нѣмое самоотверженіе солдата, выставляющаго за васъ свою жизнь, не высказывая и сомнѣній, что это жертва, которую онъ вамъ приноситъ...

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Въ то время, когда всѣ эти событія происходили въ Андіи, откуда до насъ доходила дальняя канонада, наша колонна больныхъ и раненыхъ приняла противоположное направленіе и съ усиліемъ подымалась по той самой дорогѣ, по которой мы нѣсколько дней тому назадъ спускались.

Поднявшись на вершину плато, мы снова очутились въ облакахъ. Нашъ печальный транспортъ подвигался съ трудомъ. Несчастные больные безпрестанно соскальзывали съ вьюковъ, чѣмъ и задерживали движеніе.

Я открывалъ все шествіе, и мнѣ стоило много труда не сбиться съ дороги, до того былъ густъ туманъ, и чтобы оріентироваться, я поминутно высылалъ людей, вправо и влѣво. Лучшими указателями пути были трупы павшихъ лошадей, попадавшихся на каждомъ шагу и свидѣтельствовавшихъ о нашемъ здѣсь первомъ прохожденіи. Иногда попадались и тѣла нашихъ убитыхъ и умершихъ, вытащенныхъ непріятелемъ изъ могилъ и подло имъ поруганныхъ; я приказывалъ тогда предать ихъ вновь землѣ.

Ничто не можетъ быть ужаснѣе смерти, передъ лицомъ которой всѣ утѣшенія мало говорятъ сердцу и разуму. Особенно сильно поддаются тяжелому впечатлѣнію молодые солдаты: и вотъ вчерашняго товарища по палаткѣ, вчера еще друга, онъ находитъ здѣсь, звѣрски поруганнымъ и брошеннымъ на съѣденіе коршунамъ и шакаламъ, что онъ невольно пріурочиваетъ и къ себѣ.

Вообще, ничего нѣтъ ужаснѣе происходящаго въ тылу арміи, чего и не подозрѣваешь, пока идешь впередъ.

День кончился. Полковникъ Ковалевскій приказалъ мнѣ выбрать на ночь позицію. Ничего не было видно; тутъ, къ счастью, пригодилась моя способность запоминать мѣстность. Я скорѣе угадалъ, чѣмъ увидѣлъ отдѣльное плато, на которомъ мы ночевали 11-го; здѣсь мы разбили палатки.

На другой день погода улучшилась; было чудесно, даже жарко. Мы перешли цѣпь горъ, раздѣляющую насъ отъ Мичи-Кале, и спустились въ долину Акташа, длиной около 8-ми верстъ, до того мѣста, гдѣ дорога послѣдній разъ пересѣкаетъ эту рѣчку; тамъ-то и было указано намъ расположиться. Берега рѣки были очень круты

и переходить ее съ нашими больными было и очень трудно, и очень опасно. Непріятель показался справа, но не очень насъ безпокоилъ, насѣвъ лишь на нашъ арріергардъ.

Совершивъ переходъ, нашъ полковникъ расположилъ нашъ лагерь на двухъ высотахъ, соединенныхъ между собой сѣдловиной и достаточно внѣ сферы непріятельскаго огня съ сосѣднихъ горъ.

Мы расположились со всѣми удобствами, какъ люди, устраивающіеся на новой квартирѣ, что было первый разъ со времени веденія нами цыганскаго образа жизни. Мы нашли хорошую питьевую воду и въ изобиліи дрова, но для лошадей и для 40 штукъ рогатаго скота, назначеннаго въ пищу солдатамъ, у насъ были очень плохія пастбища, да еще удаленныя отъ лагеря.

Все пространство кругомъ насъ было черно, такъ какъ войска, подобно саранчѣ, все пожираютъ на своемъ пути, оставляя за собой пустыню.

Чтобы передать въ центральный Киркинскій госпиталь всѣхъ тѣхъ многихъ, порученныхъ намъ, больныхъ, Ковалевскій долженъ былъ войти въ сношенія съ генералъ-маіоромъ *Кудашевымъ*, командовавшимъ этапомъ-лагеремъ въ Киркѣ.

Я принялъ участіе въ этой операціи, совершенной нами 16 іюня.

Ковалевскій—достойный офицеръ:—очень храбрый, очень энергичный, большая умница и обладаетъ опытомъ кавказской войны. Онъ много изучалъ Кавказъ, служилъ на Кавказѣ около 15-ти лѣтъ, съ отличіемъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, но испыталъ судьбу многихъ своихъ товарищей, въ особенности—служившихъ колоновожатыми и руководителями нашихъ отрядовъ въ Дагестанѣ; одиночество слишкомъ возвеличивало ихъ въ ихъ собственномъ мнѣніи, и они кончали вѣрой въ непогрѣшимость своихъ мнѣній, никогда и никѣмъ не оспариваемыхъ и не контролируемыхъ, ибо въ большинствѣ случаевъ они окружены людьми съ меньшими познаніями.

Ковалевскій былъ именно такимъ человѣкомъ, типичнымъ представителемъ такого рода характеровъ; онъ сомнѣвался во всѣхъ, въ себѣ—никогда.

Онъ былъ одержимъ той чисто кавказской болѣзнью, которая выражается въ порицаніи и осужденіи всякаго начальника, какимъ бы онъ ни былъ, единственно только потому, что онъ—начальникъ [1]). Про

---

[1]) Умница, знающій вообще, и Кавказъ въ частности, Ковалевскій вѣроятно не стѣснялся осуждать передъ Бенкендорфомъ всю эту нелѣпую экспедицію 1845 года вообще и отдѣльные ея эпизоды, и доставалось вѣро-

Ковалевскаго часто говорили, что съ нимъ нельзя столковаться. Я нахожу это несправедливымъ, и я самъ—лучшее тому доказательство: подъ его начальствомъ можно прекрасно служить и, послѣ долгихъ съ нимъ 12-ти дней, мы разстались друзьями. Но долженъ сознаться, что, какъ начальникъ, онъ таки довольно крутъ; я лично не боялся его обидѣть моими осужденіями, ибо такое обращеніе ему по душѣ, и если эти строки попадутся когда-либо ему на глаза, то онъ, смѣясь, согласится съ этимъ и, помахивая по обыкновенію трубкой, скажетъ: „а вѣдь Бенкендорфъ правъ!“ Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Кавказъ оторвалъ отъ семейной жизни, и которые будутъ доживать свой вѣкъ, пока лихорадка или вражеская пуля не положитъ конецъ ихъ карьерѣ, такъ какъ на Кавказѣ никто не умираетъ своею смертью. Если, несмотря на его недостатки, пользоваться имъ умѣло, то онъ могъ бы оказать намъ большія услуги, и потому я надѣюсь долго еще видѣть его орудующимъ въ Дагестанѣ съ неизмѣнными—компасомъ въ одномъ карманѣ и пѣснями Беранже, въ качествѣ молитвенника, въ другомъ [1]).

Страна, подобная Кавказу, гдѣ мѣсто, занимаемое человѣкомъ—ничто, а самъ человѣкъ—все, страна, въ которой, если для успѣха движенія не хватаетъ общаго импульса, то на помощь является добровольное и просвѣщенное содѣйствіе цѣлой плеяды личностей, управленіе которыхъ (веденіе которыми дѣла) не поддается никакой заранѣе данной имъ инструкціи; такая страна, повторяю я, облагораживаетъ человѣка, отдавшагося ей душой и тѣломъ, принимая конечно во вниманіе занимаемое имъ положеніе и соотвѣтственно оказываемое ему довѣріе [2]). Разъ онъ на этомъ пути, то онъ можетъ

ятно и графу Воронцову, и Лидерсу, и Гурко, и всему многочисленному штабу и свитѣ Воронцова, и всѣ эти осужденія, вдобавокъ, сыпались въ рѣзкой формѣ, что не могло особенно нравиться сдержанному и воспитанному Бенкендорфу. *Б. К.*

[1]) Превосходная, полная правды и жизни, мѣткая характеристика этого также выдающагося дѣятеля кавказской войны, павшаго въ 1854 году смертью храбрыхъ при штурмѣ Карса. *Б. К.*

[2]) Превосходная, вѣрная и весьма интересная характеристика условій военно-административной службы лучшихъ русскихъ людей на Кавказѣ, условій естественныхъ, вытекающихъ, такъ сказать, изъ природы вещей. Въ самомъ дѣлѣ, обстановка военно-административной и чисто-военной службы на Кавказѣ въ тѣ времена была такова, что только самостоятельное и независимое отношеніе къ дѣлу, полное находчивости и рѣшительности, обезпечивало успѣхъ этого живого дѣла войны и умиротворенія кавказскихъ народностей. Здѣсь-то и вырабатывалась та безцѣнная нрав-

иногда зарываться, и самолюбіе его можетъ быть безгранично. Но стоитъ ли ради этого останавливать его въ его благородной и полезной дѣятельности?!

Зачѣмъ лишать себя этого неоцѣненнаго сокровища—„Кавказа“, который суть никто другой, какъ тотъ же русскій, передѣланный Кавказомъ! [1]) Во имя общаго блага и принимая во вниманіе его достоинства, будемъ сносить его гордость и независимость его характера; вѣдь безъ него на Кавказѣ ничего не будетъ сдѣлано такого, что бы стоило Кавказа!!

Правда, кавказцевъ много упрекаютъ въ томъ, что они составляютъ какъ бы особую партію или союзъ; да, это союзъ, но союзъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, союзъ уважаемый и благотворный, такъ какъ основаніемъ его является глубокое знаніе края и любовь къ нему всего того же края [2]).

Изъ 6-ти ротъ, сопровождавшихъ нашъ транспортъ, одна рота Куринскаго и одна Апшеронскаго полковъ были оставлены въ Мичи-Кале для обезпеченія лагеря. По возвращеніи нашемъ 17-го, мы застали здѣсь все въ возбужденіи, хотя непріятель и не показывался, а все смятеніе было вызвано коровой, Богъ знаетъ откуда явившейся. Началось съ того, что солдаты обоихъ полковъ открыли по ней охоту, потомъ стали спорить о дѣлежѣ.

Тотъ, кто никогда не ѣдалъ „*барантъ*“ [3]), не пойметъ всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обѣ щеки чужое добро, и не пойметъ также, до чего это мясо вкусно и насколько оно питательно и вообще—лучше продаваемаго мясникомъ и только потому, что за него ничего не заплачено. На Кавказѣ разбойничество—что называется—носится въ воздухѣ, имъ упиваются, и существуетъ особая любовь жить воровствомъ. Можетъ ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вноситъ разнообразіе въ монотонную выдачу однихъ только гнилыхъ сухарей отъ интендантскаго чиновника! Тамъ, гдѣ война есть

ственная самостоятельность отдѣльныхъ лицъ и массы, въ которой и заключается ключъ къ успѣху во всякаго рода практическихъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ практическомъ и живомъ дѣлѣ, какъ война, да еще и народная. *Б. Колюбакинъ.*

[1]) А сколько было на Кавказѣ такихъ дѣятелей, взросшихъ въ атмосферѣ нравственной самостоятельности въ живомъ дѣлѣ вѣчной войны, требующемъ независимость, сметку и рѣшительность?!. *Б. К.*

[2]) Союзъ этотъ былъ обширный и составилъ кадры той арміи, которая покорила Кавказъ и которая такъ рѣзко отличалась отъ войскъ Имперіи. *Б. К.*

[3]) Скотъ, отбитый у непріятеля,—рогатый и овцы.

обыденное и непрерывное занятіе, въ войскахъ очень легко возникаютъ драки, и то же самое происходитъ и между кавказскими полками, настолько же чуждыми одинъ другому, настолько же склонными къ зависти и даже къ ненависти другъ къ другу, насколько подобное отношеніе естественно между жителями сосѣднихъ долинъ. Съ одной стороны пускаются въ ходъ штыки, съ другой—приклады, и въ обѣихъ частяхъ, какъ это обыкновенно водится, офицеры стоятъ за своихъ людей.

Служба на Кавказѣ обособляетъ жизнь частей, она ограничивается узкой сферой интересовъ, и всѣ тѣ общія связи, которыя связываютъ полкъ съ общимъ отечествомъ, порываются до такой степени, что люди почти забываютъ, что они служатъ одному общему дѣлу.

Такъ и здѣсь, въ Мичи-Кале, не появись во-время Ковалевскій, быть бы междуусобной дракѣ. Очевидно былъ виноватъ мой *Эссенъ*, командиръ Куринской роты, который, какъ младшій въ чинѣ, долженъ былъ слушаться *Евдокимова* [1]), командира Апшеронской роты. Но могъ ли Куринецъ подчиниться Апшеронцу, не краснѣя, не унижаясь, не признавая себя виновнымъ?! Могъ ли Эссенъ подчиниться, онъ, который всецѣло принадлежитъ полку—своей единственной родинѣ, онъ, который считаетъ за честь раздѣлять всѣ полковыя симпатіи и антипатіи?! Между тѣмъ, между Куринцами и Апшеронцами издавна существовала вражда.

Одни изъ нихъ получаютъ большее, другіе меньшее содержаніе, одни—дерутся все время съ лезгинами, другіе—съ чеченцами, одни—все время ведутъ войну въ горахъ, другіе—въ лѣсахъ, одни, наконецъ, носятъ красный околышъ и бѣлую портупею, другіе—темнозеленый околышъ и черную портупею; какъ же имъ при такихъ условіяхъ не ненавидѣть другъ друга?!.

Однажды, въ одномъ селеніи, въ базарный день, возникла ссора между Чеченцами и Апшеронцами; Куринцы непреминули принять въ ней серьезное участіе. Но кому пришли они на помощь? Конечно,—не Апшеронцамъ!

„Какъ намъ не защищать Чеченцевъ“, говорили Куринскіе солдаты, „они наши братья, вотъ ужъ 20 лѣтъ, какъ мы съ ними деремся“!...

На Кавказѣ полкъ никогда не мѣняетъ мѣста своей стоянки; основаніемъ своей постоянной штабъ-квартиры онъ упрочиваетъ покореніе и безопасность края и бросаетъ эти постоянныя штабъ-

[1]) Родной братъ извѣстнаго впослѣдствіи Николая Ивановича.

квартиры только для новыхъ завоеваній, которыя опять-таки только такимъ способомъ онъ и можетъ упрочить.

Каждый изъ нашихъ полковъ представляетъ такимъ образомъ какъ бы воинственное племя, пустившее корни въ занимаемой имъ мѣстности; каждый полкъ въ извѣстной степени ассимилируется съ мѣстностью, моральное вліяніе которой даетъ характеру солдатъ извѣстную окраску, измѣняя даже его языкъ.

Полкъ служитъ не исключительно только цѣлямъ чисто военнымъ, т. е. оборонѣ и покоренію края, нѣтъ, онъ вноситъ въ страну возрожденіе, свѣтъ, прогрессъ и обрусѣніе.

Если мѣсто штабъ-квартиры выбрано удачно, то городокъ этой русской колоніи составляетъ центръ всего края, который до сихъ поръ не имѣлъ такового.

Каждый полкъ составляетъ конгломератъ (учрежденій), строитъ церкви, содержитъ госпиталя, магазины, школы, притягиваетъ къ себѣ купцовъ, поставщиковъ, открываетъ цѣлую сѣть разнаго рода производствъ, открываетъ новые пути сообщеній, разрабатываетъ лѣса и пустыни и для достиженія всѣхъ этихъ прекрасныхъ результатовъ онъ ищетъ въ самомъ себѣ средства и способы существованія, ибо онъ очень скоро погибъ бы, если бы не былъ обязанъ самому себѣ, что впрочемъ не такъ уже и трудно, благодаря смышленности и способности нашихъ солдатъ.

Каждый разъ, когда устраивается новый полкъ, то это событіе, для жившихъ доселѣ уединенно и безъ связи съ внѣшнимъ міромъ, является по истинѣ пріятной неожиданностью, — интересной новостью.

Изъ всего сказаннаго видны все то значеніе и вся та польза для туземнаго и русскаго элементовъ, которыя проистекаютъ изъ единства управленія, т. е. — единства гражданскаго и военнаго управленій, установленныхъ на Кавказѣ.

Наши полки въ Закавказьѣ много утратили этого цивилизаторскаго элемента введеніемъ тамъ новаго порядка вещей, но на Кавказской линіи и въ Дагестанѣ ничто не измѣнилось въ этомъ отношеніи, и оно таково, каковымъ его требовалъ Ермоловъ, первый изъ нашихъ генераловъ, оцѣнившій это вліяніе въ должной степени. Отсюда видна та роль, которую обстоятельства налагаютъ на того, кто назначенъ командовать полкомъ, и та осторожность, какую надо проявлять при назначеніяхъ, въ чемъ нужно тѣмъ болѣе мудрости, что на Кавказѣ командиръ полка въ сферѣ своей дѣятельности не подлежитъ контролю.

Случается, что безупречный на инспекторскомъ смотру командиръ совершенно не годенъ ни для края, ни для полка, другой же

командиръ, у котораго на смотру нашлись непорядки, — превосходенъ.

Послѣ многихъ заблужденій, наши военныя власти рѣшились наконецъ не провѣрять управленія полковыхъ командировъ, сознавая, что нужно только умѣть выбирать людей, но въ этомъ-то и заключается вся трудность: большинство баталіонныхъ командиромъ (боевыхъ), составившихъ себѣ имя на Кавказѣ, рѣдко бываютъ на высотѣ такого отвѣтственнаго командованія; туземцы, столь многочисленные въ нашихъ войскахъ, еще менѣе тому пригодны; но самое худшее назначеніе—это офицеровъ безъ всякаго прошлаго и прямо изъ образцоваго полка. *Командиры изъ образцового полка* понимаютъ службу только въ одномъ видѣ, съ формальной стороны, да и то толкуютъ ее вкривь и вкось; *для войскъ эти господа— сущее бѣдствіе, язва* [1]).

Для хорошаго командира полка на Кавказѣ требуется человѣкъ просвѣщенный, съ взглядами широкими, благородный и доброжелательный, преданный краю и дѣлу, которому онъ призванъ.

Лучшіе полковые командиры, которыхъ мы имѣемъ, почти всѣ офицеры Генеральнаго Штаба.

Возвращаюсь къ *Эссену*: онъ былъ немедленно посаженъ подъ арестъ. *Ковалевскій* хотѣлъ было выслать его изъ отряда и предать его полевому суду, чего онъ конечно заслуживалъ, но я заступился за него. *Въ нашихъ кавказскихъ войскахъ почти никогда не проявляютъ строгости.*

По существу Эссенъ былъ хорошій офицеръ, а ротнаго командира нелегко замѣнить въ кампаніи, а затѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эта страна дикарей не можетъ не вліять на общую дикость нравовъ.

Я вернулъ Эссену шашку только наканунѣ выступленія изъ Мичикале. Стараясь не подчиняться авторитету его сѣдины, я ему долго говорилъ о неприличіи его поступка; онъ поклялся мнѣ, что

---

[1]) Какъ хорошо подчеркнулъ честный и боевой Бенкендорфъ это бѣдствіе отъ „образцовыхъ командировъ“, что еще болѣе справедливо для Имперіи, гдѣ въ это т. наз. „Николаевское время“ только „образцовые“ и шли впередъ. На этихъ-то изъ „образцовыхъ“—бригадныхъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ и возлагали мы надежды въ восточную войну 1853—1856 гг., и кампанія и вышла „образцовой“. Только Кавказская армія двигала людей другого сорта, и одна только она и порадовала Россію въ эту войну. Прошло 70 лѣтъ, а образцовые остались, принявъ только какъ бы болѣе полевой видъ, но и полевой-то видъ болѣе съ формальной стороны. *Б. К.*

съумѣетъ себя побороть, что ничего подобнаго не повторится въ будущемъ, и что онъ сдѣлаетъ все, чтобы мнѣ угодить. Никогда я не былъ такъ доволенъ собою,—такъ я былъ краснорѣчивъ и убѣдителенъ. Въ самомъ дѣлѣ я могъ себя поздравить, такъ какъ, уходя, Эссенъ объявилъ мнѣ самымъ скромнымъ образомъ: „во всемъ буду повиноваться, но объ одномъ только прошу, если попадется Апшеронецъ ночью, наединѣ, такъ, чтобы никто не видалъ, то позвольте его задушить“ [1]).

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) О томъ же Эссенѣ князь Дондуковъ-Корсаковъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Въ 1847 году, въ чинѣ капитана, по старости лѣтъ Эссенъ былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ въ укрѣпленіе *Умаханъ-юртъ* на правомъ берегу Сунжи; на лѣвомъ берегу находился большой мирный чеченскій аулъ *Брагуны*. По распоряженію начальника лѣваго крыла Кавказской арміи, въ то время извѣстнаго генерала Фрейтага, предписано было Эссену распорядиться о скорѣйшей перевозкѣ казеннаго провіанта въ склады Умаханъ-юрта.

Перевозку эту взяли на себя мирные брагунцы и на паромѣ переправляли въ укрѣпленіе черезъ Сунжу провіантъ. Эссенъ, куря трубку, сидѣлъ на батареѣ, командующей переправою, и все ругался за медленность доставки и, наконецъ, раздосадованный на паромщиковъ и чеченцевъ, приказалъ зарядить орудіе картечью и выстрѣлить на паромъ въ толпу брагунцевъ. Нѣсколько человѣкъ было ранено, трое убито, но зато провіантъ былъ переправленъ съ неимовѣрной скоростью. Эссенъ доносилъ Фрейтагу о происшествіи въ слѣдующихъ словахъ: „переправа и доставка провіанта производилась крайне медленно, по благодаря благоразумнымъ мѣрамъ кротости, я побудилъ брагунцевъ скорѣе исполнить распоряженіе Вашего Превосходительства, и весь провіантъ доставленъ въ укрѣпленіе въ цѣлости“.

Никто бы не думалъ жаловаться, если бы Эссенъ не приказалъ взять въ укрѣпленіе тѣла убитыхъ и запретилъ ихъ выдавать родственникамъ. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ похвалилъ Эссена за распорядительность, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ явилась депутація старшинъ брагунцевъ въ Грозную съ просьбой разрѣшить выдачу тѣлъ родственникамъ. Тутъ все открылось. Эссенъ былъ смѣненъ и потомъ подалъ въ отставку. Разсказъ слышалъ я отъ самого Фрейтага, прибывъ въ Грозную, вскорѣ послѣ означеннаго происшествія“.

Б. Кол-ъ.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года.

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Съ 17-го мы почти не двигались изъ нашего лагеря. Санитарное состояніе войскъ съ каждымъ днемъ становилось печальнѣе: войска начали страдать отъ перенесенныхъ ими на „холодной горѣ“ лишеній, случаи диссентеріи участились, и наши ноги, размягченныя отдыхомъ и теплomъ, начали пухнуть отъ прежнихъ сыростей и морозовъ.

Больше половины моего баталіона прошло черезъ эти новыя и мучительныя испытанія; по всему лагерю только и были видны несчастные люди, которые со стономъ влачились на четверенькахъ, не будучи въ состояніи стоять на своихъ отмороженныхъ, покрытыхъ нарывами ногахъ.

Я имѣлъ также свою долю страданій. Правда, у насъ были доктора, но аптека не была достаточно оборудована для столькихъ несчастныхъ и вмѣсто лекарства имъ прикладывали только коровій калъ.

Покоемъ и хорошей пищей надѣялись мы замѣнить лекарства. Каждый солдатъ получалъ свѣжее мясо и приправой къ супу служилъ дикій цикорій (способствующій очищенію крови), который мы находили и собирали въ изобиліи. Каждый день мы высылали незначительные отряды, вооруженные и обезпеченные отъ всякой опасности, для изслѣдованія мѣстности и сбора этого драгоцѣннаго растенія.

21-го у насъ въ лагерѣ была тревога, вызванная дальней канонадой. Оказалось, что было дѣло у кн. Бебутова, слѣдовавшаго со вторымъ транспортомъ изъ Андіи. Конный непріятельскій отрядъ Хаджи-Мурата, воспользовавшись густымъ туманомъ, незамѣтно

приблизился и бросился на часть колонны, которая шла въ безпорядкѣ. Одно время самъ генералъ былъ въ опасности. 30 человѣкъ нашихъ, по большей части больныхъ, были изрублены, и непріятель отошелъ, потерявъ 10 человѣкъ своихъ [1]).

Отъ этой колонны мы получили первыя извѣстія изъ Андіи. При этой колоннѣ находился гробъ поручика *Маевскаго*, моего товарища по Пажескому корпусу. Между пажами онъ выдѣлялся свѣтлой и умной головой, многообѣщающими способностями; оставайся въ живыхъ, онъ бы выдѣлился на Кавказѣ. Какъ многіе другіе, Маевскій былъ преданъ душой и тѣломъ Кавказу, бывшему для него единой надеждой, но наступила смерть. Смерть!.. Всегда смерть!.. На Кавказѣ она—направо и налѣво, спереди и сзади; пуля, вамъ предначертанная, поражаетъ васъ въ бою, также во время сна, снарядъ поражаетъ васъ за столомъ, со стаканомъ въ рукѣ, также, какъ и во время приступа. „Смерть завсегда подлѣ ходитъ“, какъ говорятъ казаки.

Спасаетъ васъ обыкновенно рядъ незначительныхъ случайностей, но въ тотъ день—эта счастливая случайность замедлитъ; когда этой случайности нѣтъ въ данную минуту, то смерть мгновенно уноситъ свою добычу. Называя это обстоятельство случаемъ, я знаю, что я неправильно обозначаю испытываемое чувство, но на Кавказѣ, гдѣ такъ сильна вѣра въ предопредѣленіе, невозможно отрѣшиться отъ извѣстной доли фатализма.

Фатализмъ отвѣчаетъ этимъ человѣческимъ массамъ, живущимъ бо̀льшей частью интересами минуты; онъ исключаетъ всѣ другія мысли и заботы и не одному солдату помѣшалъ онъ отступить передъ опасностью.

Между туземцами Кавказа не мало христіанскихъ народностей, и мы собственно и начали воевать для святого дѣла освобожденія ихъ отъ мусульманскаго ига. На Кавказѣ христіанство весьма древняго происхожденія, но сквозь десять вѣковъ притѣсненія и варварства эти бѣдняги могли сохранить лишь внѣшнюю сторону,—формы, обряды и обычаи, и эта къ нимъ приверженность въ несчастьи большая заслуга народа и даетъ ему ореолъ славы. Въ лучшія времена на нихъ прольется истинный свѣтъ, божественная правда, милость и надежда.

Съ другой стороны, исламизмъ на Кавказѣ моложе и болѣе по-

---

[1]) Все дѣло и здѣсь спасли тѣ же незамѣнимые Кабардинцы, бывшіе въ составѣ прикрытія; оплошности службы проявляли только войска 5-го корпуса, пришедшаго изъ Россіи, которыя до тѣхъ поръ готовились только къ смотрамъ.

Б. К.

нятенъ странѣ, гдѣ все дышетъ войной, а потому онъ принялъ характеръ завоеванія и полонъ могучей энергіи. Евангеліе почти незнакомо мингрельцу или осетину, зато слова Корана составляютъ науку и предметъ размышленія всякаго послѣдователя Магомета; принципы, вытекающіе изъ Корана, слились съ обыденной жизнью этихъ народовъ, и импульсъ, сообщаемый ими уму, господствуетъ въ такой степени, что реагируетъ даже на насъ, вотъ, между прочимъ, откуда вытекаетъ и нашъ фатализмъ [1]).

Благодаря привычкѣ къ вѣчно повторяющейся опасности, картина смерти стала совершенно обыденной и постоянно представляется уму тѣхъ, кто давно живетъ на Кавказѣ. Для тѣхъ же, кто тамъ родился,—смерть сосѣдка и, когда она является, то почти-что не тревожитъ того, кого подкашиваетъ, а для тѣхъ, кто видитъ, какъ умираютъ,—смерть простой случай. Когда казакъ—туземецъ бываетъ убитъ въ перестрѣлкѣ, то надъ нимъ немного повоютъ старыя казачки, а молодыя—пошлютъ проклятіе „некрещеному“ убійцѣ своего возлюбленнаго, но въ станицѣ столько другихъ и такихъ красавцевъ, что онѣ быстро утѣшаются между вчерашней и завтрашней боевой тревогой.

Что касается до мертвеца, то въ его честь пострѣляютъ изъ ружей,—это музыка, при которой онъ впервые увидѣлъ день, подъ звуки которой онъ рѣзвился ребенкомъ, подъ ту же музыку онъ ухаживалъ, этой же музыкой привѣтствовали его друзья день его свадьбы, она сопровождала его въ бою, и она же наконецъ вторила надгробной по немъ пѣснѣ. Для казака выстрѣлъ изъ винтовки то же самое, что большая тунга кахетинскаго вина для лѣниваго жителя благословенной Грузіи. Какой бы ни представился случай, и каково бы ни было расположеніе духа, одинъ стрѣляетъ, а другой предается Бахусу.

Мысль о смерти зачастую представляется въ видѣ шутки. Помню, какъ, однажды, Фрейтагъ выслушивалъ сообщеніе лазутчика, когда я вошелъ къ нему въ палатку; взглянувъ на меня, чеченецъ расхохотался, а когда я спросилъ его о причинѣ его смѣха, то онъ отвѣтилъ мнѣ пренаивно, что онъ въ это же утро забавлялся тѣмъ, что далъ по мнѣ три выстрѣла, ни разу не попавъ, и что теперь ему смѣшно меня видѣть.

Примѣрно въ то же время, при въѣздѣ въ одну разрушенную

---

[1]) Также весьма интересное наблюденіе и заключеніе и, насколько сильно прививалось и намъ ученіе о предопредѣленіи, видно изъ сюжетовъ поэзіи Лермонтова, напримѣръ—объясненіе Максима Максимовича или „Фаталистъ“ изъ „Героя нашего времени“.

Б. К.

деревню на Качкалыкскомъ хребтѣ, мнѣ донесли, что замѣтили домашній скотъ, и мнѣ сейчасъ же стало ясно, что представился хорошій случай захватить кой-кого, такъ какъ я зналъ, что разбойники-чеченцы имѣли привычку укрываться здѣсь съ захваченной ими добычей. Я сейчасъ же выслалъ нѣсколько разъѣздовъ линейцевъ съ цѣлью ихъ захвата, а вслѣдъ за тѣмъ и вскорѣ услышалъ выстрѣлы, на которые и поскакалъ и, можетъ быть, минутъ черезъ пять по высылкѣ моихъ казаковъ, очутился у лачуги, передъ которой горѣлъ большой костеръ. Казаки уже сдѣлали свое дѣло: три совершенно обобранныхъ трупа лежали на землѣ, а мои молодцы доѣдали угощеніе, среди котораго они прервали тѣхъ, кого они такъ быстро спровадили на тотъ свѣтъ.

И все это происходило при громкомъ смѣхѣ всей компаніи!!..

Наши войска, менѣе привыкшія къ жестокимъ и воинственнымъ нравамъ и обычаямъ населенія Кавказа, встрѣчаютъ смерть съ несравненно меньшимъ хладнокровіемъ. Помнится, что въ тотъ же день пришлось мнѣ вести въ огонь сотню Донскаго казачьяго № 42-го полка: нѣсколько казаковъ упало, и я видѣлъ, какъ вытянулись лица ихъ товарищей. Чтобы развеселить людей, я приказалъ запѣвалѣ Николаеву затянуть пѣсню, но мнѣ отвѣтили тягостнымъ молчаніемъ; я повторилъ приказаніе, и тогда старшій урядникъ доложилъ мнѣ вполголоса: „Николаева нѣтъ“!

Не трудно было понять, по его поблѣднѣвшему лицу, что онъ хотѣлъ выразить этимъ своимъ—„Николаева—нѣтъ!“. Но нельзя было и казаковъ предоставить впечатлѣніямъ подобнаго рода, потому я изъ всѣхъ силъ крикнулъ: „слѣдующій“! Это подѣйствовало, они поняли, что на войнѣ излишняя чувствительность неумѣстна, и заорали во всю глотку: „Грянули чада тихаго Дона“!

Главныя силы, которыя все еще занимали Андію, нуждались въ продовольствіи. Чиркей былъ богатъ продовольствіемъ, но находился въ 80-ти верстахъ горной, только для вьюковъ проходимой дороги.

Нашъ обозъ сильно пострадалъ отъ дурной погоды, захватившей насъ еще въ началѣ кампаніи. Число вьючныхъ лошадей сократилось на половину, а оставшіяся были истощены и еле двигались.

28-го я получилъ приказаніе доставить транспортъ въ 500 лошадей, вмѣщавшій четырехдневное продовольствіе.

Для прикрытія транспорта мнѣ дали 6 ротъ пѣхоты, 2 орудія и 50 казаковъ. На войнѣ ничего нѣтъ непріятнѣе подобнаго рода порученій, такъ какъ тутъ не требуется ни сообразительности, ни храбрости, и все дѣло заключается лишь въ уклоненіи отъ боя и

избѣжаніи противника, о которомъ никогда не имѣешь никакихъ свѣдѣній.

Все сводится къ удачѣ, а таковую нельзя заказать даже на Кавказѣ, гдѣ впрочемъ въ ней нѣтъ недостатка.

Въ данномъ случаѣ на меня была возложена огромная отвѣтственность, и если бы я встрѣтилъ противника въ превосходныхъ силахъ и онъ пожелалъ бы сразиться, то мнѣ не было никакой надежды на спасеніе, а если бы я не дошелъ,—отрядъ въ Андіи умеръ бы съ голода. Ставка была крупная на этомъ зеленомъ полѣ фортуны, но на войнѣ, гдѣ дѣло идетъ не о червонцахъ, а о людяхъ,—поручаешь себя Богу, а не случаю. Часто повторяешь себѣ: „я сдѣлаю, что только возможно, а тамъ—будь, что будетъ“ и это помогаетъ вести свою ладью.

Первый разъ въ жизни я былъ назначенъ капитаномъ столь значительнаго ищущаго приключеній корабля, и я былъ скорѣе огорченъ, чѣмъ обрадованъ; къ счастью все обошлось благополучно.

Сорокъ часовъ спустя послѣ выступленія изъ Мичикале, я со всѣми моими людьми явился въ лагерь графа Воронцова. Спустя же 30 часовъ я уже нагналъ отрядъ полковника *Адлерберга* и былъ уже внѣ всякой опасности на остальное, въ 10 часовъ, время. Конные горцы провожали меня слѣва и перестрѣливались съ арріергардомъ, но серьезныхъ столкновеній не было. Покончивъ счеты съ непріятелемъ, я долженъ былъ принять мѣры противъ своихъ. Я уже говорилъ, что въ лагерѣ была голодовка, въ особенности въ частяхъ, недавно прибывшихъ изъ Россіи, нижніе чины которыхъ еще не умѣли сами находить себѣ источники удовлетворенія своихъ нуждъ, на что были такъ искусны наши старые, кавказскіе ворчуны.

Достигнувъ лагеря въ *Тилитлѣ*, я былъ осажденъ солдатами Житомирскаго полка, которые, повидимому, намѣревались разграбить порученный мнѣ транспортъ. Я хотѣлъ ихъ остановить, но они все продолжали подвигаться; пришлось, послѣ крѣпкихъ словъ, прибѣгнуть и къ крайнимъ средствамъ, и я противупоставилъ имъ одну изъ моихъ ротъ, съ приказаніемъ немедленно открыть огонь, если кто-нибудь изъ нихъ пошевелится. Этого было достаточно, бѣдняги вѣдь не бунтовали, а были только голодны, а противъ голода лучше всего дѣйствуетъ страхъ, и угроза прямо попадаетъ въ цѣль.

Мои доводы подѣйствовали и должно быть въ доказательство моей правоты они всѣ поснимали свои фуражки.

Оставивъ Адлербергу необходимое количество провіанта, я вступилъ въ Андію.

Непонятно, почему долина эта считается красивой, въ ней нѣтъ никакой растительности, долина, гдѣ только камни и скалы и гдѣ рѣдкіе клочки земли требуютъ отъ жителей много труда, дабы сдѣлаться годными для культуры.

Всѣ размѣры въ этой долинѣ такъ громадны, контуры горъ такъ красивы и такъ прихотливы, краски въ различные часы дня такъ ярки, такъ блестящи, что невозможно оставаться безмолвнымъ и равнодушнымъ передъ этой суровой и величественной природой.

Мы были поражены, насколько здѣсь все иначе, чѣмъ въ другихъ высокихъ горныхъ странахъ. Настоящая стѣна изъ скалъ, вертикальная и совершенно недоступная для всякаго живого существа, закрывала герметически долину Андіи отъ Гумбета, который мы только что оставили.

На разстояніи 6-ти верстъ мы шли вдоль подножія этой природной стѣны; затѣмъ дорога поворачивала налѣво и круто спускалась на разстояніи добрыхъ трехъ верстъ.

Внизу находился лагерь—единственное оживленное мѣсто среди этой громады скалъ, утесовъ и каменныхъ обломковъ. Меня радостно встрѣтили, такъ же и я былъ радъ очутиться „въ большомъ свѣтѣ“.

На другой день, 1-го іюля, былъ день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы. Графъ Воронцовъ пожелалъ этотъ день отпраздновать. Подъ открытымъ небомъ, на обширномъ бугрѣ, возвышавшемся надъ лагеремъ, была отслужена обѣдня; войска стали кругомъ въ сомкнутыхъ колоннахъ; это было чудное зрѣлище, еще болѣе выигрывавшее отъ красоты утра и отъ величія горъ, служившихъ рамой всей этой картинѣ. Въ то же время, впервые, раздалось христіанское пѣніе тамъ, гдѣ царилъ нераздѣльно исламъ.

Всѣ были проникнуты созерцаніемъ этого зрѣлища. Чтобы придать зрѣлищу еще болѣе живописности и сообщить ему чисто мѣстный колоритъ (что здѣсь представляется на каждомъ шагу), въ то время, когда мы молились Богу, въ разстояніи отъ насъ не болѣе пушечнаго выстрѣла,—завязалась стычка у нашихъ фуражировъ и настолько близко отъ насъ, что мы могли слѣдить за всѣми ея подробностями; звуки ружейныхъ выстрѣловъ поминутно сливались съ церковнымъ пѣніемъ.

Послѣ божественной службы графъ Воронцовъ собственноручно раздавалъ почетные георгіевскіе кресты только-что пожалованнымъ кавалерамъ за дѣла 6-го и 14-го іюня. Мои куринцы составляли большинство. Бѣдному графу Воронцову пришлось принять безконечное число поцѣлуевъ и объятій, что, въ минуты сердечной солдатской радости, здѣсь неизбѣжно для начальника.

На войнѣ хорошія и дурныя минуты необыкновенно быстро слѣдуютъ однѣ за другими и колесо фортуны вертится быстро. 2-го іюля небольшой отрядъ въ составѣ карабинеръ (1-й роты) моего баталіона былъ высланъ на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря и наткнулся на лезгинъ, спрятавшихся при его приближеніи. Будучи открыты и атакованы, лезгины открыли огонь; мы лишились только одного человѣка и какъ разъ офицера, ведшаго отрядъ: онъ былъ очень молодъ, считался храбрѣйшимъ офицеромъ въ баталіонѣ, только-что получилъ чинъ за взятіе Анчимеера и былъ единственнымъ сыномъ бѣдной женщины, у которой никого болѣе не было близкихъ на свѣтѣ.

Сколько слезъ было пролито за его смертью! Мы всѣ много о немъ сожалѣли, такъ какъ онъ былъ очень любимъ и уважаемъ [1]). На другой день мы предали землѣ его смертные останки при пѣніи „Со святыми упокой“, при барабанномъ боѣ и свистѣ пуль, какъ вообще водится на войнѣ; каждый изъ насъ подбросилъ шашкой земли въ его могилу, затѣмъ сгладили мѣсто, гдѣ его опустили въ землю, разложили здѣсь же еще и большой костеръ, чтобъ скрыть могилу отъ горцевъ, и такъ земля навѣки покрыла счастье бѣдной матери.

Мнѣ не было дано долго пользоваться шумной и веселой жизнью Главной квартиры [2]). Нашъ лагерь былъ расположенъ на склонѣ

---

[1]) Прапорщикъ *Канищевъ* блистательно распорядился съ 8 охотниками, двое горцевъ были убиты и нѣсколько ранены, но и самъ онъ былъ убитъ выстрѣломъ въ упоръ; случилось это дѣло 1-го іюля. *Б. К.*

[2]) „Большой свѣтъ“, жившій шумной и веселой жизнью, о которомъ говоритъ Бенкендорфъ и который онъ навѣщалъ, состоялъ изъ молодежи состава Главной квартиры, молодежи, правда, праздной, но очень порядочной, храброй, дружной и веселой въ самыя трудныя минуты: здѣсь судили и рядили, каламбурили, сочиняли стихи—pièçes des circonstances, пѣли и попивали, пока было вино. Ядро этого кружка составили лица бывшаго штаба ген. Нейдгарда и старые кавказцы, а именно: *князь Ал. Мих. Дундуковъ-Корсаковъ*, *князь Козловскій* и *Глѣбовъ* и къ нимъ примкнули адъютанты Воронцова—*Лонгиновъ* (вскорѣ убитый), князь Серг. Илар. *Васильчиковъ* и князь *Ревасъ Андрониковъ*, состоявшій при Воронцовѣ для порученій, *Мих. Павл. Щербининъ* и старые кавказцы: Ген. штаба капитанъ Ал. Ник. *Веревкинъ* и Ник. Яков. *Дружининъ*, генералъ *Безобразовъ*, университ. товарищъ Дундукова юнкеръ *Мельниковъ* (вскорѣ убитый), и ординарецъ Лидерса, веселый юнкеръ *Амосовъ*—поэтъ-импровизаторъ, вскорѣ раненый въ лицо и тутъ не переставшій шутить и каламбурить.

Остальныя лица штаба держали себя отдѣльно. Графъ Воронцовъ относился къ этому кружку безразлично, сужденія кружка невсегда, однако, ему нравились, но былъ доволенъ, видя веселый духъ своей Главной квартиры и не сомнѣваясь въ отличной храбрости чиновъ ея.

По словамъ участника *барона Дельвига*, „все что было замѣчательно

довольно крутой горы, у подножія которой находился аулъ *Гогатл* на выступавшемъ впередъ мысѣ. Къ сторонѣ Технуцала, въ главной мечети селенія, единственномъ неразрушенномъ зданіи былъ помѣщенъ главный госпиталь отряда, а самое селеніе занято и обороняемо 3-мъ баталіономъ апшеронцевъ, подъ командой храбраго полковника *Познанскаго*.

Я получилъ приказаніе смѣнить его съ моими куринцами и принять общее командованіе этимъ, нами укрѣпленнымъ, пунктомъ. Назначеніе было почетное. Познанскому уже пришлось выдержать нѣсколько боевъ, и онъ оставилъ мнѣ на аванпостахъ, въ видѣ трофеевъ, три головы горцевъ, насаженныя на колья, что должно было служить пугаломъ для нашихъ противниковъ.

Храбрый Познанскій тоже умеръ! Разставаясь съ нимъ въ Гогатлѣ, мы дружески пожали другъ другу руки, и больше я уже съ нимъ не встрѣчался; нѣсколько всего дней спустя онъ былъ убитъ

въ отрядѣ, рисовалось *графомъ де Бальменомъ* (здѣсь убитымъ) и воспѣвалось *Амосовымъ*. Такъ, въ Гогатлѣ, когда у Лидерса разъ собрались узнать, какъ онъ себя чувствуетъ послѣ ушиба, Лидерсъ просилъ и не говорить объ ушибѣ и приказалъ дать шампанскаго, и когда бокалы наполнились, то Амосовъ запѣлъ:

Нашъ храбрый генералъ,
Прогнавъ черкесъ къ шайтану,
Шампанскаго намъ далъ,
По полному стакану.
Ура! Ура!
Чеченскій нашъ отрядъ. Ура!

Князь Дундуковъ разсказываетъ, что была сочинена длинная пѣснь, на голосъ тогда извѣстной пѣсни: „messieurs les etudiants, s'en vont à la chaumière“ и по случаю оставленія непріятелемъ Андійскихъ воротъ и несбывшихся надеждъ на бой сочинили:

Les portes de L'Andie
Sont comme des portes cocères,
En haut il est écrit:
Vous n'entrerez sans faire
La guerre toujours,
La nuit et comme le jour.

Впослѣдствіи на сухарную экспедицію подъ начальствомъ Клюки фонъ Клюгенау пѣли:

La général Klouxa
Dans l'affaire des biscuits
Ne nous rapporta
Que des blessés et lui
La guerre etc.

Только отрывки изъ этой длинной пѣсни сохранились въ памяти князя Дундукова и барона Дельвига и, судя по нимъ, она остроумна и подъ видомъ шутки и въ намекахъ высказываетъ немало истинъ. *Б. К.*

наповалъ пулей въ лобъ. Это былъ достойный и прекрасный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ офицеровъ, о смерти которыхъ сохранишь вѣчное сожалѣніе.

Смерть подкашиваетъ своей косой почти всегда лучшихъ людей.

3-й баталіонъ Апшеронскаго полка имѣлъ 800 штыковъ, мой баталіонъ, имѣвшій въ началѣ кампаніи 700 штыковъ, теперь понизился до 500 и, главнымъ образомъ, благодаря описаннымъ мною страданіямъ на „холодной“ горѣ.

Чтобы прикрыть все, порученное мнѣ для обороны, мнѣ пришлось сильно растянуться и, показывая силу, скрывать свою слабость.

Впрочемъ, занимаемая мною позиція была очень сильна, а въ случаѣ опасности развалины аула Гогатль могли послужить мнѣ опорнымъ пунктомъ, и никакой противникъ не могъ бы меня оттуда выбить.

Мое отдѣльное расположеніе снова вынудило меня прервать сношенія съ Главной квартирой.. Тамъ еще не потеряли надежды на добровольную сдачу андійцевъ, что думали ускорить нашимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ горахъ и все еще надѣялись, что жители Дагестана сумѣютъ отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Шамиля, поймутъ свои интересы и что увидятъ, наконецъ, въ насъ своихъ избавителей, а не враговъ. Въ Главной квартирѣ убаюкивали себя надеждой, что жители съ благодарностью примутъ тутъ же предложенную имъ нами помощь и поддержку, мечтая, что успѣхъ нашего оружія и прокламаціи и слова мира, исходящія изъ нашего лагеря, разорвутъ узы подчиненія различныхъ народностей Шамилю — главному препятствію нашего владычества на Кавказѣ.

Всѣ эти предположенія были ошибочны, и истинное впечатлѣніе, произведенное на противника занятіемъ нами Андіи, было или мало извѣстно, или недостаточно оцѣнено.

Страхъ — лучшій стимулъ для воздѣйствія противъ азіатскихъ народностей. Для азіата власть сильна только тогда, когда она исходитъ отъ воли безграничной и безконтрольной, когда изображеніе этого всемогущества для толпы видится сквозь призму ужаса и непроницаемой тайны. Русскіе же начальники почти всѣ доступны, не имѣютъ никакого престижа въ глазахъ горцевъ, слишкомъ добродушны для внушенія страха, и азіаты боятся только русскихъ пушекъ и штыковъ, но никогда, — ни ихъ гнѣва, ни ихъ мщенія; русскіе страшны только во время боя, а послѣ боя—прощаютъ, ласкаютъ, братаются; ихъ всегда можно обойти, ихъ негодованіе не требуетъ даже наказанія вчерашняго измѣн-

ника, въ сотый разъ предававшаго ихъ непріятелю; того, кого столько разъ обманывалъ и предавалъ, того, разсуждаютъ азіаты, всегда можно легко обмануть и еще.

Съ Шамилемъ же дѣло обстоитъ совершенно иначе: съ нимъ нельзя не считаться, съ нимъ нельзя вести двойной игры и держаться середины. Съ Шамилемъ нужно выбирать между смертью и безграничной преданностью; при малѣйшемъ подозрѣніи — отсѣкаютъ голову и, разъ Шамилемъ произнесенъ приговоръ, никуда не уйдешь отъ его мюридовъ.

Мы же, наоборотъ, ни въ Дагестанѣ, ни въ Чечнѣ, не въ состояніи ни наказывать преступниковъ, ни оказывать покровительство и помощь нашимъ друзьямъ.

Оставаться вѣчно въ горахъ мы не можемъ, а послѣ нашего отъѣзда, какая участь ожидаетъ тѣхъ, которые перейдутъ на нашу сторону? [1])

При данныхъ условіяхъ силы и могущества Шамиля, единственнымъ способомъ избѣжать его мщенія остается слѣдовать за русскими, эмигрировать и горы, и лѣсъ бросить для равнины. Но сколько разъ слышалъ я отъ моего стараго Муссы, бѣжавшаго изъ Андіи при первоначальномъ занятіи ея мюридами, что лучше жить въ лохмотьяхъ въ горахъ, чѣмъ въ богатствѣ на равнинѣ и что всѣ сокровища земли не стоятъ капли воды изъ родника родной земли.

До сихъ поръ Шамиль не терялъ насъ изъ виду, дѣйствуя по отношенію насъ съ необыкновенной осторожностью и недовѣріемъ, по отношенію же своихъ, въ цѣляхъ объединенія и подчиненія себѣ, проявлялъ силу и страшную энергію. Палачи его не переставали отсѣкать головы, что происходило вблизи нашего лагеря, и къ этимъ отсѣченнымъ головамъ привязывались надписи: „такая же судьба ожидаетъ всякаго мусульманина, который заговоритъ о мирѣ съ русскими“. Мѣры эти достигли своей цѣли: передъ мечемъ и сѣкирой исчезла всякая оппозиція, и мы не только что лишились всѣхъ своихъ партизановъ; но уже не находили и лазутчиковъ.

Намъ оставалось довершить вторую половину кампаніи взя-

---

[1]) Всѣ эти глубоко-вѣрныя соображенія, показывающія пониманіе Бенкендорфомъ условія войны на Кавказѣ и раздѣляемыя кавказскими офицерами, совершенно не принимались въ соображеніе Петербургомъ, составлявшимъ планъ покоренія вообще и экспедицій въ частности.

тіемъ и разрушеніемъ Дарго, что громко отозвалось бы повсюду, и уравняло бы шансы начатой борьбы [1]).

Доставка генераломъ *Викторовымъ* транспорта съ десятидневнымъ довольствіемъ давала графу Воронцову полную свободу дѣйствій и избавляла его на нѣкоторое время отъ всѣхъ тѣхъ помѣхъ и вѣчныхъ затрудненій, которыя въ дальнихъ экспедиціяхъ вызываются обыкновенно вопросомъ снабженія.

Поминутно приходится мнѣ называть лицъ, которыя болѣе уже не существуютъ!..

Викторовъ—почтенный и благородный, человѣкъ—внѣ всякаго упрека, уважаемый всѣми, кто только его зналъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого солдаты на своемъ простомъ языкѣ называютъ—„старый кремень“.

Ему было около 60-ти лѣтъ, онъ воевалъ въ молодости и страстно любилъ военное дѣло. Назначенный на должность, исключавшую участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ (начальника жандармскаго управленія Кавказскаго округа), генералъ Викторовъ, въ предвѣдѣніи экспедиціи, не могъ спокойно оставаться дома, и графу Воронцову пришлось уступить его настоятельнымъ и настойчивымъ просьбамъ и назначить въ экспедицію этого года; будь иначе, и не участвуя въ дѣлахъ, онъ бы умеръ въ Тифлисѣ отъ тоски. Не подозрѣвая, что эта кампанія будетъ ему послѣдней, онъ присоединился къ намъ, и въ лѣсахъ Ичкеріи ему выпала честь, принадлежащая по праву людямъ его закала, — пасть смертью храбрыхъ.

День 5-го іюля былъ назначенъ днемъ выступленія и взятія Дарго; дороги, туда ведшія, были изслѣдованы, въ направленіяхъ къ Дарго были исполнены развѣдки и съ вечера были установлены и приняты необходимыя мѣры.

Каждый изъ насъ зналъ напередъ свою роль въ этотъ великій день, и каждый напередъ могъ или убаюкивать себя мечтами о славѣ, или быть предоставленъ той душевной борьбѣ, которой, зачастую, подвергается энергія мужественнаго бойца передъ мрачнымъ предчувствіемъ, которое представляетъ его воображенію увѣренность и близость страшной и неминуемой опасности.

Насколько короткой кажется ночь въ эти критическія минуты!!.

Какъ рано встаетъ солнце! Какъ прекрасна жизнь повсюду, исключая того мѣста, гдѣ теперь находишься! Сколько нужно силы

---

[1]) Здѣсь Бенкендорфъ неправъ, вышло не только хуже, но совсѣмъ скверно, хотя если бы гр. Воронцовъ дѣйствовалъ осмотрительнѣе, то не было бы такъ плохо.

Б. К.

воли, чтобы побороть себя и казаться такимъ, какимъ желаешь себя показать въ день боя! Высказаться въ испытываемомъ чувствѣ не посмѣешь лучшему другу, скрываешь его отъ самого себ самому себѣ не посмѣешь сознаться въ этомъ чувствѣ, но пуще всего не осмѣлишься даже самому себѣ назвать это чувство.

А между тѣмъ это чувство тутъ, на-лицо, оно давитъ васъ, гложетъ и преслѣдуетъ до перваго полученнаго вами приказанія, до минуты пробитія барабанами сигнала подъема, до перваго поданнаго вами боевого сигнала, до первой просвистѣвшей у вашихъ ушей пули!!.

Все тогда забыто, — существованіе, предчувствія, счастье и радости жизни и передъ вами только чувство долга и чести! [1])

Вечеръ 4-го іюня былъ теплый, тихій и ясный, одинъ изъ лучшихъ вечеровъ, который я сохранилъ въ своей памяти. *Баронъ Николай* [2]) и *Лобановъ* пришли поужинать со мной и сидѣли до полуночи. Я потомъ проводилъ ихъ съ десяткомъ моихъ егерей черезъ груды развалинъ и глубокіе овраги, которые отдѣляли мой небольшой отрядъ отъ большого лагеря.

За каждымъ угломъ стѣны мы могли наткнуться на мародеровъ непріятеля, но только кошки, единственные обитатели развалинъ, были невольной причиной нашихъ тревогъ. Вернувшись, я еще разъ обошелъ передовые посты и, успокоенный найденной всюду бдительностью и порядкомъ, улегся на коврѣ, служившимъ мнѣ кроватью и не для того, чтобы мечтать о славѣ или бороться съ предчуветвіями смерти, а просто—чтобы заснуть.

Но не успѣлъ я заснуть, какъ внезапно былъ разбуженъ звуками выстрѣловъ, слѣдующихъ одни за другими, и свистомъ цѣлаго града пуль. Въ одинъ мигъ я очутился у орудія, составлявшаго центръ моего расположенія. Гиканіе и крики—„гяуръ!“ все увеличивались. Ночь была темная и послѣ каждаго выстрѣла казалась еще темнѣе. Я приказалъ частямъ, выдвинутымъ впередъ, оставаться на мѣстѣ, что въ подобныхъ случаяхъ служитъ единственнымъ средствомъ сохранять порядокъ у себя и вызывать его у противника, приходящаго обыкновенно въ смущеніе при встрѣчѣ спокойнаго и хладнокровнаго отпора. Я собралъ своихъ людей за орудіемъ, заряженнымъ картечью, и когда мы осмотрѣлись, и когда я убѣдился, что непріятель ограничивается безпорядочной стрѣльбой,

---

[1]) Какъ это искренно и правдиво, съ чѣмъ согласится каждый, бывавшій въ подобной обстановкѣ.

[2]) Александръ Павловичъ, впослѣдствіи завѣдующій гражданской частью управленія Кавказа и министръ народнаго просвѣщенія.

не наступая, и только оглушаетъ насъ своимъ гикомъ, то я послалъ *Колюбакина* выбить горцевъ и избавить насъ отъ нихъ, давъ намъ возможность вернуться къ отдыху и сну.

Черезъ часъ все успокоилось, намъ это стоило часа сна, а главная квартира и лагерь получили лишнее чудное зрѣлище. Картина должна была быть дѣйствительно эффектной и живописной: темная, какая только бываетъ на югѣ ночь, освѣщенная только тысячью зигзаговъ безчисленныхъ выстрѣловъ и оживленная только дикими криками горцевъ, криками „ура“ русскихъ и звуками нашихъ сигнальныхъ рожковъ. Все это происходило въ самомъ темномъ мѣстѣ долины, такъ что не былъ потерянъ ни одинъ свѣтовой эффектъ и всѣ могли любоваться зрѣлищемъ; никакой фейерверкъ не могъ быть красивѣе.

Мой сонъ былъ настолько потревоженъ этимъ происшествіемъ, что я былъ совсѣмъ разбитъ, когда мнѣ пришлось встать, чтобы поднять нашъ лагерь, навьючить лошадей и выступить въ походъ.

Для обезпеченія нашихъ сообщеній съ Чиркеемъ, у Гогатля оставлена часть 2-го баталіона Прагскаго полка подъ начальствомъ полковника *Бельгарда*. Весь же главный отрядъ въ составѣ 13-ти баталіоновъ, 16-ти орудій и милиціи повернулъ къ сѣверу и покинулъ Андію [1]).

Мы поднялись по длинному скату, который составляетъ южный склонъ гребня, отдѣляющаго Андію отъ Чечни. Мы прошли у подножія стѣны изъ остроконечныхъ скалъ, поднимающейся со стороны Гумбета и служащей издали, со стороны равнины, маякомъ для оріентированія среди неровностей, составляющихъ гребень этой части Лезгистана. Поднявшись на вершину, мы продолжали слѣдованіе черезъ очень узкое дефиле, и не имѣя возможности развернуться въ ширину, наша колонна очень растянулась.

Характеръ мѣстности не измѣнился, мы все еще находились въ этой промежуточной (между Дагестаномъ и Чечней) части,—безплодной, лишенной деревьевъ, имѣющей лишь плоскія и рѣдкія пастбища, которыя отъ подножія высокаго гребня простираются до предѣловъ нагорной Чечни. Страна эта представляетъ нѣкоторое сходство съ нѣмецкимъ Шварцвальдомъ.

Мы прошли, примѣрно, уже верстъ 12 пути, когда увидѣли, что чины Главной квартиры расположились на холмахъ по обѣимъ сторонамъ дороги, подобно тому, какъ, двигаясь на равнинѣ, казачьи разъѣзды выѣзжаютъ на курганы для обозрѣнія мѣстности.

---

[1]) Въ общемъ, въ составѣ около 8.500 штыковъ и шашекъ, т. е. 8.500 бойцевъ.

Что за неоцѣненное сокровище имѣетъ Россія въ своихъ многочисленныхъ казачьихъ населеніяхъ, которыя служатъ, не только оплотомъ противъ нашествій, но и первыми этапами на пути завоеваній къ югу, и мы живемъ спокойно подъ охраной этихъ воиновъ съ длинными пиками, сторожащихъ Россію съ кургана на курганъ отъ береговъ Дуная до Кяхты.

Приказано стать всѣмъ на большой привалъ на 4 часа; солдаты развели костры изъ принесенныхъ съ собой полѣньевъ и поставили на огонь свои котелки.

Контрфорсъ горъ, по которому мы двигались, кончаясь почти остріемъ, вынудилъ насъ стѣсниться до возможной степени на послѣднемъ уступѣ этого длиннаго языка. У самыхъ нашихъ ногъ разстилалась Ичкерія. Это было чудное зрѣлище необозримыхъ лѣсовъ, которое войска привѣтствовали долгими криками „ура", переходившими отъ баталіона къ баталіону, по мѣрѣ того, какъ они достигали мѣста бивака. Для войскъ это былъ какъ бы выходъ изъ тюрьмы; они достигли земли, знакомой имъ съ дѣтства, гдѣ они найдутъ кое-какія средства, скрашивающія жизнь на бивакѣ: дрова, сѣно, солому, изрѣдка фрукты и овощи и гдѣ они могутъ наконецъ проститься съ пропастями Дагестана, внушавшими имъ только ужасъ и отвращеніе.

Для офицеровъ представлялось тоже нѣчто новое, а все новое очень цѣнится въ боевой жизни, гдѣ столь живо чувствуется потребность возбужденій и ощущеній, что составляетъ поэзію военнаго ремесла; если бы разнообразіе событій не заставляло бы вибрировать сердце, то явилось бы усыпленіе, чувство скуки и сожалѣніе посвященія лучшихъ годовъ своей жизни монотоннымъ занятіямъ подъ однообразный бой барабана. Для многихъ изъ насъ это первоначальное радостное чувство скоро замѣнилось бы разсужденіями тягостнаго свойства.

Къ тяжелымъ воспоминаніямъ лѣсного похода въ Чечнѣ въ1842 г. (графа Граббе), къ памяти кровавыхъ эпизодовъ и эпизодовъ рѣзни этой экспедиціи [1]) теперь присоединилось еще и недостаточное довѣріе въ отрядѣ къ распоряженіямъ штаба отряда по обезпеченію порядка движенія и его охраненія, штаба, состоявшаго изъ людей,

---

[1]) Исполненной подъ давленіемъ, руководствомъ и наблюденіемъ самого военнаго министра графа Чернышева, мнившаго изъ себя знатока военнаго дѣла, нарочно прибывшаго для этого на линію и лично встрѣчавшаго у Герзель-аула ужасное обратное возвращеніе отряда изъ этой кровавой и зловреднѣйшей для насъ по результатамъ и послѣдствіямъ бѣдственной экспедиціи 1842 года.

совершенно чуждыхъ веденію войны на Кавказѣ [1]); особенно были подвержены критикѣ распоряженія по нашему отряду на этотъ день [2]).

Вообще же находили, что въ экспедиціонномъ корпусѣ недостаточно считались съ опытомъ прошлаго, сожалѣли, что были устранены люди опыта [3]), между тѣмъ какъ прибывшіе изъ Россіи новички проводили свою скороспѣлую науку, примѣняли на практикѣ свои теоріи, нридуманныя въ мирное время, и свои правила для боя, составленныя вдали отъ боевой дѣйствительности [4]).

И въ этомъ обвиненіи была своя доля правды [5]); досужіе люди лагеря подхватывали эти обвиненія, чтобы еще болѣе выдвинуть ихъ значеніе [6]).

Между старыми кавказскими войсками и вновь прибывшими изъ Россіи существовало извѣстное чувство соревнованія: у однихъ (кавказцевъ) было чувство презрѣнія [7]), у другихъ (такъ наз.

[1]) Это совершенно вѣрно. Уже въ бывшемъ штабѣ ген.-адъют. Нейдгарта (предшественника гр. Воронцова), присоединеннаго Воронцовымъ къ своему штабу, было много новыхъ для Кавказа офицеровъ, гр. Воронцовъ привезъ еще своихъ новыхъ, а штабъ Чеченскаго отряда ген.-адъют. Лидерса (весь штабъ V корпуса) состоялъ сплошь изъ офицеровъ, впервые бывшихъ на Кавказѣ, и это уже не была вина Воронцова, ибо составъ Чеченскаго отряда и его штабъ были указаны распоряженіемъ изъ Петербурга, попеченіемъ графа Чернышева, равно какъ и планъ этой экспедиціи. Остается только удивляться этому вмѣшательству Петербурга и этому полному игнорированію знаній и опыта кавказскихъ дѣятелей. Послѣ 1845 г. гр. Воронцовъ открылъ борьбу съ этимъ вмѣшательствомъ и во многомъ преуспѣлъ. *Б. К.*

[2]) Дѣйствительно, этотъ 20-ти верстный переходъ прямо въ Дарго, съ прохожденіемъ 5-ти верстнаго лѣсного перешейка являлся необдуманнымъ и опаснымъ предпріятіемъ, а незанятіе опорныхъ пунктовъ перешейка погубило всю экспедицію, вызвавъ чудовищныя и невозвратимыя потери при троекратномъ прохожденій лѣсного перешейка. *Б. К.*

[3]) Начиная съ князя Аргутинскаго и Фрейтага и другихъ, бывшихъ даже въ составѣ отряда, какъ—Лабынцевъ, Ковалевскій.

[4]) Науку, вынесенную, преимущественно, изъ Красносельскаго лагеря, такъ какъ тогда упражненія этого лагеря считались верхомъ военнаго искусства и съ воззрѣніями, въ немъ вырабатывавшимися, считалась даже академія и курсы тактики, хотя всѣ маневры и производились смотровымъ порядкомъ.

[5]) Даже незлобивый, деликатный и сдержанный Бенкендорфъ не удержался отъ критики этого нецѣлесообразнаго и бѣдственнаго похода.

[6]) Въ изобиліи досужихъ людей виноватъ и самъ графъ Воронцовъ, грубо нарушившій правило, вѣрнѣе—законъ, чтобы въ штабахъ не было лишнихъ людей и вообще ни одного человѣка, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій.

[7]) Это презрѣніе исходило изъ сознанія своего боевого и вообще военнаго въ широкомъ значеніи слова превосходства, которымъ были проникнуты одинаково и офицеры и нижніе чины Кавказскаго корпуса.

россійскихъ войскъ)—было грубое осужденіе; насъ, старыхъ кавказцевъ, считали недисциплинированными разбойниками [1]).

Къ счастью, выше всѣхъ этихъ осужденій и внѣ общественной немилости, которой подверглись нѣкоторые частные начальники [2]), стояла личность графа Воронцова и стояла высоко въ общемъ уваженіи, и въ сердцѣ каждаго царило безграничное къ нему довѣріе, и это отношеніе войскъ къ нему обезоруживало самыхъ необузданныхъ. Въ войскахъ, искусившихся въ войнѣ, подобно кавказскимъ, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, схватываютъ на-лету всѣ качества и недостатки своего предводителя, отъ нихъ уже ничто не ускользнетъ, а потому ихъ одобреніе, идущее прямо отъ сердца,—наиболѣе лестно и суть лучшая—какую только можно получить—награда.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

---

[1]) Любопытна, въ этомъ отношеніи, повторяемость явленій и въ 1877 г. между кавказскими войсками и пришедшими изъ Россіи немедленно установились тѣ же отношенія, даже примѣнялся по отношенію побѣдоносныхъ кавказскихъ войскъ этотъ послѣдній эпитетъ.

[2]) Къ таковымъ слѣдуетъ отнести большую часть бригадныхъ и полковыхъ и чиновъ штаба частей, пришедшихъ изъ Россіи, какъ г.-м. *Вѣлявскій,* полковникъ *Мильковскій* и др., а изъ кавказцевъ—Клюки фонъ Клюгенау или ген. Клюха, какъ называли его солдаты; Клюгенау сильно осуждали въ отрядѣ за сухарную окказію 11 и 12 іюля.

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

Передъ нашими взорами разстилалась страна—словно коверъ изъ тысячи красокъ или словно географическая карта, простирающаяся отъ холмовъ *Ханъ-кале*, что передъ крѣпостью *Грозной*, до низовьевъ Терека. На первомъ планѣ виднѣлись густые лѣса, покрывающіе своей темной зеленью высоты Ичкеріи и простиравшіеся вдаль, влѣво въ уже болѣе мягкихъ перегибахъ уходившіе въ богатыя и прекрасныя равнины Чечни и заканчивающіеся вправо у Качкалыковскаго хребта. Цѣпь этихъ горъ, начинавшаяся у нашихъ ногъ, поворачивала къ сѣверу и дѣлила равнину на двѣ равныя части. Вправо отъ цѣпи все носило различный характеръ: лѣса внезапно прекращались у подошвы горъ, и страна представляла изъ себя нечто иное, какъ желтоватую и выжженную солнцемъ равнину, которая, уходя въ даль, сливалась съ горизонтомъ въ неопредѣленныхъ тонахъ и, наконецъ, терялась въ необозримыхъ покрытыхъ камышами пространствахъ береговъ Каспійскаго моря, а еще далѣе и въ водахъ самаго моря.

Влѣво отъ этой цѣпи горы прекращались только у р. *Сунжи*, но вправо отъ Качкалыковскаго хребта они вновь начинались у Терека и длинной лентой протягивались до *Кизляра*. По ту сторону Терека, далѣе къ сѣверу, горизонтъ представляется безгра-

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

ничнымъ и на всемъ видимомъ пространствѣ раскидываются пустыни, служащія кочевьемъ ногайцевъ.

Всѣ взоры были обращены къ этой зеленой рѣзко-ограниченной полосѣ лѣсовъ, параллельной цѣпи горъ, что были теперь позади насъ.

Всѣ сердца стремились туда съ надеждой и воспоминаніями, тамъ была Россія, то были привѣтливыя казачьи станицы—*Наурская, Щедринская, Червленная*,—всѣ тѣ мѣста, къ которымъ съ такой любовью взываетъ кавказскій солдатъ каждый разъ, когда поетъ свои пѣсни по возвращеніи съ похода!! Казачьи станицы—это Эльдорадо, къ которому устремляются всѣ мечты о счастьѣ и весельѣ, Эльдорадо, представляющееся воображенію всѣхъ тѣхъ, кто воюетъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Разъ кто попалъ на линію, то онъ считаетъ себя уже дома,—у себя.

Однако для многихъ изъ насъ этотъ взглядъ, брошенный на противоположный берегъ Терека, тамъ, гдѣ начинается уже родина, являлся прощаніемъ на вѣки съ Россіею, которую имъ уже не суждено было болѣе видѣть.

Передъ нашими глазами, у подножія первыхъ горъ, на разстояніи, примѣрно, 10-ти верстъ находилось Дарго—большое селеніе-столица Шамиля, представлявшаяся намъ въ видѣ разбросанныхъ домиковъ. Вплоть до Дарго мѣстность отъ насъ представляла столѣтній лѣсъ, покрывающій гребни, сѣдловины и пропасти.

Непріятель сдѣлалъ большія приготовленія къ оборонѣ и воздвигъ много заваловъ, которые, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, въ видѣ укрѣпленій, перерывали дорогу, по которой намъ предстояло слѣдовать. Тѣмъ не менѣе, горцы еще не были въ значительныхъ силахъ, такъ какъ Фрейтагъ, содѣйствуя нашему движенію, особой диверсіею, продвинулся къ этому времени отъ крѣп. Грозной къ Маіортупу; чеченцы бросились на защиту своей страны, которой угрожало внезапное появленіе русскаго отряда, и у насъ были на время развязаны руки для операціи противъ Дарго.

Шамиль былъ застигнутъ врасплохъ, имѣя для противодѣйствія нашему движенію не болѣе 1.000 человѣкъ бойцовъ.

Когда было опорожнено содержаніе котелковъ, и прошли четыре часа отдыха, графъ Воронцовъ подалъ сигналъ къ атакѣ лѣса. Куринцамъ, дѣтямъ Чечни, какъ это и подобало, выпала честь открытія дѣла. Въ боевомъ порядкѣ прошли мы передъ главнокомандующимъ съ любимой пѣснью Куринцевъ: „Шамиль вздумалъ бунтоваться“, при чемъ всѣ подхватывали хоромъ: „Куринскій

полкъ, ура!". Бѣглымъ шагомъ спустились мы затѣмъ съ горы. Когда мы очутились внизу, на небольшой полянѣ, полковникъ *Меллеръ-Закомельскій* (командиръ Куринскаго полка) повелъ Куринцевъ по дорогѣ, сворачивавшей здѣсь влѣво, съ цѣлью выбить горцевъ изъ перваго завала, построеннаго у входа въ лѣсъ.

Я развернулъ свой баталіонъ вправо отъ дороги и прямо направился для занятія опушки лѣса, которымъ рѣшено было овладѣть. Быстро и проворно, выдержавъ лишь одинъ залпъ, ударили мы бѣглымъ шагомъ на завалъ, и противникъ мгновенно его очистилъ; мы потеряли лишь офицера и 4-хъ нижнихъ чиновъ.

Для отряда это была еще только прелюдія трудностей этого дня, для моего баталіона—окончаніе его участія въ дѣлѣ этого дня, и на остатокъ дня мы оставались только зрителями. Такимъ образомъ, часто бываетъ, что все происходитъ противно принятымъ первоначально предположеніямъ, такъ и въ настоящемъ случаѣ, когда намъ предстояло наибольшое участіе въ дѣлѣ.

Едва только заняли мы участокъ, съ котораго начинался разбѣгъ штурмовыхъ колоннъ, какъ атака началась. Во главѣ шелъ 1-й баталіонъ Литовскаго Егерскаго полка, утратившаго свое знамя въ польской кампаніи и долженствовавшаго здѣсь и теперь себя реабилитировать; за нимъ слѣдовали двѣ роты 3-го баталіона Куринцевъ, которые должны были поддерживать его (морально) и внушать ему необходимое для возстановленія своей утраченной чести мужество.

Литовцы молодцами смыли свое безчестіе, и едва только четвертая часть ихъ уцѣлѣла за эту экспедицію, но—позоръ былъ смытъ, и новое знамя, добытое цѣною пролитой ими въ Ичкеріи крови, было имъ вручено взамѣнъ утраченнаго ими при Вовръ[1]).

Близко за Литовцами слѣдовали саперы, за ними грузинская дружина, бросившаяся на завалы вслѣдъ за Литовцами.

Но проворнѣе всѣхъ оказалась молодежь главной квартиры, которая, въ своей жаждѣ славы и успѣховъ и счастливая воспользоваться случаемъ, стала въ головѣ колоннъ, и здѣсь мы увидѣли нѣчто совершенно небывалое—группа молодыхъ офицеровъ, благодаря только одной стремительности и храбрости, одна беретъ подрядъ три ряда заваловъ.

Не устоявъ противъ подобнаго порыва, непріятель отошелъ и уступилъ намъ спускъ въ лѣсъ, но мы понесли здѣсь довольно

---

[1]) Здѣсь, во главѣ литовцевъ былъ раненъ князь Алек. Мих. Дундуковъ-Корсаковъ, подполковникъ ген. шт. Левиссонъ и др.

тяжелыя потери[1]) и въ числѣ таковыхъ наиболѣе чувствительна была потеря генеральнаго штаба подполковника Левиссона, выдающагося офицера, финляндца по происхожденію.

Противъ сейчасъ занятаго нами склона былъ другой, на который слѣдовало взбираться, а такъ какъ онъ тоже опоясанъ укрѣпленіями, то приходилось и его брать штыками. Оба ската горы соединялись узкимъ перешейкомъ, по обѣ стороны котораго росъ густой вѣковой лѣсъ.

Нашъ авангардъ прошелъ перешейкомъ и блистательно исполнилъ свою задачу, занявъ противоположный скатъ и преслѣдуя противника по пятамъ. Графъ Воронцовъ лично слѣдилъ вблизи за за успѣхомъ дѣйствія авангарда, не имѣя другого прикрытія, кромѣ своего штаба, и будучи увѣренъ, что мы уже полные хозяева этого занятаго участка. Никакихъ войскъ въ распоряженіи графа Воронцова не было. По узкой дорогѣ, заваленной стволами громадныхъ деревьевъ, проходить можно было только по одному, и нечего было и думать о движеніи сколько-нибудь сомкнутымъ строемъ, а потому пока и оставалось слѣдовать впередъ только этимъ способомъ.

Лишь только главнокомандующій съ своей свитой вступилъ на этотъ перешеекъ, бывшій внѣ поля зрѣнія и вообще внѣ сферы дѣйствія авангарда, уже значительно усилившагося отъ главныхъ силъ, все еще находившихся на верху первой высоты[2]), какъ онъ и его свита были встрѣчены градомъ пуль; противникъ оказался между нимъ и авангардомъ. Лошадь графа была ранена, и самъ онъ долженъ былъ обнажить свою шашку; присутствіе его сохранило порядокъ, и чины свиты, тѣснясь около него, на перебой старались каждый прикрыть его своимъ тѣломъ.

Привели горное орудіе, дабы обстрѣлять занятую противникомъ часть лѣса.

Едва только стало орудіе, какъ оно было подбито, и вся прислуга его выведена изъ строя убитыми и ранеными. Саперы также ничего не могли сдѣлать, и только грузинская милиція первая освободила главнокомандующаго и заставила противника отступить. Съ этого времени дорога была очищена.

Какъ разъ въ эту минуту я прибылъ сюда съ двумя ротами моего баталіона, такъ какъ, услыхавъ усиленную пальбу, мы не

---

[1]) Кромѣ убитаго Левиссона, здѣсь ранены: полковникъ *Семеновъ*, маіоръ *Степановъ*, поручики—кн. *Дундуковъ-Корсаковъ* и *баронъ Врангель* и юнкеръ *Мельниковъ* тяжело (товарищъ кн. Дундукова по университету), умеръ на походѣ.

[2]) То есть значительно позади.

знали въ чемъ дѣло, а генералъ Клюки-фонъ Клюгенау спустилъ насъ сюда съ горы. Графъ Воронцовъ приказалъ мнѣ замѣстить Грузинъ и оставаться здѣсь до подхода арріергарда, возложивъ на меня личную отвѣтственность обезпеченія прохожденія здѣсь обозовъ и войскъ всей колонны.

Я оставался здѣсь до наступленія ночи, и только тогда показался наконецъ *Лабынцевъ* съ послѣдними войсками, составлявшими арріергадъ.

Обозъ проходилъ цѣлыхъ шесть часовъ и было очень трудно поддерживать порядокъ; всѣ торопились, всѣ стремились впередъ и кричали и командовали, и никто не хотѣлъ слушаться; никогда еще мое терпѣніе не подвергалось болѣе тяжелому испытанію. Наконецъ, подняли и насъ, мы послѣдовали общему движенію и, двигаясь всю ночь, исполняли докучливыя обязанности, обыкновенно выпадающія на послѣднія двигающіяся войска: на каждомъ шагу приходилось подбирать отсталыхъ, хоронить брошенныя тѣла, вытаскивать несчастныхъ застрявшихъ лошадей и облегчать движеніе излишне перегруженныхъ.

Только 4 часа спустя по восходѣ солнца прибыли мы въ Дарго, еще съ вечера занятое нашими войсками. Этотъ день стоилъ намъ 200 человѣкъ потери.

Противникъ оказалъ особое сопротивленіе нашему авангарду, оказавшему чудеса мужества подъ начальствомъ храбраго генерала *Бѣлявскаго*, взявшаго семь заваловъ.

Дарго было объято пламенемъ, и всѣ созданныя Шамилемъ зданія были уничтожены.

Нашъ лагерь былъ разбитъ на высотахъ, командующихъ равниной, на которой еще дымились развалины городка.

На слѣдующій день графъ, окруженный выстроенными покоемъ войсками, слушалъ панихиду по павшимъ въ бояхъ наканунѣ и по тѣмъ несчастнымъ русскимъ плѣннымъ, которые, въ числѣ 20 человѣкъ, были здѣсь звѣрски замучены по приказанію Шамиля [1]).

Мѣсто нахожденія прежняго Дарго принадлежало теперь намъ, въ чемъ и заключался единственный результатъ нашей побѣды. Въ этой странѣ не существуетъ такого центральнаго пункта, занятіе котораго рѣшило бы ея завоеваніе. Кавказскія племена лишь въ весьма ничтожной степени находятся въ зависимости другъ отъ друга и въ политическомъ и въ матеріальномъ отношеніи. Въ настоящее время ихъ связываетъ только власть Шамиля, и его авто-

[1]) Плѣнныхъ было больше, ибо погибло здѣсь 16 человѣкъ однихъ офицеровъ и 21 чел. нижн. чиновъ (Кавк. Сборн. томъ VI, стр. 418).

ритетъ господствуетъ только тамъ, гдѣ онъ находится лично, не привязываясь, однако, къ одному мѣсту, болѣе чѣмъ къ другому.

Такъ и здѣсь, какъ и всюду въ нашихъ войнахъ на Кавказѣ, мы хозяева только на мѣстяхъ расположенія нашихъ войскъ бивакомъ, и все то, что было внѣ черты нашихъ лагерей и внѣ сферы дѣйствія нашихъ охраняющихъ частей, принадлежало уже непріятелю.

Въ Дарго онъ насъ окружалъ, какъ бы блокировалъ со всѣхъ сторонъ и, чтобы выйти изъ нашихъ оборонительныхъ линій и выбить непріятеля, нужно было пролить кровь и чтобы вернуться, очистивъ временно занятую мѣстность,—то же самое. Въ такомъ обыкновенно положеніи будетъ армія, воюющая не съ подобной же арміею, а съ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ, способнымъ и обороняться и, одновременно, и наступать.

Наше сообщеніе съ нашими тыльными эшелонами стало весьма труднымъ. Къ югу отъ насъ Даргинскій лѣсъ, пройденный нами 6-го, представилъ страшную преграду, а къ сѣверу лѣсистыя ущелья Ичкеріи отдѣляли насъ отъ равнинъ Чечни и Кумыковъ. Трудность нашего положенія увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе, съ которымъ мы имѣли дѣло, было однимъ изъ самыхъ воинственныхъ, оно было, такъ сказать, взращено и воспитано вѣчными войнами, что оно было поднято и возбуждено противъ насъ страхомъ и фанатизмомъ во имя религіи пророка и именно тѣмъ, кого теперь всѣ они признали его избранникомъ и его посланнымъ.

Въ день занятія Дарго силы Шамиля были слабѣе нашихъ, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестанъ [1]) собрались вокругъ него, и теперь многочисленный противникъ, словно громадный муравейникъ, окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Горцевъ собралось несомнѣнно не менѣе 30.000 человѣкъ. 7-го іюля графъ Воронцовъ приказалъ генералу Лабынцеву занять командующую нами позицію у Белгатая (на лѣвомъ берегу р. Аксай), откуда Шамиль, пользуясь командованіемъ, обстрѣливалъ нашъ лагерь; горцы дрались съ большимъ упорствомъ, и мы потеряли 200 человѣкъ [2]).

Дни 8-го и 9-го прошли въ незначительныхъ перестрѣлкахъ, завязывавшихся каждый разъ, когда наши фуражировочные отряды

---

[1]) Здѣсь Бенкендорфъ сильно преувеличиваетъ, забывая, что одновременно шли еще двѣ экспедиціи: Самурскаго отряда кн. Аргутинскаго въ Ю. Дагестанѣ и г.-л. Шварца на Лезгинской кордонной линіи, и обѣ экспедиціи оттянули значительныя силы Шамиля.

[2]) Этотъ захватъ „на время“ позиціи у Белгатая, по своей совершенной безцѣльности, сильно осуждался въ отрядѣ опытными кавказцами, а въ

спускались на равнину, отдѣлявшую насъ съ одной стороны отъ непріятеля. Что касается до нашего лагеря, то мѣсто для него было выбрано настолько удачно, что непріятель не могъ насъ здѣсь безпокоить.

Наши продовольственные запасы приходили между тѣмъ къ концу, и мы надѣялись пополнить ихъ 9-го іюля. Колонна, слѣдовавшая изъ Чиркея, должна была доставить большой транспортъ и остановиться на вершинѣ той высоты, которую отрядъ нашъ занималъ 6-го, во время привала, передъ прохожденіемъ Даргинскаго лѣса.

Выстрѣлъ изъ орудія долженъ былъ извѣстить насъ о прибытіи транспорта, и по этому сигналу долженъ былъ собраться сводный изъ разныхъ частей отрядъ подъ общимъ начальствомъ генерала Клюки-фонъ-Клюгенау и, пройдя черезъ лѣсъ навстрѣчу транспорту, доставить предназначенный отряду провіантъ, частью на людяхъ, частью на вьюкахъ. Я былъ предназначенъ вести три роты Куринцевъ [1]).

Участіе въ столь опасной экспедиціи было плохимъ ручательствомъ въ долговѣчности жизни. *Всѣ это сознавали*, а тѣмъ болѣе мы, издавна знакомые съ лѣсной войной: *въ этомъ отношеніи кажется никто не заблуждался* [2]).

Во всемъ отрядѣ нашелся только одинъ добровольный участникъ этой, такъ прозванной солдатами, „сухарной оказіи“, хотя онъ и отлично понималъ всю ея опасность, ибо былъ въ злополучной экспедиціи въ Ичкеріи въ 1842 году, а потому зналъ, что это за противникъ чеченцы, укрытые въ своихъ лѣсныхъ трущобахъ. Этимъ добровольцемъ былъ храбрый капитанъ *Беклемишевъ*,— *адъютантъ Θ. И. графа Паскевича* [3]).

войскахъ вызвалъ, по свидѣтельству участника *Нечаева* (адъютанта Воронцова), *недовѣріе къ начальству, что болѣе всего способствовало упадку духа въ войскахъ*“. Особенно осуждали это безцѣльное дѣло Лабынцевъ и Пассекъ.

[1]) Поразительно, съ какимъ легкомысліемъ была задумана и исполнена эта операція доставки сухарей въ лагерь, и эта кровавая сухарная оказія останется навсегда тяжелымъ упрекомъ на памяти графа Воронцова, совершившаго здѣсь цѣлый рядъ ошибокъ и несообразностей. Во-первыхъ, не слѣдовало идти въ Дарго, не обезпечивъ отрядъ совершенно, а уже если, будучи въ Дарго, продолжать базироваться на Дагестанъ, то какъ можно было не занять и не создать въ Даргинскомъ лѣсу опорныхъ пунктовъ, что было такъ возможно при обиліи лѣса.

[2]) Самая „оказія“ не была обезпечена, начиная съ выбора начальникомъ отряда Клюки-фонъ-Клюгенау, совершенно неопытнаго въ лѣсной войнѣ, а потомъ предварительно слѣдовало произвести развѣдку приготовленій противника и заблаговременно обезпечить слѣдованіе обоза за сухарями; вообще, все дѣлалось какъ-то торопливо и неискусно.

[3]) Беклемишевъ, сравнительно, недавно и умеръ и часть его воспоминаній поступила въ сборникъ Щукина. У Беклемишева было интересное

Къ счастью онъ вернулся обратно, блистательно откомандовавъ баталіономъ Люблинскаго полка, а впослѣдствіи закончилъ эту экспедицію командованіемъ баталіономъ Кабардинцевъ. Въ настоящее время онъ полковникъ и все еще на Кавказѣ, гдѣ на счету выдающагося офицера, подающаго большія надежды.

Лѣсъ, который предстояло пройти, тянулся на 10 верстъ и на всемъ этомъ протяженіи былъ пересѣченъ крутыми спусками и подъемами, глубокими оврагами, топкими мѣстами, завалами и новыми, вновь возведенными и сильно занятыми противникомъ укрѣпленіями. Съ однимъ баталіономъ хорошихъ войскъ можно навѣрняка задержать здѣсь цѣлую армію, совершенно парализуя всѣ ея усилія, настолько трудно развернуться въ этой крайне неблагопріятной для дѣйствія регулярныхъ войскъ мѣстности. Горцы отлично знаютъ этотъ родъ войны и обнаруживаютъ здѣсь много смѣлости. Не говоря уже о численномъ превосходствѣ, горцы имѣли надъ нами еще и преимущество активности дѣйствій противъ прикрытія транспорта, который въ подобныхъ условіяхъ естественно долженъ былъ растянуться до безконечности.

Въ ночь съ 9-го на 10-ое въ отрядѣ ждали условной сигнальной ракеты.

Сознаюсь откровенно, что вечеромъ 9-го я думалъ, что въ послѣдній разъ въ жизни пожимаю руки моимъ друзьямъ.

Я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность лично назначить роты для участія въ этой оказіи[1]) и предложилъ ротнымъ командирамъ, предоставивъ это судьбѣ, метать жребій; „орелъ“ или „рѣшетка“—рѣшало судьбу.

Метаніе жребія происходило передъ фронтомъ, на глазахъ у всѣхъ, и въ эти минуты ожиданія и тревоги царило глубокое молчаніе, ибо Куринцы, какъ офицеры, такъ и солдаты знали — что̀ ихъ ожидаетъ впереди. *Пассьетъ* былъ однимъ изъ тѣхъ, на кого выпалъ жребій. Когда, для подтвержденія рѣшенія судьбы, я громко произнесъ приказаніе, Пассьетъ, спокойно держа подъ козырекъ, произнесъ обычное: „слушаюсь“, а затѣмъ въ полголоса, такъ, что только я могъ слышать, сказалъ: „это мой смертный приговоръ!“ И онъ не ошибся!

На войнѣ бываютъ такія торжественныя минуты, когда душа

собраніе акварелей по Кавказской войнѣ, заключавшее цѣлый альбомъ, тамъ были рисунки и Дарго,—единственное изображеніе съ натуры расположенія лагеря, съ видомъ горящаго сел. Дарго. *Б. Кол—ъ.*

[1]) Оказіями назывались на Кавказѣ обыкновенно слѣдованія различнаго рода транспортовъ въ сферѣ дѣйствія противника, а потому и подъ прикрытіемъ войскъ, а также и регулярныя сообщенія между крѣпостями.

воспринимаетъ извѣстныя неизгладимыя впечатлѣнія и когда чувствуешь будущее.

Только война обнаруживаетъ нѣкоторыя особыя и высшія добродѣтели, которыя глубоко насъ трогаютъ. Въ солдатѣ, втянутомъ во всѣ служебныя требованія, я болѣе всего цѣню пассивное послушаніе и покорность, качества, къ выработкѣ которыхъ направлено все наше военное устройство (организація, іерархія, воспитаніе и т. п.), качества, которыхъ никто не превозноситъ, но изъ которыхъ между тѣмъ и вытекаетъ и преданность, и самоотверженіе. И за все это воздастся намъ тамъ наверху, гдѣ царство справедливости, и тамъ не будетъ забыто, что достаточно намъ только получить приказаніе — „умереть“, какъ мы идемъ на смерть, даже и не спрашивая—„зачѣмъ“?

Я легъ отдохнуть, не раздѣваясь, дабы быть готовымъ къ выступленію по первому сигналу, но сигнальной ракеты не было и за часъ до восхода солнца, вмѣсто первоначальнаго порученія, мнѣ приказано, принявъ въ командованіе 2 баталіона и 2 орудія, занять селеніе, бывшее въ 3-хъ верстахъ отъ лагеря.

Было извѣстно, что въ селеніи имѣлся фуражъ, который я долженъ былъ захватить и доставить въ лагерь, для чего мнѣ были приданы всѣ оставшіяся лошади отряда. Въ теченіе же дня я долженъ былъ прикрывать табунъ. Я едва успѣлъ попрощаться съ бѣднымъ *Пассьетомъ*, котораго я больше уже не увидѣлъ [1]).

При входѣ въ селеніе у насъ было завязалась довольно горячая перестрѣлка, во время которой *Колюбакинъ*, бывшій съ своей ротой въ цѣпи и верхомъ, былъ раненъ пулей въ грудь, къ счастью, не особенно серьезно, и черезъ день онъ уже вернулся въ строй. Затѣмъ, у меня уже по всей линіи стало тише, такъ какъ противникъ былъ занятъ въ другомъ мѣстѣ.

Сигнальная ракета была пущена, и войска нашей „сухарной оказіи“ вошли въ лѣсъ, прошли его, провели ночь на высотѣ и вернулись обратно 11-го.

Но это были только жалкіе остатки! Они мужественно пробились сквозь тысячи непріятелей и сквозь груды тѣлъ. Никакія распоряженія, ни общія, ни частныя, не были примѣнимы въ этой убійственной мѣстности: укрываясь деревьями, завалами, укрѣпленіями, горцы стрѣляли съ удобствами, не торопясь, и били на выборъ нашихъ солдатъ, охранявшихъ и оборонявшихъ транспортъ

---

[1]) Доблестный Пассьетъ былъ раненъ, но лишенный ухода и леченія умеръ отъ гангрены уже по прибытіи въ Герзель-аулъ.

и остававшихся беззащитными. Потери были громадныя, но, по крайней мѣрѣ, одинаковыя для обѣихъ сторонъ; горцы были изумлены. Для насъ потери эти, сравнительно, были ощутительнѣе: противникъ былъ у себя, его силы удваивались каждый день, между тѣмъ какъ ряды нашихъ бойцовъ порѣдѣли, и только непомѣрно увеличивалось число раненыхъ, многочисленность которыхъ не переставала создавать намъ новыя затрудненія [1]).

Только графъ Воронцовъ могъ справиться съ задачей командованія въ столь критическія минуты [2]).

Эта кровавая экспедиція дней 10-го и 11-го, названная солдатами „сухарной оказіею“ или „сухарницей“, имя, которое ей и осталось навѣки, была богата подвигами героизма, самоотверженія и мужества. Многіе изъ этихъ подвиговъ, какъ, напримѣръ, — прохожденіе лѣса однимъ молодымъ солдатомъ сквозь тысячи смертей, подробности смерти *Пассьета* и стараго кавказца и героя полковника *Ранжевскаго* были воспѣты солдатскими стихами; между солдатами немало такихъ стихотворцевъ, воспѣвающихъ на всѣ лады тѣ дѣла, въ которыхъ они участники.

Многіе эпизоды этого достопамятнаго боя были описаны въ нашихъ реляціяхъ, передавались изъ устъ въ уста по всему Кавказу и долго еще служили темами безконечныхъ бесѣдъ зимой, у огонька въ маленькихъ бѣленькихъ домикахъ полковыхъ штабъ-квартиръ.

Одинъ изъ этихъ эпизодовъ, пользующійся меньшей извѣстностью, относится къ грустному событію, о которомъ тяжело вспомнить, но, будучи менѣе щепетиленъ, я не боюсь помѣстить этотъ

---

[1]) Въ дни 10-го и 11-го въ этой сухарной оказіи мы потеряли: убитыми: 2-хъ генераловъ (*Викторова* и *Пассека*), 3-хъ шт.-офиц., *14* об.-офиц. и *446* н. чин.; ранеными, преимущественно тяжело и по нѣсколько разъ: оберъ-офицеровъ *34* и нижн. чиновъ *715*; контуженными: об.-офиц. *4* и нижн. чиновъ *84*; и *122* чел. ниж. чин. безъ вѣсти пропавшихъ.

Насколько несообразно были велики потери, видно изъ сравненія силъ отряда 6-го іюля, передъ движеніемъ въ Дарго (350 шт. и об.-офиц., 850 унт.-оф. и 8.825 н. ч.) и 13-го іюля при выступленіи въ Герзель-аулъ (248 шт. и об.-офиц., 627 унт.-офиц. и 5.230 н. ч.), когда однихъ больныхъ и раненыхъ при обозѣ было: офицеровъ 57 и 1.254 чел. ниж. чиновъ.

[2]) Графъ Воронцовъ показалъ здѣсь большое величіе духа и удивительную выдержку, что, конечно, много способствовало спасенію отряда, „хотя все-таки успѣхъ этого спасенія заключался въ доблести и искусствѣ кавказскихъ войскъ вообще и ихъ начальниковъ въ частности, не говоря уже о заслугахъ въ эти дни движенія въ Герзель-аулъ незабвенныхъ *Лабынцева* и *Козловскаго*, особенно перваго.

эпизодъ въ моихъ мемуарахъ, предназначенныхъ остаться извѣстными лишь тѣсному кругу моихъ самыхъ близкихъ друзей [1]).

Двѣ роты и горное орудіе колонны Клюгенау, отражая толпы непріятеля, сдѣлали все то, что честь и долгъ отъ нихъ требовали, но разстроенныя огнемъ, истощивъ всѣ усилія, подались и разсѣялись.

Орудіе было оставлено, лошади убиты, вывести орудіе стало немыслимо, прислуга еле держалась и приготовилась къ послѣднему отпору непріятельскихъ скопищъ, которые, покончивъ съ пѣхотой, бросились теперь на орудіе. Командовавшій орудіемъ молодой 22-хъ лѣтній юнкеръ *Баумгартенъ*, видя невозможность спасти орудіе, закричалъ прислугѣ: „спасайтесь и присоединяйтесь къ своимъ, а мнѣ все равно, мое мѣсто здѣсь“, бросился затѣмъ къ орудію, обхватилъ его руками и закрылъ своимъ тѣломъ; горцы шашками и кинжалами рубили его на части.

Я зналъ лично Баумгартена и предугадывалъ, что онъ всегда выйдетъ съ честью изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, я былъ очень къ нему расположенъ и очень былъ огорченъ его смертью, подробности которой узналъ много времени спустя по окончаніи экспедиціи.

Намъ досталось очень мало продовольствія, а оставаться дольше въ Дарго стало невозможно и необходимо было подумать, какъ пробиться на линію нашихъ укрѣпленій. Путь нашего движенія еще не былъ опредѣленъ. Графъ Воронцовъ рѣшилъ идти на Герзель-Аулъ. Это направленіе и было предрѣшено планомъ кампаніи, составленнымъ въ Петербургѣ, и говорили, что эта дорога лучше той, которая ведетъ на Маіортупъ, потому что на ней всюду можно было имѣть воду.

Пуркей, уроженецъ Ауха, житель Андреева, взялся быть нашимъ проводникомъ. Честь и слава ему, что онъ честно послужилъ намъ въ этомъ случаѣ: вѣрность далеко не всегда составляетъ преобладающую добродѣтель горцевъ.

---

[1]) Вскорѣ по смерти автора мемуары были напечатаны на французскомъ языкѣ, а разъ эти мемуары вышли въ печати, то уже завѣщаніе Венкендорфа не могло быть исполнено. 60 лѣтъ спустя, пора вынуть ихъ изъ подъ спуда, сдѣлавъ доступными массѣ, такъ какъ они имѣютъ цѣнность для исторіи и не только съ точки зрѣнія изслѣдованія одной экспедиціи 1845-го года. *Б. К.*

Сухарная экспедиція произвела тяжелое впечатлѣніе. Воображеніе молодыхъ людей, не побывавшихъ еще на подобныхъ празднествахъ, было полно дьявольскими и дикими образами чеченцевъ, какъ призраки кружившимися передъ ихъ глазами. Опытъ бывалыхъ людей ничуть не успокаивалъ ихъ на счетъ ожидавшей ихъ участи въ предстоявшемъ маршѣ. Лучшіе люди замыкались въ стоическое спокойствіе, составлявшее обычное ихъ состояніе въ счастьѣ, какъ и въ несчастьѣ, то спокойствіе, которое является результатомъ ихъ испытанной храбрости, ихъ традицій славы и ихъ постоянства въ исполненіи долга.

Чтобы уменьшить нашъ громадный обозъ, затрудняющій наше движеніе, и чтобы отвести подъ настоящихъ и будущихъ раненыхъ возможно большее число лошадей, мы сожгли какое возможно было имущество, палатки разодрали по полотнищамъ, и каждый солдатъ взялъ достаточное количество полотна для перевязки ранъ, могущихъ имъ быть полученными.

Вечеромъ 12-го я бродилъ между группами лицъ, собравшихся у расцвѣченныхъ флагами палатокъ главной квартиры; говорили только вполголоса, у многихъ лица вытянулись и не трудно было замѣтить, что здѣсь больше людей не воинственныхъ, больше военныхъ безъ призванія, чѣмъ у бивуачныхъ костровъ. Большая была разница между серьезной, но холодной и гордой выдержкой нашихъ кавказскихъ войскъ и тѣми разговорами, которые велись у палатокъ главной квартиры! Сколько разъ въ этотъ день мнѣ приходили на память прекрасные стихи Шиллера:

In Felde da ist der Mann noch was werth,
Da wird ihm das Herz noch gewogen,
Da tritt kein anderer für ihn ein,
Auch sich selber steht er ganz allein!

Я пошелъ засвидѣтельствовать свое почтеніе графу Воронцову. Я имѣлъ право входить въ его палатку во всякое время. Я хотѣлъ ему сказать, что мы надѣялись, что онъ вспомнитъ Куринцевъ, что время наступило, когда мы осмѣливались просить его не остаться намъ забытыми.

Графъ въ это время что-то диктовалъ. Онъ смѣрилъ меня своимъ проницательнымъ взглядомъ и улыбнулся мнѣ той улыбкой, которая никогда его не оставляла и которая, казалось, говорила: „неужели васъ все это удивляетъ? я не то еще видалъ въ теченіе моей продолжительной службы“. Я устыдился своего рвенія и не зналъ, какъ уйти незамѣченнымъ.

Графъ пришелъ мнѣ на помощь, протянулъ мнѣ руку, сердечно расцѣловалъ меня, благодарилъ меня, поручилъ мнѣ передать его

слова войскамъ и ласково прибавилъ, что во всѣхъ случаяхъ онъ зналъ, что можетъ на меня положиться. Я уже собирался уйти, но графъ, какъ бы боясь, что слишкомъ много сказалъ, снова позвалъ меня: „Кстати, Бенкендорфъ, прежде чѣмъ съ вами разстаться, я долженъ вамъ сказать, что только что получилъ письмо отъ жены. Онъ вамъ шлетъ привѣтъ; она очень довольна домомъ, который занимаетъ въ Кисловодскѣ, особенно прелестна гостиная, только погода не благопріятна: дождь льетъ каждый день; я очень объ этомъ сожалѣю".

Въ этотъ вечеръ мы роскошно поужинали остатками нашихъ запасовъ и вслѣдъ за другими принялись уничтожать свое имущество.

Я самъ сжегъ свои эполеты и аксельбанты съ вензелями Государя, чтобы быть увѣреннымъ, что они не попадутъ въ руки непріятеля; свою гербовую печать я передалъ барону Николаи, такъ какъ канцелярія и дѣла самого графа Воронцова, понятно, имѣли больше правъ на сбереженіе и сохраненіе. Затѣмъ я положилъ въ карманъ 4 плитки сухого бульона, а мои слуги оставили, кромѣ того, кастрюлю и рисъ; вотъ и всѣ наши запасы на 8 дней марша.

Мы высчитали, что намъ потребуется восемь дней, чтобы пройти 40 верстъ. Это одно даетъ понятіе, какую трудность представляли мѣстность и дороги, по которымъ намъ нужно было двигаться.

Наше выступленіе изъ Дарго состоялось при мрачномъ молчаніи войскъ.

Было необходимо обмануть непріятеля направленіемъ нашего движенія, въ чемъ мы хорошо успѣли и настолько, что выиграли цѣлый переходъ, не будучи атакованы. Для насъ это былъ большой успѣхъ, такъ какъ, достигнувъ бивуака въ окрестностяхъ Центери, мы оставили за собой два глубокихъ оврага, прохожденіе которыхъ насъ бы сильно затруднило и повело бы къ значительнымъ потерямъ. Генералъ Лабынцевъ командовалъ аррьергардомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ баталіоновъ Кабардинскаго полка. Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ отступленіи, произведенномъ подъ выстрѣлами въ упоръ непріятеля и на виду всего отряда. Это отступленіе было удивительно по тому порядку и увѣренности, которые онъ умѣлъ сообщать войскамъ своего отряда и вообще внушать своимъ подчиненнымъ. Ему принадлежитъ всецѣло слава этого дня и всеобщее одобреніе. Потеря въ людяхъ у него была ничтожная.

Утро 14-го было туманное. Мы провели ночь на высотѣ, откуда дорога раздѣляется; одна идетъ влѣво на Маіортупъ, другая, вправо, параллельно долинѣ Аксая—на Герзель-Аулъ, куда намъ предстояло слѣдовать.

Такъ же, какъ и наканунѣ, непріятель все еще находился въ неизвѣстности принимаемаго направленія, что намъ было выгодно, такъ какъ непріятель не могъ заблаговременно приготовиться къ оборонѣ.

Съ восходомъ солнца мы покинули нашъ бивакъ и направились по лѣсистому плато. Я огибалъ опушку лѣса слѣва, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія.

Непріятель перестрѣливался только съ авангардомъ. Одна изъ первыхъ пуль пробила колѣно полковника *графа Стенбока.* Рана эта, на которую сначала никто не обратилъ вниманія, впослѣдствіи потребовала ампутаціи ноги и тѣмъ лишила Кавказскую армію талантливаго, храбраго и достойнаго офицера.

Не успѣли мы сдѣлать и пяти верстъ, какъ, повернувъ налѣво, очутились у входа въ деревню Гурдали, которую непріятель только что зажегъ. Тамъ кончалось высокое плато. Дорога спускалась крутыми склонами въ узкую долину, образуемую небольшимъ ручьемъ. На противоположномъ берегу долины подымалась цѣпь лѣсистыхъ возвышенностей, вышины около 300 футовъ. Шамиль занималъ ихъ всѣми своими силами и преграждалъ намъ здѣсь дорогу.

Минута была рѣшительная,—необходимо было пробиться. Мы всѣ были въ ожиданіи. Я со своими егерями занималъ кукурузное поле, покрытое высокой травой, изъ-за которой насъ совсѣмъ не было видно; вдругъ я услышалъ свое имя, поспѣшно произнесенное нѣсколькими голосами заразъ. То были адъютанты, которыхъ графъ Воронцовъ прислалъ ко мнѣ. Главнокомандующій меня требовалъ къ себѣ! „Бенкендорфъ, видите, я васъ не забываю: возьмите Карталинскую милицію и все, что будетъ возможно изъ вашего баталіона, не обнажая лѣвой цѣпи. Авангардъ спустится въ долину и пойдетъ по дорогѣ, которая сворачиваетъ направо. Вы спуститесь вмѣстѣ съ нимъ и атакуете высоты, стараясь держаться правѣе, чтобы выйти во флангъ непріятельскимъ партіямъ. Вамъ нужно ихъ захватить и на нихъ удержаться".

Приказаніе отдано было точно, исполненіе—трудно, успѣхъ—сомнителенъ.

Льщу себя надеждой, что изъ тѣхъ, кто помнитъ эту минуту отдачи мнѣ графомъ Воронцовымъ этого приказанія, никто меня въ этомъ не опровергнетъ.

Не успѣлъ я получить это приказаніе, какъ войска авангарда,

руководимаго генераломъ Бѣлявскимъ, огласили воздухъ знакомыми звуками движенія въ атаку. Я поспѣшилъ догнать его съ двумя первыми ротами моего баталіона, имѣвшими не болѣе 200 штыковъ, и съ Грузинской милиціею, имѣвшей столько же людей.

Чтобы избѣжать огня, отовсюду вырывавшагося изъ горѣвшаго селенія, мы пробѣжали его бѣгомъ, спустились въ оврагъ, перешли въ бродъ ручей и затѣмъ перешли лощину, шириною въ 200 шаговъ. Достигнувъ входа въ лѣсъ, у подножія атакуемыхъ мною возвышенностей я приказалъ пріостановиться для приведенія колонны въ порядокъ и для построенія. Здѣсь мы раздѣлились на двѣ части: полковникъ *Меллеръ-Закомельскій*, командовавшій всей цѣпью, взялся вести лѣвую часть, а я—правую; насъ раздѣлялъ оврагъ.

Я всегда имѣлъ счастье видѣть, что войска, которыя я велъ въ бою, всегда весело шли въ огонь; они считали меня удачникомъ, что̀ придавало имъ особую увѣренность. Въ настоящемъ случаѣ они хорошо высматривали, но не трудно было убѣдиться, что они шли въ бой не съ легкимъ сердцемъ. На мое обращеніе къ нимъ, они отвѣтили мнѣ хорошимъ „ура!“, но въ этомъ „ура!“ не чувствовалось увѣренности въ побѣдѣ.

Вступая въ подобный темный лѣсъ, солдатъ вынужденъ разсчитывать только на собственное мужество, онъ долженъ пробивать себѣ дорогу черезъ сваленныя деревья и сквозь густую чащу, за которыми онъ ежеминутно рискуетъ наткнуться на западню; вообще здѣсь онъ предоставленъ исключительно только своимъ собственнымъ силамъ. Онъ не видитъ рядомъ съ нимъ идущаго товарища, не видитъ офицера впереди себя, ни ободряющаго его начальника; густота лѣса такова, что все исчезаетъ изъ вида.

При подобныхъ условіяхъ единство удара становится невозможнымъ, порывъ не поддерживаетъ движенія, ничто не электризуетъ, ничто не подымаетъ духа, ничто не влечетъ впередъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда идешь въ атаку на открытомъ мѣстѣ и на виду у всѣхъ. Здѣсь же сознаешь только трудности, которыя приходится преодолѣвать, и только и слышишь, что свистъ отовсюду летящихъ пуль, будучи лишенъ возможности отвѣчать, такъ какъ не видишь противника, который тебя поражаетъ.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года [1]).

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

(Окончаніе).

Надъ лѣсомъ простирался завалъ. Солдатъ нашъ отлично знаетъ, что значитъ неудачно атаковать завалъ, что значитъ—не взять его, такъ какъ это влечетъ за собой бѣдственное отступленіе, преслѣдованіе противникомъ, чего такъ слѣдуетъ избѣгать; это влечетъ избіеніе нашихъ раненыхъ, это—вѣрная смерть, смерть безъ погребенія, безъ того крестнаго напутствія, съ которымъ товарищи ваши засыпаютъ землей вашу могилу.

Всѣ эти ужасные призраки мною не преувеличены, и въ подобныя минуты они одинаково представляются воображенію, какъ труса, такъ и храбраго: одного они губятъ, другой ихъ побѣждаетъ, но оба поражены ими, а между тѣмъ, для того, чтобы смѣло идти въ дѣло, необходимо быть внѣ всякихъ впечатлѣній, нужна только увѣренность въ успѣхѣ, и тогда побѣда обезпечена.

По данному сигналу мы вошли въ чащу съ громкими криками „ура“, которые то замирали, то снова раздавались всякій разъ, когда мы встрѣчали препятствіе, которое слѣдовало преодолѣть. Съ самаго начала движенія насъ уже встрѣтили учащеннымъ огнемъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1911 г.

Я не достигъ еще и полпути подъема, какъ услышалъ отъ князя *Захарія Эристова*, бывшаго отъ боли въ полуобморочномъ состояніи, что онъ не въ силахъ идти дальше; грузины остались такимъ образомъ безъ начальника, что являлось для меня сущимъ несчастіемъ, такъ какъ теперь я уже не могъ съ ними объясняться.

Ко всѣмъ этимъ заботамъ прибавилось еще новое печальное обстоятельство, всю важность котораго оцѣнитъ всякій, кто бывалъ въ бою. Дѣло въ томъ, что, для обезпеченія успѣха нашей атаки, внизу была выставлена батарея конгревовыхъ ракетъ, управлявшій огнемъ ея плохо разсчиталъ разстояніе и нѣсколько гранатъ, предназначенныхъ горцамъ, разорвалось среди насъ, убивъ и ранивъ нѣсколько человѣкъ. Нужно ли объяснять, что за тяжелое впечатлѣніе произвело это на войска?!

Не могу вспомнить этого дня, оставившаго столь тяжелое въ моей жизни воспоминаніе, безъ чувства глубокаго страданія. Чтобы разсказать событія этого дня, со всей строгостью запросивъ свою совѣсть и не уклоняясь отъ истины, я долженъ собраться съ мыслями.

Мнѣ было невозможно вполнѣ оріентироваться въ этомъ дьявольскомъ лѣсу, въ которомъ я видѣлъ только деревья и сучья, преграждавшіе движеніе. Я думалъ, что шелъ по направленію, указанному мнѣ графомъ Воронцовымъ, въ чемъ меня и увѣряли мои проводники, хотя, по правдѣ, слѣдуетъ замѣтить, что, когда завязалась горячая перестрѣлка, я ихъ уже болѣе не видѣлъ; чеченецъ очень остороженъ, когда дерется въ нашихъ рядахъ.

Мы продолжали подвигаться подъ огнемъ. Я уже достигалъ опушки лѣса и отъ укрѣпленій, гдѣ притаились горцы, мы были не болѣе, какъ въ 50-ти шагахъ, и только тогда замѣтилъ я, что ошибся!

Вмѣсто того, чтобы выйти этимъ укрѣпленіямъ во флангъ, мы ударяли теперь съ фронта,—прямо въ лобъ. Вся моя кровь застыла въ жилахъ.

Отступать было немыслимо: всякое отступленіе въ подобныхъ случаяхъ обращается въ пораженіе, оставаться на мѣстѣ было не менѣе опасно, оставалось только дерзать, т. е.—идти прямо впередъ [1]).

---

[1]) Почтенный Бенкендорфъ, конечно, правъ съ своей точки зрѣнія, не взявъ въ разсчетъ, что была еще лѣвая колонна, бравшая эти завалы съ другого фланга, а потому, казалось, онъ могъ бы еще обождать успѣха удара этой колонны и тогда уже ударить съ фронта, но въ данномъ случаѣ и лѣвая колонна могла заблудиться, не говоря уже о трудности поддерживать съ ней связь въ подобномъ лѣсу. *Б. Колюбакинъ.*

Отрогъ, по которому мы наступали, по мѣрѣ подъема съуживался и на верху заканчивался участкомъ шаговъ въ 20 всего ширины, который и былъ прегражденъ укрѣпленіями горцевъ. Справа и слѣва уже спускались горцы, которые обхватывали насъ съ обоихъ фланговъ, и мы были отдѣлены отъ нихъ только оврагами.

Я собралъ весь мой отрядъ и съ офицерами во главѣ повелъ его впередъ. Съ первымъ же шагомъ на открытомъ, уже обнаженномъ отъ деревьевъ участкѣ мѣстности, насъ со всѣхъ сторонъ охватилъ страшный огонь. Всѣ около меня падали. Я удвоилъ усилія; въ теченіе 10-ти минутъ мы боролись со смертью, окружавшей насъ со всѣхъ сторонъ.

Это былъ адъ, изрыгавшій на насъ огонь. Стоять было невозможно, и мы всѣ лежали на землѣ, подвигаясь ползкомъ, правда, не скоро, но все-таки подвигались. Я не видѣлъ конца этой картинѣ истребленія.

Оставалось только дать убить и себя. Но, вотъ и я почувствовалъ, что опрокинутъ, и я былъ тому радъ: въ этомъ заключалось для меня единственное средство выйти съ честью изъ этого дѣла. Мое имя пробѣжало по рядамъ; *Шеппингъ* и три карабинера бросились ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ мнѣ: „Ничего, Ваше Сіятельство, Николай Чудотворецъ спасетъ васъ“, и меня поволокли въ лѣсъ.

Войска не двигались; силы ихъ были истощены; подавленныя огнемъ, онѣ отошли къ лѣсу, служившему имъ защитой. За исключеніемъ только одного, всѣ офицеры были выведены изъ строя; почти половина Куринцевъ и милиціонеровъ лежали распростертыми на землѣ и покрытыми кровью, а между тѣмъ настоящій бой длился только 10 минутъ! Бѣдные грузины окончательно изнемогали: они видѣли гибель трехъ изъ своихъ князей, изъ коихъ два брата умерли въ объятіяхъ другъ друга.

Молодцы егеря-Куринцы одни съумѣли остаться на своемъ мѣстѣ. Безъ начальниковъ и безъ малѣйшихъ указаній, они еще удостоились чести и славы окончательнаго занятія этихъ заваловъ, правда, при поддержкѣ трехъ ротъ Апшеронцевъ, вышедшихъ къ этимъ заваламъ съ фланта.

Не даромъ было пролито столько крови; для упроченія побѣды не пришлось дѣлать новыхъ усилій; противникъ былъ смущенъ, несмотря на нанесенныя имъ намъ потери, и не только что не посмѣлъ насъ преслѣдовать, но даже бросилъ и самые завалы, за которые мы выдержали столь горячій бой, и, нѣсколько минутъ всего спустя, Куринцы заняли ихъ безъ всякаго сопротивленія.

Штурмъ высотъ у Гурдали, подобно таковому горы Анчимееръ,

произошелъ на глазахъ главнокомандующаго и на виду всего отряда. Всѣ могли за нами слѣдить и, конечно, всѣ посылали намъ свое благословеніе, такъ какъ на этихъ высотахъ рѣшалась участь дня [1]).

Еще ранѣе, лишь только завязался бой, графъ Воронцовъ послалъ ко мнѣ своего адъютанта *Нечаева* [2]) съ похвалой и поздравленіемъ взятія непріятельскаго орудія, бывшаго дѣйствительно въ атакованномъ нами завалѣ, и это поздравленіе должно было служить подбадривающимъ насъ средствомъ.

Добрыхъ четверть часа употребилъ Нечаевъ, чтобы добраться до насъ, но, вмѣсто орудія, онъ увидѣлъ меня, всего окровавленнаго, окруженнаго жалкими остатками моей колонны. Всѣмъ было извѣстно душевное расположеніе ко мнѣ графа Воронцова, а потому, не желая огорчать его въ ту минуту, когда ему необходима была вся его энергія, Нечаевъ, по обратномъ къ нему возвращеніи, не смѣя доложить ему всю правду, на вопросы его, отвѣтилъ совершенно хладнокровно, что „Бенкендорфъ слегка раненъ“, но свитѣ, не колеблясь, сказалъ: „онъ умираетъ“.

Мнѣ дѣйствительно приходилось плохо: пуля пронизала меня насквозь, я потерялъ много крови, и перевязывавшій меня докторъ объявилъ, что мнѣ остается жить лишь нѣсколько часовъ.

Изъ насъ четверыхъ раненыхъ въ этотъ день штабъ-офицеровъ подобный смертный приговоръ былъ произнесенъ только надо мной, а между тѣмъ изъ насъ четверыхъ: одинъ (полковникъ *Бибиковъ*) уже не существуетъ, другой (графъ *Стейнбокъ*)—безъ ноги, третій (маіоръ *Альбрантъ*)—безъ руки, и только я одинъ живъ и здоровъ.

Я долженъ былъ умереть по стеченію обстоятельствъ, но свыше было предопредѣлено, что я буду жить.

Лишь только меня перевязали, какъ сейчасъ же положили на солдатскую шинель, натянутую между двумя ружьями, четыре солдата подняли меня на свои плечи и понесли во главѣ транспорта раненыхъ.

Горя нетерпѣніемъ добраться до ночлега, я слишкомъ горячо торопилъ своихъ носильщиковъ, желавшихъ меня послушаться и опе-

---

[1]) Дѣйствительно, заслуга колонны Бенкендорфа въ этотъ день 14-го іюля. самый трудный за весь маршъ изъ Дарго въ Герзель-аулъ, была очень большая и нельзя не воздать должное молодцамъ Куринцамъ. Что за геройскія войска были тогда на Кавказѣ?!

[2]) Нечаевъ—авторъ рукописи, пріобрѣтенной нами у антиквара Клочкова, нами напечанной въ „Воен. Сборникѣ“ и выпущенной отдѣльнымъ изданіемъ.

Б. Колюбакинъ.

редить главныя силы. Слѣдуя за нѣсколькими ранеными по узкой дорогѣ меня понесли черезъ лѣсъ, еще недостаточно обезпеченный слѣва нашими войсками. Къ намъ присоединили еще вьюки, что увеличило непорядокъ этого слѣдованія.

Непріятель, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, неожиданно бросился на насъ слѣва и, не встрѣтивъ, по полному отсутствію здѣсь нашихъ войскъ, никакого сопротивленія, легко овладѣлъ дорогой [1]). Я достался въ руки нашихъ враговъ. Чеченцы вырвали у меня мундиръ, которымъ я прикрывалъ себѣ лицо, и я неизбѣжно былъ бы изрубленъ, какъ было изрублено нѣсколько человѣкъ раненыхъ рядомъ со мной, если бы не хладнокровіе, мужество и благородное самоотверженіе *Шеппинга*, которому одному и всецѣло обязанъ я спасеніемъ жизни. Онъ защитилъ меня отъ ударовъ, которые мнѣ предназначались, и защищая меня, самъ получилъ три раны. Я имѣлъ время собраться съ послѣдними силами, подняться съ земли [2]), чтобъ сдѣлать нѣсколько шаговъ до края пропасти, куда я и ринулся очертя голову [3]).

---

[1]) Войскъ не было, такъ какъ авангардъ запальчиваго генерала Бѣлявскаго зарвался и продралъ впередъ, не выжидая подхода боковыхъ цѣпей, а потому, естественно, между главными силами съ обозомъ и авангардомъ образовался промежутокъ, а вѣдь главныя силы и авангардъ должны были равняться па арріергардъ.

[2]) Куринцы положили его на землю и, обороняя, кажется, были изрублены.

[3]) Баронъ Шеппингъ еще утромъ отнялъ пистолеты у барона Николаи, и они теперь ему и пригодились. Князь Дундуковъ такъ разсказываетъ этотъ случай: „подлѣ носилокъ графа Бенкендорфа шелъ другъ его баронъ Шеппингъ, и когда горцы начали рѣзать раненыхъ и ихъ прикрытіе, Куринцы, положивъ носилки, обороняли. Шеппингъ впереди ихъ защищаетъ своего друга и пистолетомъ барона Николаи успѣваетъ убить горца, занесшаго кинжалъ надъ Бенкендорфомъ, самъ же получаетъ нѣсколько ранъ шашками и въ упоръ выстрѣлъ изъ пистолета въ животъ, но къ счастью, пуля (по недостатку ли пороха) застрѣваетъ въ бѣльѣ. Бенкердорфъ же въ безсознательномъ и безотчетномъ испугѣ имѣлъ достаточно силы, чтобы вскочить и бѣжать. Нѣсколько Чеченцевъ, догоняя, рубили его безпощадно, и онъ былъ найденъ въ оврагѣ, весь облитый кровью и изрѣзанный шашками. Это немедицинское кровопусканіе, быть можетъ, спасло ему жизнь, остановивъ воспаленіе. Окончательно горцы были разогнаны подоспѣвшей 11-й ротой Навагинскаго полка.

А нѣсколько далѣе горцы атаковали самого Воронцова, едва спасеннаго нѣсколькими Кабардинцами. Не доходя же авангарда были убиты адъютантъ Воронцова *Лонгиновъ*, адъютантъ Лидерса, графъ *де-Бальменъ* и *Башиловъ* и раненъ Ген. шт. капитанъ баронъ *Дельвигъ* и маіоръ *Альбрантъ*. А рядомъ съ Бенкендорфомъ убитъ раненный же полковн. *Завальевскій*.

Тяжелый былъ этотъ день 14-го іюля.

Б. Колюбакинъ.

Только Шеппингъ съумѣлъ избавить меня отъ всѣхъ ужасовъ плѣна или неминуемой смерти, и то и другое было неизбѣжно и потому только добрѣйшему Шеппингу—вся честь моего спасенія, вѣчная ему благодарность за эту благородную, братскую и дружескую помощь. Для меня все ограничилось только четырьмя ударами шашки и кинжала. Сильное кровопусканіе принесло мнѣ пользу, и доктора увѣряли, что это меня спасло. На самомъ дѣлѣ, такъ какъ я сильно ослабѣлъ отъ потери крови, то воспаленіе праваго плеча, начавшееся отъ первой моей раны, не только что не усилилось, но прекратилось. Слабость, которая меня охватила, она-то и спасла мнѣ жизнь; это странно, но вѣрно.

Никогда не ухаживали за мной съ бо́льшей добротой, усердіемъ и любовью, и всѣ наперерывъ старались выказать мнѣ участіе. Хотя въ этотъ день всѣ были въ ужасномъ положеніи, когда чувство эгоизма неизбѣжно беретъ верхъ, всѣ обо мнѣ подумали.

Александръ Барятинскій отнесся ко мнѣ съ полной добротой и глубоко тронулъ меня искренней нѣжностью. Я былъ лишенъ всего. Каждый старался обобрать себя, чтобы меня одѣть и облегчить мои страданія: поручикъ *Швахеймъ* (раненый офицеръ Куринецъ) накрылъ меня своимъ сюртукомъ, другой далъ папаху, молодой князь Капланъ предложилъ свою лошадь; Мамутъ, чтобы быть всегда у меня подъ рукой для моей защиты, рѣшилъ не оставлять меня болѣе, а князь *Николай Эристовъ* присоединился ко мнѣ, чтобы пробивать мнѣ дорогу. Отыскался и мой Андрей, и молодчина этотъ уже не оставлялъ меня. Цырюльникъ карабинерной роты перевязалъ мои раны.

День выдался тяжелый; по всей линіи (вѣрнѣе по всей глубинѣ) дрались до вечера. Мы достигли мѣста ночлега только съ наступленіемъ темноты, а арріергардъ подошелъ съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Дождь шелъ какъ изъ ведра, темнота была полная, всѣ валялись какъ попало въ грязи, и положеніе раненыхъ въ эту ночь было ужасное. Въ подобныхъ обстоятельствахъ здоровые мало церемонятся съ ранеными, видя въ нихъ лишь обузу и лишнее горе, но я былъ счастливѣе другихъ.

Палатку разбили только для графа Воронцова, и онъ послалъ меня разыскать *Щербинина*, чтобы перенести къ себѣ. Я должно быть очень надоѣлъ бѣдному графу моими стонами, вырывавшимися у меня, помимо моей воли.

Во всякой другой войнѣ участь раненыхъ обезпечена, здѣсь же мы подверглись всѣмъ тѣмъ ударамъ, что и наши защитники; мы не могли избавиться ни отъ одного изъ результатовъ той драмы,

которая развертывалась передъ нами и длилась еще 6 дней [1]). Хотя я въ ней и не принималъ участія, но голова моя была свѣжа, и я могу продолжать свое повѣствованіе, такъ какъ прекрасно слѣдилъ за нашими дѣйствіями, изъ которыхъ передамъ важнѣйшія, дабы лучше объяснить развязку.

Въ теченіе дней 15-го и 16-го мы были въ непрерывномъ движеніи и все время дрались. Послѣ полудня 16-го мы были вынуждены атаковать сильную позицію, обороняемую наибомъ Литула. Потребовались большія усилія для ея овладѣнія, всѣ части поперемѣнно были введены въ дѣло, и графъ Воронцовъ долженъ былъ лично руководить ея атакой.

Дни 17-го и 18-го мы провели въ долинѣ Шаухалъ-верды. Остановка необходима была для отдыха и для приведенія въ порядокъ службы войскъ и обозовъ.

Уже нѣсколько дней, какъ мы не имѣли продовольствія; рогатый скотъ былъ съѣденъ. Жили — несмотря на противника, несмотря на усталость, — на общее истощеніе, жару, голодъ, жажду; жили потому, что въ арміи, подобной нашей, жизненную силу арміи составляетъ — энергія начальниковъ, дисциплина и мужественная покорность солдата, и всѣ эти факторы были на лицо. Солдатъ выказалъ чудеса покорности и храбрости, а энергія графа Воронцова была просто изумительна; онъ проявилъ ту силу, которая увлекаетъ, воодушевляетъ, электризуетъ; ту силу, которой обладаетъ только недюжинный начальникъ и которая внушаетъ массѣ, покорившейся ей какъ бы по волшебству. Никогда графъ Воронцовъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ въ эти минуты, когда уже многіе изъ насъ отчаявались въ спасеніи отряда. Стоило только взглянуть на него, чтобы набраться новыхъ силъ и весело идти навстрѣчу опасностямъ, на которыя онъ смотрѣлъ ясно и спокойно.

Палатокъ оставалось очень мало, только у нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, и непріятель зналъ ихъ наперечетъ. Графъ Воронцовъ велѣлъ разбить свою палатку на самомъ видномъ мѣстѣ лагеря, чтобы непріятель легко могъ въ нее цѣлить. Въ теченіе трехъ дней мѣсто около палатки было изрыто ядрами. 17-го утромъ графъ обошелъ все наше сторожевое охраненіе, дабы показаться войскамъ и благодарить ихъ за мужество. Эту опасную штуку онъ исполнилъ верхомъ на бѣломъ конѣ, дабы быть видимымъ и всѣмъ своимъ и непріятелю. По мѣрѣ того, какъ онъ проѣзжалъ передъ частями, онѣ выстраивались, музыкавты играли честь, а войска

---

[1]) Это дѣйствительно была драма, нигдѣ еще не изложенная во всей силѣ своей дѣйствительности.

привѣтствовали тысячекратнымъ ура, которое временами заглушало канонаду артиллеріи непріятеля, не замедлившаго провожать графа въ теченіе всего его объѣзда, длившагося цѣлыхъ два часа. Я рѣдко видѣлъ болѣе захватывающее зрѣлище.

Графъ Воронцовъ заставилъ насъ пройти чудесную школу, и всѣ тѣ, кто съ нимъ служилъ, сохранятъ драгоцѣнныя о ней воспоминанія. Особенно мы, раненые, мы болѣе другихъ должны благословлять его имя въ память того, что онъ сдѣлалъ для насъ въ теченіе этихъ шести послѣднихъ и ужасныхъ дней похода. Конечно, и всякій другой начальникъ отряда заботился бы о насъ, какъ и графъ Воронцовъ, но тутъ нужна его каждодневная забота и та сила власти надъ умами, которая была ему присуща, и которая заставляла себѣ подчиняться.

Насъ было 1.500 человѣкъ раненыхъ, и мы требовали такое же число себѣ провожатыхъ на походѣ; вся конница была спѣшена и лошади отданы подъ раненыхъ, которые образовали особую колонну, ввѣренную генералу Хрещатицкому, хорошо исполнившему свою задачу. Начальство оказало намъ все содѣйствіе, и распоряженія по отношенію насъ генерала Гурко были безукоризненны.

Все это еще не означаетъ, чтобы нашъ раненый, особенно солдатъ, почивалъ на розахъ. Стоитъ только представить себѣ эту массу несчастныхъ, страдающихъ отъ страшнаго зноя, жажды и голода, такъ какъ даже вода добывалась съ боемъ. Представимъ себѣ страдальцевъ, лишенныхъ силъ и средствъ самозащиты, все время подверженныхъ дѣйствію ядеръ, гранатъ и даже пуль непріятеля, нѣсколько разъ на волоскѣ отъ варварскаго избіенія, безъ возможности тому противодѣйствовать; вспомнимъ, что мы никогда не становились лагеремъ, что мы проходили черезъ страну, которую самый смѣлый офицеръ генеральнаго штаба призналъ бы непроходимой, что мы почти всегда шли безъ дорогъ, черезъ густыя лѣса, пропасти, глубокіе овраги, что весь нашъ путь состоялъ изъ спусковъ и подъёмовъ, одинъ труднѣе другого, что мы только изрѣдка шли по ровному и достаточно открытому мѣсту, гдѣ мы были обезпечены отъ внезапныхъ нападеній противника.

Я набрасываю покрывало на всѣ эти сцены отчаянія, прошедшія передъ моими глазами въ теченіе всѣхъ этихъ тягостныхъ минутъ. Я не нахожу словъ, ни для ихъ описанія, ни для того, чтобы возблагодарить Бога, что Онъ дозволилъ мнѣ достигнуть пристани и конца нашихъ бѣдствій!!!.....

12-го графъ Воронцовъ предупредилъ генерала Фрейтага, бывшаго въ Грозной, о принятомъ имъ направленіи своего движенія и приказалъ ему идти навстрѣчу отряду.

Фрейтагъ человѣкъ большихъ талантовъ, большой мастеръ создавать изъ ничего, увеличивать, по необходимости, силы и средства и придавать крылья своимъ сотрудникамъ и соратникамъ, проявилъ тогда невѣроятную дѣятельность.

Менѣе чѣмъ въ три дня онъ собралъ артиллерію, 8 баталіоновъ, казаковъ и милицію, разбросанныхъ на сто верстъ и вовсе не готовыхъ къ походу. Послѣ полудня 18-го онъ прошелъ уже 15 верстъ по непріятельской землѣ, и его орудія гремѣли уже въ верстѣ отъ отъ нашего лагеря у Шаухалъ-верды.

19-го мы оставили нашу позицію и, выдержавъ еще кровавый бой, соединились съ нимъ. Что это была за радость! Солдаты бросались въ объятія другъ друга! Пришедшіе намъ навстрѣчу опорожняли свои мѣшки для утоленія нашего голода; на каждомъ шагу—трогательныя сцены.

Я никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня первыми, увидѣнными мною, солдатами отряда Фрейтага! Только по сравненію съ ними, мы были поражены собственнымъ видомъ, къ которому привели насъ бѣдствія этой ужасной экспедиціи. Но въ этотъ день всѣ трудности были забыты, въ нашихъ рядахъ была только радость, а въ рядахъ пришедшихъ къ намъ — благородное соревнованіе. Проѣзжая по фронту одной роты, пришедшей съ генераломъ Фрейтагомъ, Воронцовъ, привѣтствуя солдатъ, замѣтилъ имъ: „Какіе вы, братцы, чистенькіе въ сравненіи съ нами!“ „Нѣтъ“, воскрикнулъ одинъ старый унтеръ-офицеръ, „вы бѣлѣе и чище насъ, потому-что вы дрались больше насъ!“

Съ великой радостью встрѣтился я съ *Барановымъ* [1]) и *Хасаевымъ* (Кумыкскій князь). Храбрый Фрейтагъ былъ очень радъ видѣть меня живымъ. Помню, какъ, обнимая меня, онъ сказалъ: „Ну, Костя, потрепали тебя, ничего, вылечимъ, не дадимъ умереть“.

Всѣ наши раненые вышли изъ лѣса. Арріергардъ, которому пришлось выдержать ожесточенный бой, присоединился къ намъ. Отрядъ уже собирался двинуться въ путь и я тоже — слѣдовать за общимъ движеніемъ, когда графъ Воронцовъ, проѣзжавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, сошелъ съ лошади и присѣлъ около меня. Онъ находился въ томъ состояніи откровенности, которое, казалось, его облегчало и радовался видѣть меня уже внѣ опасности.

---

[1]) Флигель-адъютантъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ, находившійся при Фрейтагѣ.

Помню, что въ отвѣтъ на принесеніе мною благодарности за все, что онъ намъ сдѣлалъ, достойный графъ, со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: „если бы мой сынъ находился въ отрядѣ, то я не знаю, что стало бы со мной и съ моей энергіею!“ [1]).

Генералъ Фрейтагъ дѣйствительно пришелъ во-время: ряды защитниковъ сильно порѣдѣли и въ ротахъ было не болѣе 20-ти—30-ти человѣкъ въ каждой.

Войска покрыли себя славой, особенно Кавказцы—старые полки Кабардинскій, Куринскій, Навагинскій и Апшеронскій; великолѣпенъ былъ и *Лабынцевъ* съ своимъ арріергардомъ, выдержавшій на своихъ плечахъ въ теченіе длинныхъ пяти дней всѣ яростныя атаки горцевъ; превосходныхъ помощниковъ нашелъ онъ въ полковникѣ *Козловскомъ*, подполковникѣ *Тиммерманѣ*, капитанѣ *Беклемишевѣ* и *князѣ Яшвилѣ*. Я счастливъ назвать въ числѣ лицъ, особенно отличившихся при исполненіи марша отъ Дарго къ Гергебиль-аулу, двоихъ, къ которымъ я питалъ особое расположеніе, это—*кн. Лобанова* и *Колюбакина*. Въ то время, когда многія лица въ главной квартирѣ уже начали отчаяваться въ спасеніи отряда, Лобановъ просился въ строй и принялъ командованіе одной изъ тѣхъ ротъ, на которую можно было менѣе всего положиться, стойко выдержалъ ее подъ огнемъ и раздѣлилъ всѣ опасности службы въ арріергардѣ.

Также и *Колюбакинъ*, продолжая командовать 3-ей ротой Куринскихъ егерей, поступилъ подъ начальство Лабынцева и заслужилъ отъ него самую блестящую похвалу. Впослѣдствіи онъ мнѣ неоднократно разсказывалъ одинъ эпизодъ, заключающій въ себѣ чисто-кавказскую черту, и я не могу удержаться передать здѣсь этотъ эпизодъ, хотя я лично совершенно ему не причастенъ. 16-го (при переходѣ въ Шаухалъ-Берды) Колюбакинъ получилъ приказаніе овладѣть одной высотой; 50 муллъ, распростершись на землѣ, оглашали воздухъ именемъ Аллаха, котораго они призывали прежде, чѣмъ вступить въ бой. Солдаты же, прежде, чѣмъ броситься въ атаку, пріостановились и слышно было, какъ они говорили: „не хорошо, Богу молятся!“ Колюбакинъ, которому нельзя было терять ни одной минуты, торопилъ своихъ: „что у нихъ, за Богъ, развѣ нашъ не лучше“!?. „Такъ точно, гораздо лучше!“ отвѣтили солдаты

---

[1]) Вѣроятно еще изъ Андіи сынъ его былъ командированъ въ Петербургъ съ донесеніемъ, такъ какъ въ началѣ похода онъ былъ съ отцомъ.

и послѣ нѣсколькихъ „ура“ и короткаго сопротивленія высота была взята.

Лишь только Колюбакинъ овладѣлъ высотой, съ которой были выбиты эти муллы, какъ онъ, въ свою очередь, напомнилъ своимъ примѣръ благочестія, только что ими видѣннаго. Картина измѣнилась: солдаты обнажили головы, пѣвчіе затянули „Со святыми упокой“, и рота опустила въ могилу тѣло своего фельдфебеля, пораженнаго во время атаки пулей въ голову.

Въ этой войнѣ на Кавказѣ всегда есть что-то и драматическое, и фантастическое, и неожиданное.

Итакъ, кампанія кончилась; она длилась шесть недѣль. 20-го послѣ обѣда мы пришли въ Герзель-аулъ—первую на пути русскую крѣпость, въ которую мы вступили съ музыкой и съ веселыми солдатскими пѣснями.

Громкіе крики отчаянія и горя огласили горы. Четыре наиба погибли въ этой кровавой борьбѣ; пали лучшіе чеченскіе борцы; потери горцевъ были громадны, и наше слѣдованіе оставило по себѣ длинный кровавый слѣдъ.

Но и мы также могли скорбѣть о многихъ потеряхъ; наши потери въ прекрасныхъ офицерахъ были громадны, я не имѣю тому точныхъ данныхъ и могу привести потери только баталіона, которымъ я имѣлъ честь командовать. Изъ 700 человѣкъ, выступившихъ въ кампанію, при вступленіи въ Герзель-аулъ оставалось подъ ружьемъ только 300; изъ 400 выбывшихъ изъ строя 150 человѣкъ было больныхъ и 250—убитыхъ и раненыхъ. Изъ 20-ти офицеровъ баталіона въ началѣ кампаніи—осталось только пять нераненыхъ.

Несоразмѣрно большая потеря офицеровъ по отношенію общей потери въ нижнихъ чинахъ есть обыкновенное явленіе въ войнѣ на Кавказѣ [1]).

Изъ 11-ти—штабъ-офицеровъ, спустившихся во главѣ своихъ баталіоновъ въ тѣснины Дарго, къ концу кампаніи, только одинъ остался цѣлъ и невредимъ; были баталіоны, въ которыхъ командиры смѣнялись по четыре раза,—до такой степени свирѣпствовала смерть въ рядахъ отряда.

---

[1]) Это справедливо лишь отчасти, но въ данномъ случаѣ эта несоразмѣрность дошла до невозможнаго, что и объясняется рядомъ кризисовъ въ походѣ, вѣрнѣе, со взятія никому не нужнаго Дарго, весь походъ—сплошной кризисъ. *Б. К.*

Много крови было пролито съ той и другой стороны [1]). Дарго было въ развалинахъ, Андія была одно время занята, Ичкерія пройдена съ одного конца до другого; никогда еще наши знамена не проникали такъ далеко въ горы, никогда еще духъ войскъ не стоялъ на такой высотѣ, никогда еще не покрывали себя на Кавказѣ войска наши большей славой, никогда еще не обладали мы здѣсь столь значительными силами, и никогда еще не давали мы столько боевъ, а между тѣмъ могущество Шамиля осталось во всей своей силѣ.

Причина тому—очень ясная. Ошиблись въ значеніи Дарго и Андіи, еще разъ обманулись въ значеніи въ горахъ нашихъ безполезныхъ побѣдъ и еще разъ ошиблись въ результатахъ и послѣдствіяхъ нашего вторженія [2]).

Главный результатъ кампаніи—это большой и основательный урокъ для будущаго. Дай Богъ, чтобы урокъ этотъ былъ плодотворенъ по отношенію предпринятія этихъ болѣе смѣлыхъ, чѣмъ полезныхъ экспедицій, выполненіе которыхъ поручается лицамъ, мало знакомымъ съ условіями веденія войны на Кавказѣ и слиш-

---

[1]) Наши потери по отношенію общей численности отряда были безпримѣрно велики и за время съ 14-го іюня по 20 іюля только въ Даргинскомъ походѣ мы потеряли по оффиц. даннымъ: 3-хъ генер., 28 шт.-офиц., 158 об.-офиц. и 2.521 ниж. чиновъ, а именно:

	Генераловъ.	Шт.-офиц.	Обер.-офиц.	Нижн. чиновъ.
Убитыми	3	7	27	819
Ранеными	—	18	101	1.916
Контуженными	—	3	28	409
Безъ вѣсти пропавшими	—	—	2	177
	3	28	158	3.321

Примѣчаніе. Къ этимъ потерямъ слѣдуетъ еще прибавить потери отряда генерала Фрейтага и нашихъ гарнизоновъ на этапахъ въ Андіи, что значительно увеличитъ еще эти потери, при чемъ мы не считаемъ еще потерь въ Самурскомъ и Лезгинскихъ отрядахъ.

Любопытны потери отряда только за недѣлю марша отъ Дарго къ Герзель-аулу, съ 13-го по 20-е іюля, а именно, убитыми: 2 шт.-офиц., 10 об.-офиц., 295 нижн. чин.; ранеными: 12 шт.-офиц., 43 обер.-офиц. и 740 н. чин.; контуженными: 2 шт.-офиц., 7 обер.-офиц. и 133 ниж. чина и 23 ниж. чина безъ вѣсти пропавшими. *Б. К.*

[2]) Главная причина неудачъ съ 1839 года и, особенно, 1842 и 1845 гг.—это вмѣшательство Петербурга,—это составленіе плановъ кампаніи и управленіе арміей изъ столицы, тогда какъ успѣхъ дѣла войны, говоря языкомъ Суворова, требуетъ: „единства власти и полной мочи избранному полководцу“, что по отношенію Кавказа вполнѣ осуществилось только при князѣ Барятинскомъ.

Б. К.

комъ занятыхъ своей военной славой [1]). Передъ нами на лицо опытъ, купленный достаточно дорогой цѣной, чтобы служить намъ предостереженіемъ въ будущемъ и чтобы утвердить среди насъ болѣе раціональные принципы, которые мы теперь и прилагаемъ для умиротворенія края [2]).

Эти принципы всегда во всѣ времена исповѣдывались мудрыми и мыслящими дѣятелями, которымъ былъ близокъ край и которые въ своихъ соображеніяхъ не увлекались ничѣмъ тѣмъ, что шло въ разрѣзъ съ общимъ благомъ.

Въ этой кампаніи Кавказская армія пожала новые лавры и получила новое право на признательность Россіи, а будущія поколѣнія, болѣе нашего поколѣнія счастливыя, будутъ пожинать тамъ, гдѣ мы сѣяли, и изъ этихъ чудныхъ, еще дикихъ и невоздѣланныхъ нынѣ земель извлекутъ всю цѣну пролитой здѣсь нами крови.

Войска въ эту кампанію къ вождю, сумѣвшему руководить ими, преисполнились еще большимъ довѣріемъ, а Государь въ героизмѣ этой арміи, для которой не было невозможнаго, и твердость которой преодолѣла всѣ препятствія, получилъ новую гарантію своего могущества.

Очевидно, что Шамиль припомнилъ эти снѣга и скалы Дагестана, которые не остановили наши войска, припомнилъ и кровавые бои въ Чечнѣ, которые никогда не могли утомить насъ, когда, въ своей проповѣди въ горахъ, весной 1846 года, незадолго до его вторженія въ Кабарду, онъ говорилъ своимъ, со свойственной ему смѣлостью языка: „я готовъ всѣхъ васъ отдать за одинъ изъ этихъ

---

[1]) Благородный Бенкендорфъ ведетъ здѣсь рѣчь о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ прошлаго и ближайшимъ образомъ, очевидно, о *Граббе* (экспедиціи 1839 и 1842 гг.), о вмѣшательствѣ личномъ въ 1842 г. *графа Чернышева*, хотя здѣсь, по нашему, между строкъ, обвиненіе и графу Воронцову, который заслуживаетъ такового въ полной мѣрѣ въ 1845 году, когда у Воронцова не нашлось гражданскаго мужества высказать своему Государю правду о всей безцѣльности и вредѣ этой экспедиціи. Въ крайности, графъ Воронцовъ могъ ограничиться только Андіею и тогда избѣжалъ бы подвергать ввѣренный ему отрядъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ, лишеніямъ и невознаградимымъ потерямъ.

Б. К.

[2]) Если это писалось во времена Воронцова, то далеко не вполнѣ и Гергебильская, Салтинская и Чохская экспедиціи служатъ доказательствомъ, что 1845 годъ не произвелъ на Воронцова должнаго впечатлѣнія.

Б. К—ъ.

русскихъ полковъ, которыхъ такъ много у Великаго Императора; съ русскими войсками весь міръ былъ бы у моихъ ногъ, и все человѣчество преклонились бы передъ единымъ Богомъ, единый пророкъ котораго Магометъ, и я единый имъ избранный имамъ вашъ".

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.